

3467
624M8

МУРАВЕЙНИКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

АЛЕКСАНДРЫ КОСТОМАРОВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій пр., № 8.
1914.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Двѣ подруги.

Двѣ подруги сидѣли въ гостиной. Пять лѣтъ тому назадъ онѣ кончили курсъ, оставаясь пять лѣтъ вмѣстѣ среди стѣнъ ставшаго имъ роднымъ института. Общія условія жизни, обмѣнъ, хотя и незначительный, мыслей связалъ ихъ настолько, что, кажется, никакая сила земная или небесная не могла ихъ раздѣлить, т. е. вырвать одну изъ сердца другой.

Гостиная была обита голубой штофной матеріей.

Одну звали Елена Ивановна Крымкова. Она занималась живописью, интересовалась ею и пробовала свои силы по части рисованія. Другую звали Марья Павловна Ифедина. Ея высокій ростъ, видная осанка, привѣтливая улыбка и постоянно хорошее расположеніе духа сразу располагали въ ея пользу. Можно было думать, что нѣтъ человѣка, который могъ бы ее не взлюбить. По крайней мѣрѣ не было на то никакой причины и никакого повода.

Мы увидимъ дальше, какъ обошлась съ ней судьба. Можетъ быть и правы были греки съ вѣрою въ неизбѣжной рокъ.

Во всякомъ случаѣ, едва ли кто припишетъ несчастіе человѣка его собственному желанію.

Если-бъ кто зналъ, что его ожидаетъ такое или иное горе, то не имѣлъ бы ни минуты покоя и радости.

Обѣ подруги не строили для себя никакихъ плановъ. Для нихъ настоящая жизнь и минута были полны сами собой. Но не такъ рѣшала судьба и, какъ часовой на стражѣ, стояла тутъ какъ тутъ.

Елена Ивановна разсказывала о своей поѣздкѣ въ Италію, откуда только что вернулась, пробывъ недѣлю въ Венеціи, двѣ — во Флоренціи и пять мѣсяцевъ въ Римѣ.

Ну, всетаки, гдѣ тебѣ больше понравилось? говорила Маша.

Вездѣ одинаково. Я никакъ не представляла себѣ Италію или, лучше сказать, не думала объ ней прежде чѣмъ увидала, хотя и изучала итальянскій языкъ. Но о послѣднемъ лучше и не говорить, такъ какъ вездѣ говорятъ по-французски. Ты спрашиваешь, который городъ мнѣ понравился больше? Всѣ города могутъ напомнить хоть на минуту любой городъ Европы и даже нашу родную столицу, но только не Венеція.

Этотъ фееричный городъ кажется и существуетъ, какъ сказка на землѣ, одна волшебная сказка. Не даромъ и венеціанцы встрѣчаютъ пріѣзжихъ съ чувствомъ собственнаго достоинства.

Пока смотришь только на свѣтлыя стороны, то нѣтъ сомнѣнія, что восторгу конца нѣтъ.

А комары васъ не кусали?

Да, эти бѣдовыя мошки такъ напали на наши руки, что мы не порадовались. Особенно достается отъ этихъ мошекъ дѣтямъ.

Я видѣла пятилѣтняго крошку, у котораго все лицо было покрыто желтыми пузырями, все благодаря этимъ ничтожнымъ насѣкомымъ.

Да, допекли же васъ комары, какъ вижу!.

Такъ допекли, что мы поспѣшили прочь во Флоренцію, оставляя безъ сожалѣнія и голубое, безоблачное небо и новыя, совсѣмъ новыя звѣзды съ новой луной, и изумрудную воду, и мелодичное пѣніе. Ахъ! это пѣніе! Какъ будто не пѣвцы и не артисты поютъ, а сама мелодія дрожжитъ въ воздухѣ, какъ нѣчто живое, способное дѣйствовать на сотни и тысячи людей. Но, однако же, я засидѣлась, пора домой.

Да, очень пора, сказала входящая Катя Тормашева.

Ха, ха, ха, она въ перчаткахъ и съ визитомъ, продолжала Катя же, подразумѣвая Лелю. (Не трудно было догадаться, что Катя была у Маріи Павловны давно какъ свой человѣкъ).

Да, сними же,—чуть не сдергивая ихъ, говорила Маша.

Леля послушно сняла, но черезъ двѣ минуты опять надѣла. Подруги распрощались.

Леля уходила, надѣвая шапочку со шнуркомъ и съ узкими рукавами пальто.

Неужели Леличка такъ скоро ушла, сказала вошедшая мать Маши, Наталья Ивановна; — очень ужъ она все торопится.

Да, мамочка, мы просили посидѣть, но напрасно.

Отчего ты чаю не предложила?.
Другой разъ предложу.

Черезъ двѣ недѣли Елена Ивановна и ея подруга опять сидѣли въ гостиной. Но теперь Маша была въ гостяхъ. На ней была черная, совсѣмъ коротенькая и плотно облегающая кофточка и черное платье. Маша была въ траурѣ по отцѣ.

Долго онѣ смотрѣли фотографіи, привезенныя изъ Италіи, и дольше всего останавливались на видахъ Рима. Первенство между всѣми картинами Елена отдавала «торжеству христіанства»—фрески Рафаэля: на алтарѣ воздвигнутъ крестъ, а внизъ летятъ обломки истукана. Послѣдніе, кажется, и не остановятся на полотнѣ, а скатятся еще дальше. Такова сила рельефа.

Пролетѣлъ часъ, другой, Леля и Маша выпили по чашкѣ чаю.

Голубое, безоблачное небо! И даже не голубое, а синее, уходящее, какъ-бы въ глубь, бархатистое и задумчивое! Такое небо бываетъ на югѣ.

Когда наступила зима со своими темными днями и сѣрымъ, безпросвѣтнымъ пологомъ, вмѣсто неба, Елена Ивановна уѣхала опять въ Италію. И вотъ кругомъ вѣчная зелень, такъ ярко блеститъ солнце. Сильный свѣтъ падаетъ на всѣ предметы, образуя рѣзкія тѣни. На душѣ также прозрачно, какъ прозраченъ воздухъ, и далеко, далеко улетаетъ всякая мысль, что есть уголокъ земли и притомъ самый близкій, гдѣ нѣтъ того солнца, нѣтъ той зелени.

Два мѣсяца провела Елена Ивановна въ Римѣ. Не проходило дня безъ посѣщенія галлерей.

Пока оставимъ Елену Ивановну съ ея матерью на Римскомъ форумѣ, гдѣ солнце такъ грѣетъ сильно, что онѣ обѣ стоятъ въ драповыхъ кофточкахъ; на дворѣ декабрь мѣсяцъ, и было бы это у насъ, то безъ шубы или ватнаго пальто не смѣли-бы и показаться на воздухъ.

Всѣмъ извѣстенъ Римскій форумъ, гдѣ виднѣются на разныхъ концахъ три арки тріумфальныя: одна—Константина Великаго, другая—Сетпимія Севера, третья Тита. Но да позволено будетъ мнѣ хотя въ слабыхъ краскахъ описать это собраніе развалинъ. Солнечный жаркій и вмѣстѣ холодный день, однимъ словомъ рим-

ская зима. Когда тамъ не бываетъ солнца? Тамъ оно всегда бываетъ. Два, четыре дня въ мѣсяцъ закроется небо на нѣсколько часовъ, пойдетъ дождь: и того довольно, а остальное время и думать о тучахъ грѣшно. Но вотъ потемнѣютъ тучи, спустятся какъ-бы низко и къ общему удивленію пойдетъ снѣгъ: дѣтямъ самая рѣдкая забава. А черезъ два часа опять сіяетъ солнце, и ветуринъ сидя на козлахъ своего опрятнаго экипажа преспокойно очищаетъ апельсинъ, который и составитъ весь его завтракъ.

Ессо radice (эко радиче)! кричитъ торговка, оглашая всю улицу.

Когда этотъ голосъ удалится, раздается другой: èc' olive (экъ оливе)! И такъ все утро.

А всетаки я не описала форума.

Предо мною не высоко отъ земли стелятся мраморныя ступени и полъ когда-то бывшаго зданія. Кое-гдѣ видны базы колоннъ. Вотъ все что осталось отъ прежняго шума; среди бывшихъ здѣсь когда-то колоннъ кипѣла жизнь, какъ можетъ она болѣе нигдѣ не кипитъ подъ открытымъ небомъ. Всѣ собранія перенесены въ закрытыя помѣщенія, и при свѣтѣ солнца и луны собираются развѣ только для слушанія музыкальныхъ произведеній.

Но этотъ языческій міръ, который долженъ витать вокругъ все же драгоцѣнныхъ обломковъ, этотъ міръ ничѣмъ не тянетъ меня и отталкиваетъ со всей силой воспоминаніемъ о кровавыхъ распряхъ. Языческій храмъ Весты тоже ничего не говоритъ моему воображенію успокоительнаго. И только душа моя чувствуетъ облегченіе, когда я подвигаюсь къ аркѣ Тита. Видъ семисвѣчниковъ и совсѣмъ водворяетъ нарушенную было гармонію. Теперь я спокойна, что никакіе ужасы меня не коснутся, потому что меня оградитъ крестъ Христовъ. Я помню, что давно, давно, въ раннемъ дѣтствѣ я также точно читала сказки, душа содрогалась отъ всѣхъ перипитій, и только хорошій конецъ возвращалъ нарушенное спокойствіе.—Однако, какъ жарко! говоритъ Елена, все еще не насмотрѣвшись на развалины.—Но на ея счастіе вниманіе ея отвлекается англичанками, которыя въ пяти шагахъ отъ нея, съ Бедекеромъ въ рукахъ, провѣряютъ все, что представляется ихъ глазамъ. О, ужасъ, это колизей, продолжаетъ Лёля, царство тѣней и мертвецовъ.

Предъ ней вдали виднѣется ажурная, мраморная громада, выше любаго восьмиэтажнаго дома.

Подойдемъ поближе.

Онѣ приближаются къ колизею, проходя подъ аркой Тита, гдѣ имъ встрѣчаются прохожіе.

Ближе громада становится еще страшнѣе. Видимо, что даже смѣлый итальянецъ тотъ не пойдетъ одинъ мимо въ ночную пору.

Леля и ея мать остановили проѣзжавшую пустую коляску и вернулись въ свой отель. Въ отелѣ какъ выразились «ихъ ждалъ гость». Пріѣхалъ двоюродный братъ Лели Михаилъ Стерентиковъ, который, ничего не предупреждая, пожелалъ раздѣлить одиночество Крымковыхъ на чужбинѣ.

Приближался праздникъ Рождества Христова и присутствіе близкой души было далеко не лишнее. Въ этомъ отношеніи Крымковы стали походить, сами того не зная, на англичанъ.

Прибытіе учащейся молодежи въ англійскія семейства на Рождественскіе каникулы далеко не рѣдкость.

Съ пріѣздомъ Михаила посѣщеніе колизея приняло другую окраску.

Отправлялась цѣлая компанія въ человѣкъ пятнадцать, въ томъ числѣ Михаилъ и Леля; имъ предводительствовалъ опытный чичероне (онъ же и лекторъ) С—ни. Съ его бесѣдами колизей оживалъ: наполнялся дѣйствующими и зрителями. Арена наполнялась водой и по ней двигались корабли. Усталые и голодные вернулись наши путешественники изъ этой экскурсіи и долго бредили жизнью прошлыхъ вѣковъ. На слѣдующій день впечатлѣнія перемѣнились. Со С—ни во главѣ восемь колясокъ поѣхали внѣ стѣнъ Рима, по такъ называемой Римской кампаніи смотрѣть катакомбы.

Изъ этой поѣздки наши туристы вернулись еще болѣе усталые и какіе-то мрачные и ничего не разсказывали. Вѣроятно въ катакомбахъ было достаточно темно или печально.

II.

Двѣ подруги.

Не мѣшаетъ мнѣ описать наружность Елены. Первое, что бросалось въ глаза, это ея необычайная худощавость. Елена была совсѣмъ «какъ спичка». Цвѣтъ волосъ былъ слегка золотистый, волосы тоже были жидки. Глаза были сѣрые, съ легкимъ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ синевы. Казалось, что въ такомъ жидкомъ тѣлѣ должна быть очень гибкая, если не слабая душа. Но вся жизнь Елены показывала обратное. Не только сила характера и

сила воли Елены были замѣтны для всѣхъ, кто сталкимался съ ней и имѣлъ какія бы то ни было сношенія, но послѣдовательность и стойкость во всѣхъ поступкахъ и мысляхъ упрочивали навсегда за Еленой мнѣніе, какъ объ сильной самостоятельной личности. Она была, такъ сказать, выше толпы, т. е. никогда не могла-бы смѣшаться съ ней и не смѣшивалась: никакія вѣянія, никакія увлеченія не могли затронуть Елену и скользили по ней, оставляя неприкосновенной ту тонкую и нѣжную, изящную, духовную ткань, которая принадлежала ей и никому больше. Въ этомъ отношеніи, т. е. постоянно отдѣляясь отъ толпы Елена составляла большой контрастъ съ Машей. Насколько первая сохраняла свою неприступность, настолько Маша нерѣдко погружалась всецѣло своими мыслями въ окружающее ее настроеніе общества. И даже больше того: это самое общество настолько охватывало своимъ жужжаніемъ, требованіемъ и вліяніемъ Марью Павловну, что объ своихъ мысляхъ некогда было и подумать. Мыслить иначе, чѣмъ знакомые, для Марьи Павловны было непозволено: это былъ ненужный аскетизмъ. Но за то была и хорошая сторона въ такомъ характерѣ: необыкновенная внѣшняя отзывчивость. Къ ней присоединялся еще усвоенный европейскій лоскъ. Бесѣда съ Марьей Павловной Ифединой была всегда какъ теплая ласка. И кто-кто не уходилъ въ полномъ отъ нея очарованіи! Трудно было подумать, чтобы нашелся человѣкъ, котораго бы она могла хоть мыслью обидѣть. И вотъ, судьба посмѣялась надъ ней, быть-можетъ, за эту самую доброту.

Неправы будутъ тѣ, которые подумаютъ, что недоступность Елены Ивановны соединялась съ безсердечіемъ. У Елены было самое горячее, чуткое къ своимъ привязанностямъ сердце, какимъ только Богъ можетъ надѣлить смертнаго человѣка, но вся эта доброта уходила на самыхъ близкихъ, или, просто, на родныхъ по крови людей. Что выпадало на долю всѣхъ остальныхъ, то это были крупицы, но онѣ блестѣли, какъ чистое золото.

Тогда какъ Леля ограничивала свои занятія живописью и мелкимъ домашнимъ безпокойствомъ, которое принято несправедливо считать за отсутствіе всякой работы, Маша бралась за изученіе многихъ предметовъ: то она увлекалась высшей математикой, то медициной, то брала уроки то фортепіанной игрѣ. Такъ расплываясь вширь, Маша все больше начинала думать о другихъ, и ея собственная личность ей стала не такъ интересной, какъ прежде. Прежнія симпатіи отодвинулись какъ-будто на второй планъ, а новыя дразнили, какъ миражъ. Марія Павловна начинала задумы-

ваться надъ какимъ-то неразрѣшимымъ вопросомъ. И чѣмъ больше она думала, тѣмъ рѣшеніе становилось труднѣе.

Два героя дня.

Что тебѣ могло въ ней понравиться, — говорилъ Андрей Прохоровичъ своему пріятелю Валеріану Михайловичу Переплетенову. — Глаза — сѣрые, какихъ ты увидишь много, носъ, ну — обыкновенный, губы — вотъ губы пріятны, но нельзя же увлечься однѣми губами. Не годится тебѣ такъ ухаживать за Марьей Павловной.—Да я и не думаю увлекаться,—хотѣлъ отбояриться Валеріанъ Михайловичъ, которому этотъ разговоръ былъ непріятенъ, такъ какъ Маша ему нравилась, но думать объ ней серьезно онъ не хотѣлъ. Да его этому и не выучили. Онъ зналъ свои чертежи, такъ какъ былъ путейскимъ инженеромъ, зналъ, что безъ нихъ жить не можетъ, потому что у него не будетъ карьеры. Но подумать о томъ, что Маша можетъ наполнить половину его жизни, нѣтъ, этого ему и въ голову не приходило. Было, правда, у него какое-то отдаленное чувство, таившееся въ самой глубинѣ сердца: искать родственную себѣ душу. Но онъ этого чувства никогда не формулировалъ и бѣжалъ отъ него, какъ отъ чумы.

Итакъ ты скоро уѣзжаешь?—продолжалъ Андрей Прохоровичъ.

Странное имя Прохоръ, указывавшее на мѣщанское происхожденіе.

Да, уѣзжаю, твердо сказалъ Валеріанъ Михайловичъ.

Какую же дорогу ты будешь строить? въ Ковенской губ.?

Какую-нибудь да буду, ужъ вѣрно буду.

И женишься?

Этого я не знаю.

Отчего это такъ сурово!

Если женятъ, то другая жизнь настанетъ, вотъ и все!

Вотъ какъ! Ну поздравляю, вѣроятно, у тебя будетъ скоро цѣлое семейство.

И этого я знать не могу.

Что же такое: ты фаталистъ?

Не фаталистъ, а такъ себѣ: сынъ своего вѣка. Ну, однако, ты надоѣлъ.

Понятно надоѣлъ. Берегись, не очень ухаживай за молоденькими, говорилъ Андрей уходящему пріятелю.

Валеріанъ ничего не слышалъ.

Свадьба скоро.

Батюшки свѣты, война! говорила вошедшая Марія Павловна.

Она только что возвратилась отъ Ольги Епифановны Квастинской.

Въ комнатѣ сидѣла Наталья Ивановна и къ ней и относились сказанныя слова.

Но она сидѣла за вышиваніемъ салфетки и глубоко задумалась.

Мамочка, слышишь, повторила Маша, война!

Да, съ кѣмъ же это?—нехотя отрываясь отъ работы, сказала Наталья Ивановна, можетъ быть еще и не будетъ.

Не будетъ! пожимая плечами, возразила Маша,—я только что отъ Ольги Епифановны и всѣ, рѣшительно всѣ (тутъ Маша перечислила всѣхъ, кого она встрѣтила у Ольги Епифановны) говорятъ, что война будетъ—изъ-за Манжуріи.

Изъ-за Манжуріи? вотъ удивительно. Какъ вамъ это нравится, любезный Валеріанъ Михайловичъ, сказала Наталья Ивановна входящему гостю; война будетъ изъ-за Манжуріи (послѣднее слово было произнесенно значительно громче). Зачѣмъ? для кого?

Это не совсѣмъ такъ, какъ-то неловко отвѣчалъ Валеріанъ, совсѣмъ не приготовившись говорить на военную тему, хотя вотъ уже два дня другой темы не было въ гостинныхъ.

Валеріанъ только что пріѣхалъ изъ Ковенской губерніи, гдѣ онъ совсѣмъ устроился такъ, какъ можетъ устроиться холостой человѣкъ. Все напоминало о занятіяхъ путейскаго инженера: книги и бумаги, и опять книги и опять бумаги въ одной комнатѣ, т. е. въ залѣ и въ другой комнатѣ, и въ передней, все были книги.

Ну, вотъ видите, вы меня обрадовали, значитъ войны не будетъ. Валеріанъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но Наталья Ивановна вышла изъ комнаты.

Любовь моя, Маша, сказалъ ей Валеріанъ и цѣлуя ея руку, опустивъ голову, ждалъ отвѣта. Маша ничего не отвѣчала, но только легкій противъ обыкновеннаго румянецъ покрылъ ея щеки.

Вы согласны? сказалъ болѣе рѣшительно Валеріанъ. Маша едва поспѣла прошептать согласна и, взволнованная сѣла на диванъ, болѣе не въ силахъ прибавить что-бы то ни было.

Какъ-будто слова сами останавливались, и мысли теряли направленіе.

Кажется, голубки, воркуете, сказала вернувшаяся Наталья Ивановна, не подозрѣвая, что на этотъ разъ не ошиблась.

Воркуемъ, Наталья Ивановна, и дай Богъ намъ всегда такъ ворковать.

Такъ, такъ одобрительно говорила, оставляя свою грусть Наталья Ивановна.

Тихо и скромно начиналась заря счастья для Маши и Валеріана Михайловича, того счастья, которому суждено было продолжиться года два, три, не больше.

Затѣмъ набѣжали тучки, послѣдовало взаимное охлажденіе, затѣмъ образовалась цѣлая стѣна, которая дѣлала взаимныя отношенія все больше острыми: каждое слово причиняло жгучую боль,—затѣмъ разрывъ.

Зачѣмъ же свела судьба, если счастью не суждено было стоять на твердомъ фандаментѣ? Зачѣмъ? Люди-ли ошиблись во взаимныхъ чувствахъ или любовь сама свихнулась т. е. сами мужъ и жена изгнали любовь по обоюдному согласію?

Что-же это, наконецъ, что какъ тормазъ останавливаетъ повозку и хочешь, не хочешь, а кто нибудь долженъ слѣзть на вѣки вѣчные. Или же, это самое вѣроятное, что люди есть люди, и кто думаетъ, что они совершенство, долженъ или уйти отъ нихъ или жить въ пустынѣ, потому что совершенства не найдешь, или же обратиться въ эгоиста, т. е. жить только для себя.

III.

Перенесемся теперь въ незатѣйливую комнату, залу небольшой квартиры въ четвертомъ этажѣ.

При свѣтѣ лампы, на которой виситъ голубой абажуръ—платочкомъ, съ рисункомъ по угламъ, читаютъ Катя и Вѣра, сестры Елены Ивановны.

Елена Ивановна тоже сидитъ съ ними углубившись въ чтеніе, такъ что обѣ руки закрывали лицо отъ ламповаго сильнаго свѣта. Немного поодаль сидѣла Дарья Михайловна и кроткое свойствен-

ное ей всегда выраженіе лица дѣлается еще добрѣе при слабомъ вечернемъ освѣщеніи.

Оставимъ на время Машу съ ея приготовленіями къ свадьбѣ—приготовленіями, которыя занимаютъ теперь такое важное мѣсто, что все остальное отодвинулось на второй планъ, даже сама любовь притаилась въ какомъ-то затаенномъ уголку и только иногда изъ-за сердечнаго слова или удачной фразы выступаетъ опять на свѣтъ Божій.

Катя и Вѣра меня могли-бы заинтересовать также, какъ Маша, но не всегда дано читать въ душѣ человѣка, а выводить свои собственныя заключенія или играть на струнахъ человѣческаго сердца по своей собственной фантазіи—это болѣе, чѣмъ смѣло. И едва-ли кто-либо рѣшится на такой неправдоподобный вымыселъ. Читать въ душѣ, какъ въ раскрытой книгѣ или говорить только на основаніи предположенія, это далеко не одно и то же.

Пусть говорятъ, что художники и писатели изображаютъ типы, а не живыхъ людей, мое мнѣніе будетъ всегда, что для живого человѣка существуютъ только живые люди съ ихъ душой, которая страдаетъ и думаетъ.

Развѣ типъ можетъ страдать? бороться? Страдаютъ только дѣйствительные люди, а посторонніе проходятъ, не обращая вниманія на [то, что копошится въ мозгу у людей, у знакомыхъ даже. Отъ того ли, что своихъ заботъ довольно? Оттого ли, что все равно раньше времени не узнаешь и не поймешь? Или отого, что романисты все это выложатъ на бумагѣ въ свое время, такъ они пріучили общество со временъ Тургенева, а можетъ-быть и раньше.

Но зато счастіе тому человѣку, который найдетъ отзывчивую душу.

Такой отзывчивой душой была Дарья Михайловна. Больше я ничего не прибавлю для ея характеристики. Пусть эти краткія слова звучатъ, какъ гармонія, и говорятъ сами за себя. Больше ничего не надо.

Ты будешь на Машиной свадьбѣ? сказала Катя, отрываясь отъ своего чтенія.

Когда свадьба? неужели? сказала Леля, вся вздрогнувъ.

Хотя Леля и ожидала такой вѣсти и даже видѣла жениха Маріи Павловны, но тѣмъ не менѣе такая предстоящая перемѣна въ жизни подруги поразила Лелю такъ сильно, какъ до сихъ поръ ни одно событіе въ жизни.

Даже виды Неаполя, Рима казались событіями болѣе менѣе ординарными только предъ одной переспективой чего-то новаго. Тамъ,

въ отдаленныхъ городахъ Италіи, хоть и были совершенно новые невиданные прежде виды, но они только въ первый день поражали своей новзною. Да и то только одинъ Неаполь произвелъ въ душѣ Лели какую-то жгучую боль недоумѣнія, вѣроятно изъ-за того несмолкаемаго шума, который стоялъ въ воздухѣ отъ сильныхъ выкрикиваній торговцевъ и торговокъ, отъ шума колесъ, ослинаго ржанія и хлестанія кнута въ воздухѣ.

И такъ я хотѣла сказать, что душа Лели испытывала сильный толчекъ.

Какъ—будто онѣ двое и Леля и Марія Павловна—составляли звѣзды одного созвѣздія, и отъ одной перемѣны предвидѣлась или же создавалась въ силу какихъ-то невѣдомыхъ тайнъ совершенно новая метаморфоза.

Но какъ ни была поражена Леля, но ни звукъ ея голоса, ни выраженіе лица не выдали ея волненія или, лучше сказать, цѣлой бури.

Да, Леличка, сказала Дарья Михайловна, совершено водворяя нарушенный миръ въ душѣ своей дочери,—за твое отсутствіе такъ въ часу во второмъ у насъ была Марія Павловна; и сказала намъ, что свадьба будетъ мѣсяца черезъ три, или черезъ полгода; квартиру они наймутъ неподалеку отъ Натальи Ивановны, чтобъ видѣться каждый день.

Какое же ты надѣнешь платье? спросили Катя и Вѣра, почти въ одинъ голосъ, обращаясь къ Лелѣ. Непримѣнно розовое?

Ни за что не поѣду въ розовомъ, отвѣчала совсѣмъ разстроенная Леля, въ такомъ случаѣ я даже не поѣду.

Не плачь, душа моя, успокаивала Дарья Михайловна, но плохо успѣвала, потому что дѣйствительно Леля въ конецъ опечалилась. Но чѣмъ? На это было очень и очень много причинъ.

Давно, очень давно русская дѣвушка вышла изъ теремовъ. Даже стыдно вспоминать такую старину. А все-таки еще и теперь много страдать приходится русской женщинѣ и только изъ-за того, что до взглядовъ ея никому нѣтъ дѣла. Прежде эта пустота находила хотя и не симпатичный, но самый простой исходъ: жена все еще раболѣпствовала предъ мужемъ. Такъ жили въ царствованіе Николая I. Но зато какъ жестоко мстила за себя эта же самая раболѣпствующая жена, когда въ свою очередь получала власть надъ крѣпостными. Впрочемъ, сами помѣщики бушевали еще хуже и не одинъ случай можно вычитать у писателей, что хозяева крѣпостныхъ людей умирали отъ удара, только оттого, что не могли достаточно сильно наказать послѣднихъ.

Крѣпостное право умерло, но злость въ людяхъ не умерла: вольная или невольная, быть можетъ безсознательная, все же она оказалась тверже камня и сильнѣе огня.

Очень часто въ мысляхъ, въ судьбѣ людей встрѣчаются рѣзкіе и очень рѣзкіе контрасты; также и въ чувствахъ. Такъ часто сильная радость вызываетъ боязнь потерять ее и соединяется съ предчувствіемъ погибели. Сильный страхъ разрѣшается шуткой. Самая сильная скорбь обращается въ истерическій смѣхъ, а веселый, неподдѣльный смѣхъ замѣняется слезами. Вотъ отчего какъ о контрастѣ я говорила про злость людскую. Дарья Михайловна и ея всѣ три дочери были по добротѣ своей какъ оазисъ среди міра, гдѣ злость пустила такіе большіе корни.

Не то, чтобъ не было добрыхъ людей на свѣтѣ. Они существуютъ. И всѣ люди дѣти Божіи, значитъ даже и злые. Быть можетъ послѣдніе существуютъ въ силу правосудія и какъ наказаніе? Кто знаетъ? Не только это, а все на свѣтѣ получитъ разгадку только въ загробной жизни, а до того каждому предоставлено мучиться сколько его душѣ угодно.

Но зачѣмъ я, посторонній собесѣдникъ раскрываю, душу Дарьи Михайловны!.. Какъ будто у нея не найдется своихъ словъ, и тогда всѣ помимо меня обратятъ къ ней свои симпатіи. Зачѣмъ? Оттого что въ жизни не говорятъ книжнымъ языкомъ; всѣ слова банальны и даже больше того, касаются обыденныхъ событій.

IV.

Вотъ два дня, какъ Леля со страшной инфлуенцой сидитъ дома и очень жалуется.

И гдѣ нѣтъ болѣзней? Мало-ли ихъ существуетъ на югѣ! Одна малярія чего стоитъ: обращаетъ людей въ восковыхъ куколъ, такъ что хотя и говорится, что изъ двухъ золъ нужно выбирать меньшее, но рѣшить вопросъ, чему отдать перевѣсъ маляріи или малокровію—это крайне трудно.

Итакъ Леля даже жалуется, это значитъ, что ей серьозно не домогается. Проклятый микробъ, если это онъ дѣйствительно, такъ расходился! Въ комнату Лели входитъ ея сестра Катя, надѣясь чѣмъ-нибудь утѣшить или даже помочь.

Знаешь Катя, начинаетъ оживленно Леля, на Кавказѣ существуетъ преданіе (это я читала въ какой-то книгѣ), что когда человѣкъ въ дѣтскомъ возрастѣ, ну, однимъ словомъ, просто ребе-

нокъ заболѣетъ, то говорятъ, что ангелы посѣтили постель больнаго. Это говорится въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь серьозная, вродѣ кори или скарлатины, и объ этомъ посѣщеніи поется даже въ пѣсняхъ.

Ахъ, Леля, Леля, ты всегда въ какихъ-то заоблачныхъ сферахъ, отвѣчаетъ Катя, ты вся поэзія, а я вся проза.

Ты не вѣришь въ ангеловъ.

Вѣрю, но только очень мало.

Ты не вѣришь въ то, что они могутъ не только приходить къ людямъ, но даже и говорить.

Въ это нѣтъ, въ это я не вѣрю. Другое дѣло, если-бъ я была святая, молилась Богу день и ночь. Но тогда я была бы далеко отъ людей.

Ну, вотъ представь себѣ, что эта инфлуенца мнѣ кажется.... т. е. прямо наводитъ на меня такое чувство или такую мысль, что это точно визитъ ангеловъ; и какъ я прежде удивлялась Кавказскимъ пѣснямъ, такъ теперь нахожу въ нихъ смыслъ. Это конечно очень печально, но печали такъ много въ жизни.... что приходится смотрѣть и думать.

Съ тѣхъ поръ, какъ все ближе и ближе подходитъ къ Машиной свадьбѣ, ты начинаешь все разсуждать и нельзя сказать, что радость въ этомъ случаѣ беретъ перевѣсъ. Если же это страхъ, то это не согласно съ твоими прежними словами. Ты всегда говорила, что страху нельзя дать расплываться, такъ какъ легче отъ этого не станетъ. А потомъ если тебя страхъ беретъ за чужую душу, то вѣдь это ужъ слишкомъ быть чувствительной. Что же отъ тебя останется самой? Ты стаешь, какъ свѣчка.

Я и сама знаю, что я очень нѣжна.

Еще хорошо, если-бъ только нѣжна, а то ты чувствительна, ты страдаешь, ты положительно страдаешь.

А что мнѣ поможетъ, не быть такой чувствительной?.

Этого я ужъ не могу знать: я не хитра на изобрѣтенія. Попробуй быть такой добродушной, такой добродушной, какъ луковица.

Какъ луковица?.

Да.

Отъ луковицы можно заплакать, и вдругъ! добродушная?! Объясни мнѣ.

Все, что остро, идетъ въ иглу, то колетъ людей. Все, что расплывается вширь, то какъ-то примиряетъ людей съ землей и дѣлаетъ ихъ спокойнѣе и беззаботнѣе, вотъ отчего луковица, какъ приземистая, можетъ быть добродушной.

Это такъ хитро, что мнѣ и не придумать. Можетъ изъ этихъ хитростей и состоитъ проза. А поэзія никогда не примиритъ человѣка съ землей, потому что земли мало, т. е. она не можетъ дать и не даетъ то, что нужно поэту.

А что нужно поэту?

Поэту нужно небо на землѣ, выражаясь фигурально, а не буквально.

Заоблачныя сферы — это для меня туманъ. Я въ философіи блуждаю, какъ въ потемкахъ.

А сама придумала про луковицу.

Это обыденно: это конкретно и просто практично, т. е. взято изъ наблюденій, что люди, поддающіеся въ ширину, бываютъ всегда, почти всегда добрыми. А кромѣ того, мое сравненіе даже не оригинально.

Не оригинально?

Да, въ томъ смыслѣ, что сравненіе съ луковицей употребляется очень часто въ архитектурѣ; зеленые купола въ формѣ луковицъ такъ и пестрятъ нашу матушку Россію, все равно какъ колючія иглы могутъ изъ всѣхъ церквей нѣмецкихъ странъ образовать цѣлый лѣсъ.

Эти готическія иглы меня и до сихъ поръ тревожатъ: что хотятъ сказать этимъ народы? Что Богъ на небѣ и душа стремятся въ высоту? А среди людей развѣ Богъ не присутствуетъ?

Да, ужъ такой стиль, тутъ ничего не подѣлаешь, если цѣлые милліоны думающихъ остановились на одной мысли.

А все-таки меня готика расхолаживаетъ и отнюдь не возвышаетъ или приближаетъ къ Богу. Возвышаютъ ли эти шпицы тѣхъ, для кого они были построены: вотъ вопросъ весьма сложный.

Настолько сложный! что едва ли возможно единодушное рѣшеніе. Я, по крайней мѣрѣ, испытываю такое чувство, что готика меня возвращаетъ или сближаетъ съ людьми. Еще спасибо и за это; а если-бъ отстранившись отъ Бога мнѣ пришлось бы еще избѣгать и людей, куда-бъ я дѣлась? Вѣдь это адъ?

Адъ, хладнокровно сказала Леля.

Нѣтъ, ты говоришь безъ увлеченія. Въ тебѣ такъ много чувства, когда я говорю объ знакомыхъ, но когда разбираю какойнибудь вопросъ, тебѣ все трынъ-трава. Нѣтъ, скажи, что-же лучше: византійскій стиль?

Лучше: византійскій, безъ сомнѣнія.

И ты говоришь это совсѣмъ спокойно. А меня морозъ проби-

раетъ, если для нихъ византійскій стиль то же, что для меня готика.

Это не важно.

И то правда: должно же все на свѣтѣ какимъ-нибудь манеромъ устроиться: и важное и не очень важное.

Ты своимъ разговоромъ меня настолько отвлекла, что мнѣ какъ-будто гораздо лучше.

Вотъ и отлично.

* * *

Въ одинъ изъ зимнихъ дней Леля и Катя сидѣли въ гостиной. Съ ними сидѣлъ Валеріанъ Михайловичъ и бойко что-то разсказывалъ.

Какъ всегда въ Петербургѣ, зимой сумерки спустились довольно рано. Пришлось зажечь лампу и ровный свѣтъ подъ розовымъ абажуромъ придавалъ особую уютность. Правда, что на душѣ Лели было совсѣмъ не уютно, ей никакая лампа, да и ничто не могло помочь. Неотвязчивые вопросы вертѣлись въ мозгу (и откуда только они брались?), а къ нимъ присоединились еще послѣдніе слухи о войнѣ. Нѣсколько разъ Елена порывалась начать разговоръ съ Валеріаномъ на военную тему, но, зная, какъ послѣдній не долюбливаетъ этакихъ преній, каждый разъ останавливалась.

А Валеріанъ все болѣе и болѣе увлекался разговоромъ, становился бойчѣе и развязнѣе.

Это нестерпимо, наконецъ, не выдержала Елена, общество такъ грустно настроено, а вы—точно безчувственный?!

Вы хотѣли сказать—веселы? А съ чего же я буду напускать на себя грусть? Что же касается до войны, то для нея только люди и живутъ.

Гладко сказано, но неудачно. А что же дѣлаютъ люди до войны?

Готовятся къ войнѣ.

Да вы (Леля хотѣла сказать маніакъ, но не произнесла), вы чѣмъ-то разсержены. Только съ Машей, т. е. съ Марьей Павловной вы говорите ровно и спокойно.

Съ Машей—другое дѣло; съ Машей я спокоенъ.

А всѣ другія барышни или даже дамы вамъ досадили?

Съ барышнями не мѣшаетъ быть осторожнымъ, а съ дамами—другое дѣло.

Съ дамами—другое дѣло? Я васъ не понимаю, сказала Леля.

Въ эту минуту, не совсѣмъ добрую для обоихъ, вошла Дарья

Михайловна, и разговоръ присѣкся. Къ тому же и Андрей Прохоровичъ Ремесленниковъ не замедлилъ придти.

Пока между Валеріаномъ и Андреемъ завязалась оживленная бесѣда, посмотримъ каковъ, какъ человѣкъ, былъ Андрей.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Андрей Прохоровичъ, можетъ и походилъ бы на всѣхъ заурядныхъ людей, такъ какъ дѣйствительно ничѣмъ не выдѣлялся въ ту минуту, когда мы съ нимъ встрѣтились, если бы не его мать. Ни самъ Андрей, ни окружающіе его не думали считать его знаменитостью по той самой простой причинѣ, что онъ не пріобрѣлъ себѣ славы такъ, какъ она пріобрѣтается.

Но, повторяю, Андрей не былъ заурряднымъ лицомъ въ глазахъ матери и этого было довольно, чтобъ всѣ знакомые интересовались настолько, что съ участіемъ слушали то, что говорилось чадолюбивой маменькой Анѳисой Захарьевной.

Нужды нѣтъ, что нѣкоторые улыбались при этомъ чуть не въ глаза, а за глаза говорили иногда, что не совсѣмъ ловко сказать въ обществѣ. Андрей въ представленіи своей матери былъ замѣчательнымъ человѣкомъ: объ немъ трубили и когда спрашивали про него у Анфисы Захаровны, то не говорили, какъ поживаетъ вашъ сынъ Андрей, а какъ поживаетъ вашъ будущій Бетховенъ. Другой сынъ Анфисы Захаровны былъ будущій Ньютонъ. Это звучало довольно сильно и дѣйствовало на очень многихъ. Что было въ этомъ хорошаго, или вѣрнѣе сказать, худого, никто не разбиралъ.

А мой-то Андрей, мой Бетховенъ, говорила Анфиса Захаровна, встрѣтивъ Катю въ гостинномъ дворѣ, я васъ не задержу, я всего на двѣ минуты. И затѣмъ шелъ длинный перечень всѣхъ достоинствъ названнаго героя.

Времени ушло незамѣтно болѣе двухъ минутъ, но Катя послушно молчала. Что стоило Анфисѣ Захаровнѣ пригласить Катю къ себѣ въ гостиную, вѣдь они были богаты.

У Ремесленниковыхъ былъ свой домъ. Они держали лошадей. Правда, что квартирная обстановка была совсѣмъ скромная, а завтраки и обѣды не всегда подавались. Но причина этихъ двухъ послѣднихъ обстоятельствъ была не скупость, а полное нежеланіе мѣнять разъ заведенный порядокъ. Ремесленниковы даже не про-

живали своихъ процентовъ, хотя дѣти имѣли иногда лишенія даже въ необходимомъ. Но суровость во всемъ считалась для Анфисы Захаровны самой симпатичной чертой характера.

Оставшись вдовой съ девятью дѣтьми, г-жа Ремесленникова пользовалась въ семьѣ полной, неограниченной и деспотической властью; еще въ угоду сыновьямъ дѣлалось кое-что, по крайней мѣрѣ, желанія послѣднихъ, къ общему удивленію, иногда исполнялись.

Но зато на дочерей было обращено гораздо меньше вниманія; объ нихъ даже никогда не говорилось знакомымъ. А если кто зналъ хоть сколько-нибудь, то изъ личнаго знакомства и для этого нужно было попасть къ г-жѣ Ремесленниковой въ гости, что было весьма трудно, я бы даже сказала невозможно. Нужно было быть въ близкомъ или отдаленномъ родствѣ и тогда г-жа Ремесленникова открывала свои двери для пріема.

Если же заходили посторонніе, то это были только дѣловыя лица. Посѣщенія знакомыхъ въ домѣ г-жи Ремесленниковой были крайне рѣдки, непродолжительны, но каждый разъ дѣлали много шуму. Говорилось, говорилось объ нихъ очень много, а затѣмъ все забывалось.

Вотъ каковъ былъ домъ, въ которомъ росъ Андрей. Лиго его было также безцвѣтно сѣро, какъ безцвѣтенъ весь его характеръ, всѣ его желанія и дѣятельность. Когда Андрей былъ ребенкомъ, то былъ боекъ и смышленъ; но оба эти качества не нашли примѣненія и скоро были задушены деспотизмомъ матери. Андрей, какъ и всѣ его пять братьевъ, сохранилъ еще одно хорошее свойство: никогда не унывать и умѣніе работать при всякомъ настроеніи, которое создаютъ тѣ или другія обстоятельства жизни. Но это свойство было только суррогатомъ счастія, того, которое доступно милліонамъ, но которое не уноситъ человѣка въ невѣдомую даль, открывая все новые и новые горизонты.

Вышедши въ путейскіе инженеры, Андрей довольствовался скромной службой, вопреки нѣкоторымъ честолюбивымъ желаніямъ матери. Названіе „будущій Бетховенъ“ хоть и оставалось, какъ воспоминаніе, но уже не было умѣстно, ибо музыкой Андрей Прохоровичъ совсѣмъ не занимался серьезно; только кое-что игралъ изъ извѣстныхъ музыкальныхъ авторовъ, когда былъ въ совершенно беззаботномъ настроеніи. Характеръ Анфисы Захаровны былъ очень дѣловитый, даже выраженіе лица было такое, какъ у очень занятыхъ или же близорукихъ людей: т. е. все ушедшее внутрь; казалось, что г-жѣ Ремесленниковой не было

никакого дѣла, что будутъ говорить и думать объ ней другіе; заботы семейныя поглощали ее всю и всецѣло. Нечувствительность къ чужимъ перешла и къ дѣтямъ и создала изъ нихъ эгоистовъ, къ которымъ альтруистическія чувства прививались съ большимъ трудомъ.

Отсутствіе мягкости замѣтно было и во всѣхъ братьяхъ Андрея; пока они были дѣтьми и подростками, это не бросалось особенно въ глаза, такъ какъ кругомъ были только люди свои, родственники, которые всегда судятъ снисходительно. Съ годами эта суровость дала нѣкоторый оффиціальный характеръ ихъ отношеніямъ, что не составило большого неудобства: избравъ себѣ разныя карьеры, братья всѣ разлетѣлись въ разныя стороны.

Въ Петербургѣ оставались Андрей и его братъ Михаилъ, офицеръ, которые, какъ покажетъ время, тоже должны были уѣхать очень далеко. Старшій изъ всѣхъ Семенъ былъ управляющимъ въ имѣніи одного не столько важнаго, сколько богатаго барина. Вѣстей отъ Семена получалось мало, говорили, что онъ женатъ на своей „кухаркѣ“ и дѣти ея должны быть, какъ полагается, дворянскими дѣтьми. Самъ Семенъ не имѣлъ чиновъ, но его отецъ дослужился до такого чина, который давалъ право на потомственное дворянство. Семенъ писалъ про себя мало, или лучше сказать, ничего не писалъ про свою семейную жизнь своей матери, и та ничего не знала, хотя и грустила порой такъ, что эта грусть ложилась тяжелымъ бременемъ на всю ея душу. Но это отнюдь не смущало Семена. Онъ смѣло смотрѣлъ жизни въ глаза и шелъ впередъ, не задумываясь и не озираясь по сторонамъ.

Слѣдующіе два брата, Иванъ и Петръ, вышедши въ офицеры, служили на Кавказѣ.

Этотъ Ѳедька мнѣ опять подгадилъ, говорилъ Андрей, когда ему было тринадцать лѣтъ, про своего школьнаго товарища.

Я тебѣ говорила, быть поделикатнѣе, замѣтила мать.

Я презираю его.

Никто не заставляетъ тебя любить, но выражаться ты долженъ какъ слѣдуетъ.

Ахъ, бросьте вы, маменька.

Что бросить? Лучше бы шелъ играть на роялѣ. Вѣдь вотъ у Ивана нѣтъ твоихъ способностей.

И это одна пустота! Какая моя игра.

Этого ты не можешь знать, это только Богъ можетъ знать, что изъ трудовъ можетъ выйти. Я и знакомымъ всѣмъ трублю: «будущій Бетховенъ».

Это ужъ вы совсѣмъ напрасно. Вотъ Иванъ все надъ книжками сидитъ. Какъ вы его мудрено называете?

Будущій Ломоносовъ.

Да, Ломоносовъ, Ломоносовъ, все твердилъ, и все изъ головы вылетаетъ.

Лучше игралъ-бы на роялѣ. Все полезнѣе, чѣмъ ничего не дѣлать, приставала мать.

Тутъ Андрей привскочилъ какъ-то свернувъ и разогнувъ и опять свернувъ ногу, а черезъ три минуты сидѣлъ за роялемъ.

Старшая дочь г-жи Ремесленниковой Антонина была очень скромная дѣвушка и ничѣмъ не напоминала манеру хвастовства матери, только прилежаніе и жажда дѣятельности были материнскія.

Антонина, или какъ ее звали въ семьѣ Тонечка, была дѣйствительно усидчива и во всѣхъ своихъ работахъ, училась превосходно, вышивала, рисовала и играла на роялѣ такъ, что учительница ее всегда хвалила. Но никто какъ будто не замѣчалъ всѣхъ достоинствъ Тонечки; никто ее дома не хвалилъ, ни мать, ни братья.

А между тѣмъ, Тонечка тихо и незамѣтно дѣлала свое дѣло, шла своей дорогой твердо и неизмѣнно.

Андрюша, говоритъ Антонина своему игравшему на роялѣ брату, тебя дожидается Коля цѣлый часъ и не смѣетъ войти, чтобъ не помѣшать. Пойди, утѣшь его душу.

Андрюша покорно вскакиваетъ и черезъ полчаса и Андрюша и Коля, дойдя мѣрнымъ шагомъ до катка, звучно катаются по льду.

Коля или Николай Дужинскій былъ пріемышъ въ семьѣ г-жи Ремесленниковой, круглый сирота и сынъ одного пріятеля мужа Анфисы Захаровны. Обращались съ нимъ, т. е. съ Колей также, какъ со всѣми другими дѣтьми, ни мягко, ни круто.

Мальчикъ былъ очень ловкій и смышленный, а по части изворотливости превосходилъ всѣхъ и Андрея, который былъ моложе его, а также Ивана и Петра. Сколько самъ Николай ни устраивалъ игръ, сколько ни затѣвалось ссоръ и даже брань, всѣ оказывались виноватыми, только одинъ Коля всегда выходилъ сухъ изъ воды. Какъ это такъ выходило, никто ни понять, ни объяснить не могъ. Даже Тонечка принимала иногда участіе въ играхъ, тогда и ей иногда летѣло въ догонку грубое слово, если она бѣжала или шла не туда и не такъ, какъ нужно; но она не обижалась. Но Колю никто и никогда не задѣвалъ.

Вторая дочь, которая по годамъ была ближе всѣхъ къ Андрею,

Агнія совсѣмъ не походила ни лицомъ ни характёромъ на Тонечку; у послѣдней были голубовато-сѣрые мягкіе глаза и скорѣй тонкія черты лица. У Агніи глаза были совсѣмъ сѣрые безъ всякаго выраженія доброты, а черты лица были рѣзкія и даже скорѣй грубыя. Насколько Тоня была тиха, настолько Агнія капризна и даже шумлива, только не въ хорошемъ смыслѣ, когда подвижные или живые дѣти устраиваютъ игры, а въ самомъ непріятномъ смыслѣ; она надоѣдала всѣмъ и только для того, чтобъ потомъ разревѣться, за эти слезы Тоня ее прозвала «капризулькой». Такъ продолжалось до того, какъ Агніи наступило тринадцать лѣтъ. А съ этого времени она стала и несчастной, такъ какъ сломала себѣ правую руку; хоть руку и вылечили и она срослась, но никогда не могла подыматься, какъ здоровая. Характеръ Агніи изъ шумливаго обратился въ меланхоличный и придирчивый, она ударилась въ чтеніе, но оно породило такія странныя идеи, дало такое непредвидѣнное и совсѣмъ чуждое направленіе уму, что Агнія уже ни въ комъ не находила къ себѣ сочувствія; отъ нея даже удалялись, хотя и сожалѣли ее; находили ее меланхоличной, но эта меланхолія была въ то же время какой-то злобой.

Вернулись наконецъ, говорила Тона раскраснѣвшимся съ мороза Андрюшѣ и Колѣ.

Ужъ мы такіе фокусы выкидывали, говорилъ Андрюша, а другой разъ еще посильнѣе.

Это все Андрюша, замѣтилъ Коля, мнѣ его не догнать, какъ пустится со всего размаху такъ его и не увидишь. Гдѣ? Пропалъ съ глазъ, какъ есть пропалъ. А онъ съ другой стороны тутъ какъ тутъ.

А потомъ-то, ты увидишь потомъ храбрился Андрей.

Ну и на здоровье, замѣтилъ Коля.

А что бы вамъ пойти Тонечка.

Мнѣ? задумалась Тоня. Да будетъ ли мнѣ интересно.

Очень интересно. Тамъ такіе интересные молодые люди бываютъ. Вотъ вы сами увидите.

Да это мнѣ безразлично, что молодые, и пожалуй элегантные. Ты самъ знаешь, что за мной никто не ухаживаетъ, да и мнѣ нѣтъ ни малѣйшей охоты заискивать у другихъ. И потомъ, какъ маменька. Какой стихъ на нее нападетъ! Иной разъ и ничего. А какъ тутъ узнать заранѣе!

Мы за васъ скажемъ, говорилъ вызывающе Коля, рады стараться.

Да, знаемъ васъ, рады стараться до первой маленькой неудачи. А какъ ни по васъ и давай тягу.

Нѣтъ, я серьезно, настаивалъ Коля. Развѣ во мнѣ мало храбрости.

Довольно, какъ бы машинально или про себя говорила Тоня.

Знаешь что Коля, замѣтилъ Андрей, устроемъ волшебный фонарь, это, пожалуй, будетъ чрезвычайно заманчиво: всѣмъ понравится, я глубоко убѣжденъ. Правда, что уйдутъ всѣ мои полученные въ подарокъ деньги. Да, что жъ за бѣда! Ты подумай только—это будетъ занимать сколько времени. Ты согласенъ.

Я ни на что не согласенъ, и ничѣмъ помогать тебѣ не буду, замѣтилъ Коля.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ихъ «волшебный фонарь» состоялся.

Андрей былъ весь въ хлопотахъ и даже въ какомъ то не то восторгѣ, не то вдохновеніи, что оживляло его нѣсколько всегда равнодушное лицо; это оживленіе чрезвычайно шло Андрею, но онъ не былъ тщеславинъ, а потому и не придавалъ своей происшедшей перемѣнѣ никакого значенія. Коля вопреки своему обѣщанію не помогать былъ первымъ и усерднымъ помощникомъ.

Андрей былъ такъ имъ доволенъ, что нѣсколько разъ удостоилъ ласковыхъ словъ, вродѣ: «ты золото, а не человѣкъ» или «я безъ тебя, какъ безъ рукъ». Коля же обратился точно въ машину, ничего не говорилъ и дѣлалъ усердно все, что ему говорили, подавалъ стекла, держалъ занавѣсъ и все это такъ искусно, словно изъ пружины былъ самъ.

Гостей съѣхалось не мало. Это былъ настоящій вечеръ, хотя и среди родныхъ; изъ знакомыхъ были только двѣ барышни, подруги Тони, но ими какъ будто намѣренно никто не занимался, кромѣ самой Антонины. Въ первомъ ряду сидѣла сама Анфиса Захаровна и дипломатично молчала, изрѣдка вставляя отдѣльныя слова. Зато сидѣвшій рядомъ полковникъ, полный и говорливый господинъ Иванъ Никифоровичъ Беребенчиковъ всѣхъ покрывалъ своимъ голосомъ. Отъ времени до времени онъ такъ и дрожалъ, какъ труба на низкихъ нотахъ или какъ барабанъ, но нельзя сказать, чтобы кто увлекался мнѣніемъ и возраженіемъ Ивана Никифоровича; даже многимъ не было ясно: хвалилъ ли полковникъ кого или наоборотъ. Стекла смѣнялись, а слѣдовательно мѣнялись и рисунки. Барышни подруги Тони были въ восторгѣ. Колѣ

сначала было интересно узнать, что имъ понравится, но видя что онѣ такія тихенькія и говорятъ такъ, что слышно очень мало, оставилъ ихъ въ совершенномъ покоѣ, за что послѣднія мысленно высказали большую благодарность.

А тутъ то они какъ поусердствовали, ишь какъ подпустили, гремѣлъ голосъ Ивана Никифоровича.

Колѣ до невыразимой степени хотѣлось узнать, что подпустили, но онъ не смѣлъ сказать, а гость не продолжалъ своей мысли.

Ну и верблюды, замѣтилъ тотъ же Иванъ Никифоровичъ на новую движущуюся фигуру на большомъ холстѣ.

А вы, Анфиса Захаровна, ничего не скажете? Какъ по вашему? Вы бы забрались на такую высь, чтобы цѣлый день ѣхать, ѣхать...

Анфиса Захаровна только сжала губы такъ, что онѣ обратились въ совсѣмъ тоненькую черту и молчала.

Вы намъ и тигровъ покажите, опять гремѣлъ голосъ Ивана Никифоровича.

Ихъ нѣтъ, звонко прозвучалъ голосъ Коли.

Сейчасъ солдатъ покажемъ, въ унисонъ Колѣ раздался говоръ Андрея.

И дѣйствительно по холсту не то забѣгали, не то запрыгали солдаты.

Чтожъ онѣ у васъ танцуютъ, замѣтилъ Иванъ Никифоровичъ.

Никакъ нѣтъ, они идутъ, замѣтилъ Андрей.

Какъ же не танцуютъ? Они по воздуху идутъ, такъ что ли?

Это не по воздуху: подразумѣвается, что солдаты идутъ по землѣ, замѣтилъ Андрей.

Такъ, пусть такъ, проворчалъ Иванъ Никифоровичъ.

Одна изъ подругъ Тони, Дина Нелюбова быстро встала и обернувшись въ сторону Коли и Ивана Никифоровича видимо желала вставить свое замѣчаніе, но потомъ, должно быть, перемѣнила свое намѣреніе и усѣлась на свое прежнее мѣсто съ такимъ видомъ, что и другимъ до нея нѣтъ никакого дѣла.

Ободренный успѣхомъ солдатъ, (какъ ему казалось) Андрей такъ усердно ихъ показывалъ, что нѣкоторые появлялись второй и третій разъ.

Довольно, довольно, наконецъ не вытерпѣла Тонечка, что-нибудь поживѣе!!!

А вамъ что же, цѣлое сраженіе подавай, вставилъ Иванъ Никифоровичъ.

Сію минуту, новое, замѣтилъ Андрей.

Черезъ двѣ минуты, такимъ же тономъ сказалъ Коля.

То, что теперь показывалъ волшебный фонарь развеселило и оживило всѣхъ, кромѣ Ивана Никифоровича, который становился все болѣе и болѣе пасмурнымъ: точь въ точь въ ясный день вдругъ, когда никто не ожидаетъ, откуда то набѣжитъ туча. Но Анфиса Захаровна не допустила до того, чтобъ Иванъ Никифоровичъ запасмурился окончательно и во время пригласила пройти въ столовую пить чай. Всталъ и другой сосѣдъ Анфисы Захаровны, ея племянникъ по двоюродной сестрѣ, Любовь Ивановнѣ Перепелкиной, до сихъ поръ не промолвившей ни одного слова:

Вотъ повеселились и довольно, сказалъ Василій Ивановичъ, но слова его пропали безслѣдно, никто не откликнулся, оттого ли что вся его натура была такая незначущая или же всѣ спѣшили въ столовую, только оттого, что нужно спѣшить.

Г-жа Ремесленникова сдѣлала слабую попытку сблизить Василія Ивановича съ барышнями; эта попытка совсѣмъ провалилась, и Василій Ивановичъ теперь и совсѣмъ держался особнякомъ. Не то онъ дулся, не то онъ сожалѣлъ, но о чемъ никто не могъ рѣшить.

Барышни быстро заговорили между собой и забыли объ немъ совершенно если не считать нѣсколькихъ бѣглыхъ взглядовъ, направленныхъ въ его сторону. Когда зала начала пустѣть Коля и Андрей быстро собирали списки, чтобъ не опоздать и не обращать потомъ на себя отдѣльнаго вниманія.

А знаешь, отчего Иванъ Никифоровичъ такъ перемѣнился, сказалъ Андрей Колѣ, какъ ты думаешь?

Я ничего не думаю, отвѣтилъ Коля.

Такъ я тебѣ скажу, и тутъ Андрей что то сказалъ Колѣ шепотомъ, отчего послѣдній расхохотался, но такъ громко, что смѣхъ его навѣрное дошелъ и до гостей, но въ столовой двигали стульями такъ усердно, что ничего не слыхали.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ промозглую осеннюю погоду по размокшей дорогѣ ѣхала трясучая двумѣстная коляска, безрессорная: въ ней сидѣли двѣ путешественницы Любовь Ивановна Перепелкина и племянница ея Тонечка. Обѣ онѣ порядкомъ утомились и теперь всю дорогу молчали. Ѣхали они къ брату Тонечки Семену, который бывъ много лѣтъ управляющимъ въ чужомъ имѣніи теперь обзавелся

своимъ и работалъ надъ нимъ, какъ только можетъ самый дѣльный и трудолюбивый хозяинъ. Имѣніе называлось Поселково и лежало въ Т—ой губерніи.

Тоня не грустила и не радовалась своей поѣздкѣ; Любовь Ивановна наоборотъ скорѣй была рада; къ ней вернулись прежняя бодрость и распорядительность, которыя совсѣмъ было заглохли отъ однообразной жизни въ Петербургѣ.

На дачу Любовь Ивановна никуда не уѣзжала но оставалась круглый годъ въ своемъ домѣ на Тверской улицѣ; тутъ при домѣ былъ небольшой садикъ, въ которомъ Любовь Ивановна сидѣла, тогда приходили къ ней гости, а больше все-таки оставалась въ комнатахъ и смотрѣла за порядкомъ, либо рукодѣльничила, на что была очень и очень большая мастерица. Какія вышивала она ковры! Или подушки! которыхъ она и не считала: столько ихъ прошло черезъ ея руки.

Но сидѣть одной въ саду Любовь Ивановна не любила, то есть дѣлала это очень и очень рѣдко и то не надолго. Даже и читать она предпочитала въ комнатахъ, притомъ такъ увлекалась чтеніемъ, что нѣсколько разъ горничная приходила говорить: «самоваръ поданъ» или «обѣдъ готовъ», но и то и другое стыли, а Любовь Ивановна все не отрывалась отъ книги, а потомъ встанетъ и даже разсердится на себя, зачѣмъ сама такъ долго книгу держала въ рукахъ.

Еще добро было-бы все правда, говаривала она, а то вѣдь выдумки одни. И зачѣмъ это люди пишутъ? Только, чтобъ ихъ читали? Удивительно неугомонные!

Она «опять» умерла въ чахоткѣ, говорила Любовь Ивановна своей горничной Машѣ, которая уже знала, что разговоръ идетъ о послѣдней героинѣ романа «Въ тискахъ любви».

Ахъ жалко-то какъ, говорила Маша. Ужь даже заплачешь.

Зачѣмъ плакать? Вѣдь это только въ книгѣ.

Да, правда ваша, отвѣтила Маша. А я-то думала, счастливо заживетъ, прибавила она, уходя.

Да вотъ поставь эту банку съ вареньемъ туда на окно, говорила Любовь Ивановна Машѣ.

Это та самая ягода, что намедни купили?

Та самая.

И еще будете варить?

Непремѣнно. У меня всегда запасъ, сама знаешь четыре большихъ банки, по крайней мѣрѣ, да еще въ маленькія я разложу тоже.

И вишню будете варить?

Нѣтъ, этотъ годъ не буду.

Не будете? Что-жь это вы, барыня, а въ прошломъ-то годѣ, вотъ иначе было; тогда, поди, цѣлый пудъ купили.

Такъ это раньше было; вотъ мнѣ и надоѣло.

Ну, а теперь-то что же, говорила Маша.

Что-нибудь новенькое.

Но тутъ Маша поспѣшно уходитъ въ кухню, вспомнивъ, что нужно подавать и сладкое блюдо.

Когда Маша ставила сладкое блюдо, то всегда замѣчала, что лицо барыни, какъ бы сіяло отъ радости. Если же этого не было, то это означало, что такая печаль случилась съ барыней, что и не приведи Богъ. Тогда Маша молчала и ничего не говорила, пока не наступалъ вечеръ, тутъ она рѣшалась заговорить и узнать что и почему.

Когда подавался вечеромъ самоваръ, Маша иногда (большею частью только весной и лѣтомъ) останавливалась у дверей и сложивши руки у локтей передавала барынѣ всѣ послѣднія новости: кто къ кому пріѣхалъ или наоборотъ, кто отъ кого уѣхалъ, чисто, такъ сказать, съ внѣшней стороны. Но и этихъ новостей было немного, такъ какъ до интимной или семейной жизни своихъ знакомыхъ или просто окружающихъ Маша не касалась или оттого что сама не довѣряла другимъ или же, наконецъ, оттого что оставляла ихъ про себя.

Истощивъ весь запасъ за послѣдніе дни всѣхъ перемѣнъ, Маша уходила въ кухню.

А тамъ въ сѣняхъ, сидя на порогѣ, такъ какъ квартира выходила прямо на дворикъ и была въ первомъ этажѣ ждала Машу ея товарка Акулина и неуспѣла Маша войти, какъ та издали ее окликнула и стала повѣрять ей все, что накопилось на душѣ.

Ишь, горе-то какое, говорила Акулина.

А что-жь такъ? спокойно говоритъ Маша.

Да стряслась-то, не ждала-то, а теперь бѣда.

Да въ чемъ бѣда-то, ты не говоришь?

Да и сказать-то тяжело, простонала Акулина глухо.

А ты скажи, все-жъ, легче будетъ, сказала Маша, которая по молодости своей была къ тому же любопытна.

Да сказать-то скажу, а вотъ помочь ты мнѣ и не поможешь.

Авось и помогу, говорила Маша, все еще совсѣмъ спокойно.

Да вотъ слышь-ты, пошелъ намедни сынишко мой, Ванька-то, (ты его знаешь) гулять, да и кататься по Невѣ. А потомъ и не

ворочается. Намедни приходилъ Василій.—сосѣдскій-то, говоритъ такъ и такъ, а Ванька-то значитъ потонулъ.

Маша, которая слушала съ очень большимъ вниманіемъ, даже притаивъ дыханіе, опять заговорила спокойно, но она только для виду казалась такой спокойной.

Что это, страсти какія разсказываешь? Развѣ можно, сказала она, какъ-бы съ недовѣріемъ.

Да вотъ и говорятъ, хотѣла продолжать Акулина, готовая войти въ тонъ разсказчицы, но почему-то сжала губы и потеряла всю охоту быть разговорчивой.

Сколько ни старалась теперь, въ свою очередь, Маша ее навести на разговоръ, кромѣ односложныхъ звуковъ, ничего отъ Акулины не могла добиться.

Хотя кое-что послѣдняя всетаки разсказала, но такъ какъ-бы обращаясь сама къ себѣ.

Когда поздно вечеромъ Любовь Ивановна, надѣвъ свой пышный чепецъ и помолившись предъ стариннымъ кіотомъ, готова была забыться сномъ праведныхъ, Маша, которая очень часто укладывала свою барыню спать,— такъ она выражалась,—этотъ разъ нерѣшительно стала у дверей.

Барыня, а Акулина-то страсти какія разсказываетъ.

Если страсти, то другой разъ скажешь, и задувъ свѣчу, прогнала тѣмъ Машу.

Быстро одни деревья смѣняли другія; больше попадалось березы, но встрѣчались также и ели, липъ было очень мало, осинъ еще меньше. Кое-гдѣ разросшіеся папоротники и другіе мелкіе кустарники дѣлали тропинки мало-проходимыми для тѣхъ, кто возымѣлъ-бы охоту углубиться въ лѣсъ, но для общей картины и лѣснаго пейзажа они вносили много разнообразія.

Тонечка была сосредоточена и мало вникала въ окружающую природу. Оттого-ли что за лѣто она ей удѣляла порядочно вниманія или оттого, что прислушивалась къ внутреннему своему голосу, который былъ сильнѣе, хотя и не выражался въ словахъ.

Мысли Тони не были грустны, но и веселыми ихъ нельзя было назвать, причина всему лежала въ окружающей средѣ, она была слишкомъ холодна для молодой, развивающейся души. Между Тоней и ея матерью не было и вовсе нѣжностей; потому что Анфиса Захаровна относилась ровно ко всѣмъ своимъ дѣтямъ и потому не могла выдѣлять и Тоню, отчего послѣдней казалось, что ей не

занимаются. Мама думаетъ только объ Андрюшѣ, такъ думала про себя Тоня и на чуточку ошибалась, потому что не знала всѣхъ мыслей своей матери.

Никакъ мы пріѣхали, сказала вслухъ Тоня, принявъ одно бѣлое виднѣющееся зданіе за ожидаемую усадьбу.

Что-ты мать-моя, откликнулась Любовь Ивановна, только пять верстъ проѣхали, и столько же намъ впереди.

А я думала вы не откликнитесь, сказала Тоня.

Еще что выдумала!

Не захотите говорить! Вы не устали, тетенька? обратилась Тоня.

Любовь Ивановна молчала.

Мнѣ нравится здѣшняя природа, продолжала Тоня, такъ кажется цѣлыми часами лежала-бы въ полѣ (лѣтомъ конечно) и ни о чемъ-бы не думала. Отчего это мы никогда не поѣдемъ въ деревню?

А что въ деревнѣ смотрѣть-то? Соскучишься, рада будешь, когда и уѣдешь.

Это вы оттого только такъ говорите, что сами или совсѣмъ не бывали или очень мало.

Ты сказала сущую правду, я и не знаю деревни. Все только городъ, да городъ. Мнѣ и на дачу поѣхать—цѣлая кутерьма.

Тетенька, посмотрите вотъ на эти ели направо. Онѣ вамъ ничего не говорятъ.

Только и говорятъ, что не достать до нихъ.

А мнѣ очень многое. Говорятъ также и то, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ онѣ увидятъ то, что можетъ быть я тогда и не увижу, и мнѣ становится такъ грустно. Зачѣмъ человѣкъ умираетъ если онъ живетъ? Или наоборотъ зачѣмъ человѣкъ живетъ, если, онъ долженъ умереть? Я имѣю такое чувство, какъ-будто меня заставляютъ жить, т. е. моего желанія и моей энергіи во всемъ мало. Я должна дѣлать то, что я знаю хотятъ другіе или то, что необходимо.

И гдѣ ты, Тоня, набралась разныхъ идей, разсуждаешь, да критикуешь, а потомъ плакать начнешь.

Я никогда не плачу.

Гдѣ же остановятся твои идеи? Ты говоришь, онѣ къ меланхоліи не приведутъ?

Приведутъ къ изученію философіи. Я бы такъ хотѣла понимать все, все.

Ахъ, мать моя, философія—одно, а жизнь совсѣмъ другое. Въ философіи все гладенько, правильно, какъ въ подстриженномъ де-

ревцѣ, а въ жизни никогда такъ не бываетъ, а случается и очень неправильно, а иногда даже некрасиво, и не выбросишь ничего, а должна терпѣть.

Зачѣмъ же мнѣ терпѣть. Я вѣдь сама устраивую свою жизнь и сама за нее отвѣчаю.

Да если-бъ все то зависѣло отъ тебя?

Отъ кого же тогда можетъ зависѣть?

Отъ другихъ людей.

Я думаю, что тѣ, которые будутъ со мной, тѣ и будутъ думать, какъ я.

Поищи сперва такихъ людей и когда найдешь, тогда и я повѣрю.

Какой вы, тетенька, скептикъ!

А вотъ мы и подъѣхали. Въ разговорѣ-то скоро прошло время.

Виднѣлась каменная ограда усадьбы. Ворота были пріоткрыты.

Увидавшая подъѣхавшихъ служанка быстро открыла ворота и экипажъ подъѣхалъ къ крыльцу. Тутъ та же служанка помогла путешественницамъ сойти и такъ ухаживала за ними, какъ-будто это были ея собственные, близкіе родные.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

На крыльцѣ небольшого одноэтажнаго дома стояла Аграфена Яковлевна. Это и была жена Семена, про которую говорили, что она «кухарка». На самомъ дѣлѣ она была дочь мелкаго купца и первое время своей замужней жизни сама стряпала, мыла бѣлье, полы и тому подобное.

Вмѣстѣ съ Аграфеной на крыльцо выбѣжала шестилѣтняя Маня, ея дочка, и теребя Антонину за рукавъ, ласково приговаривала: ты къ намъ, тетенька. Антонина была поражена и озадачена и видомъ дѣвочки, о существованіи которой она не знала и тѣмъ что ее называютъ «тетенька» и новымъ знакомствомъ съ Аграфеной, которую видѣла она въ первый разъ.

Отъ наплыва столькихъ совершенно новыхъ чувствъ и ощущеній Антонина какъ бы перестала вовсе соображать и сознавать, что вокругъ нея дѣлается и зачѣмъ она здѣсь за 500 верстъ отъ своего пепелища. Все какимъ-то непонятнымъ образомъ перемѣшалось въ какой-то смутный хаосъ, оставивъ только одно непосредственное отношеніе къ окружающему.

Видя, что Любовь Ивановна снимаетъ свое пальто и Антонина послѣдовала ея примѣру.

Черезъ нѣсколько времени онѣ сидѣли въ столовой, Аграфена пошла хлопотать объ самоварѣ, Антонина разговорилась съ Маней, а Любовь Ивановна съ Семеномъ, мужемъ Аграфены.

Всѣ мысли и слова Семена въ глазахъ Антонины были словами дѣловитаго, но сухаго человѣка.

Семенъ не выказывалъ большой радости или оживленія; но онъ и никогда ихъ не выказывалъ, и никто изъ домашнихъ не могъ этого добиться никакими стараніями.

Ужъ сколько ласки и доброты приложила Аграфена и при той Семенъ былъ большею частью угрюмъ.

Правда шестилѣтняя Маня способна была вызывать улыбку на лицѣ Семена, но какъ въ зимнюю погоду солнце сіяетъ не надолго, такъ и эта улыбка быстро скрывалась.

Если-бы не Аграфена, то жизнь въ такомъ домѣ походила-бы по своей духовной атмосферѣ на подземные, могильные своды; ничего привликательнаго, малѣйшая радость вспугивалась и упархивала, какъ птичка.

Въ первый разъ Антонина сталкивалась съ такимъ добродушіемъ, какъ у Аграфены и немного поддалась ея вліянію.

Зато Маня настолько заняла и развеселила Антонину, что она мало по малу перестала чувствовать прежнюю неловкость.

Вотъ вы бы раньше пріѣхали, говорила Аграфена, я бы васъ всюду повела: и лѣсъ показала-бы и поля; а теперь сами видѣли, какія дороги: и проѣхать-то съ трудомъ, а идти ни Боже мой, всѣ ноги увязнутъ. Право! что-жь это вы лѣтомъ не соберетесь! Тутъ благодать такая! Пошли-бы полями. А осень подойдетъ, тутъ работы начинаются. Прошлый годъ у насъ до сорока работницъ было. Вотъ бы вамъ тогда быть у насъ! И пойти можно, куда только захотите. А теперь сидѣть въ комнатахъ все время приходится. (Тутъ лицо Аграфены, которое все время улыбалось самой широкой улыбкой, съ которой вмѣстѣ смѣялись и глаза и даже носъ, перестало улыбаться). А то, не принести-ли вамъ меду? У насъ чудный медъ, только съ этаго года и получаемъ, а вотъ у сосѣдей у нашихъ, у нихъ шесть или семь ульевъ. Да что это я вамъ все разсказываю, я лучше васъ угощать буду.

И Аграфена побѣжала за медомъ.

Вмѣстѣ съ нимъ она принесла еще и цѣлую корзину маленькихъ сдобныхъ булочекъ.

Кушайте на здоровье, сказала она, поставивъ на столъ.

Любовь Ивановна и Тоня взяли по одной и поблагодарили.

Дорога по свѣжему воздуху немного ободрила ихъ, но не могла прогнать усталости. А потому обѣ онѣ обрадовались, когда могли удалиться въ свои комнаты и понабрать новыхъ свѣжихъ силъ для вечера.

Вечерній чай прошелъ еще оживленнѣе. Нѣсколько успокоенная Антонина и сама наконецъ начала разспрашивать про хозяйство. Вы были въ Петербургѣ, спросила она, не зная, что-бы сказать поинтереснѣе, или въ Москвѣ.

Въ Москвѣ-то бывала, отвѣчала Аграфена, а въ Петербургѣ—никогда.

Вы бы попросили, чтобы вмѣстѣ съ вашимъ мужемъ поѣхать, вѣдь онъ же бываетъ. И Манечку-бы взяли, отдали-бы въ гимназію, а теперь, пока мала, въ школу.

Лицо Аграфены перестало улыбаться. И гдѣ намъ до Петербурга, сказала она, а Манечку будетъ учить отецъ читать и писать.

У васъ еще есть дѣти? опросили Антонина.

А какъ-же! А Сашка-то! А Арина! Ей всего третій мѣсяцъ идетъ сказала Аграфена и лицо ея по прежнему начало улыбаться въ широкую улыбку.

Вы мнѣ ихъ покажете? Гдѣ же они?

Они въ дѣтской. Отецъ не любитъ, когда они шумятъ. Да и холодно теперь, а двери открываютъ; могутъ простудиться.

Я очень интересуюсь малыми, такъ приблизительно пятилѣтними дѣтьми и собираюсь открыть дѣтскій садъ; говорила Антонина.

А что-же это такое дѣтскій садъ? Дѣти будутъ что сами сажать? цвѣты какіе?

Нѣтъ, дѣти сами будутъ какъ цвѣточки и маленькія деревца, а дѣтскія садовницы будутъ ихъ учить.

А, понимаю, школа стало-быть.

Не совсѣмъ школа, въ школѣ дѣтей только учатъ, а въ дѣтскомъ саду придумываютъ разныя полезныя игры и занятія и дѣтей заставляютъ придумывать, даютъ дѣтямъ лѣпить изъ глины все что только тѣ придумаютъ.

Какъ это хитро. И чего; чего только не затѣютъ, говорила Аграфена.

А то еще по картону вышиваютъ нитками. Ну и учатся конечно читать и писать. Вы-бы не хотѣли Манечку отдавать въ такую раннюю школу?

Да гдѣ же намъ, вѣдь далеко-то; и все какъ Семенъ Прохоровичъ назначитъ.

Если поѣдемъ когда въ другой городъ. Только трудно этого и ожидать-то. И занятъ Семенъ, а я по хозяйству; незамѣтно, какъ и день пройдетъ. Встанешь съ пѣтухами, цѣлый день въ работѣ, а что, спросятъ, дѣлала? И ничего и не разскажешь. А все понемногу! Вездѣ—свой глазъ нуженъ. Лицо Аграфены опять стало улыбаться.

Положительно, кромѣ хозяйства и дѣтей ее ничего не интересуетъ, подумала Антонина и не ошибалась. Уяснить же себѣ насколько они любятъ другъ друга Семенъ и Аграфена—эта идея и совсѣмъ не западала въ душу Антонины. Она, какъ говорится, не знала людей.

На слѣдующее утро яркій лучъ солнца озарилъ окно Тониной комнаты. Золотые и пурпурные листья блестѣли своей послѣдней красотой; да при томъ ихъ оставалось очень мало, а большинство вѣтокъ стали уже готовыми для зимней поры. Антонина любила и раннюю и позднюю осень. Это была самая «сильная» пора ея жизни, когда умъ ея работалъ, а душа ждала и находила дѣятельность.

Раненько встали, милая барышня, сказала вошедшая горничная Наталья.

А погулять у васъ по дорожкамъ нельзя? спросила весело Тоня.

Гдѣ тутъ, по грязи-то? сказала Наталья, развѣ что у дома, да тамъ неинтересно; что и видѣть-то тамъ: все одно и то же.

Неужели такъ-таки и до лѣсу не пройти и никуда, рѣшительно никуда?

Да куда идти-то? Вездѣ дорога не пролазная?

А какъ-же вы зимой-то остаетесь? Такъ, семь мѣсяцевъ никуда?

Зимой-то и къ намъ заѣзжаютъ; а то и прокатиться можно: хошь въ сосѣднее село. Никакъ меня барыня кличетъ?! Такъ и есть, сказала Наталья. Поживите у насъ, милая барышня, сказала она убѣгая.

У Тони немного отлегко на душѣ. Брошенная въ совершенно новую жизнь, Тоня чувствовала себя чужой. Путешествій въ своей жизни она не совершала, знала только Петербургъ и нѣкоторыя дачныя окрестности; людей она также мало знала, и каждое новое столкновеніе для нея было открытіемъ. Но Тоня была молода и смотрѣла на жизнь безъ всякой предвзятой мысли; легко и довѣрчиво дѣвушка относилась къ людямъ и также точно относились они къ ней.

Если-бы молодость всегда продолжалась, подумала Тоня, какъ-бы я была счастлива. Но нѣтъ, все проходитъ. И то, что дорого, такъ дорого, уходитъ безвозвратно. Перемѣна, вѣчная перемѣна, которая губитъ даже и то, что не подлежитъ гибели. Давно-ли она со своей подругой, Диной Нелюбовой сидѣла на школьной скамьѣ. Тогда все въ жизни казалось очень важнымъ; между ними обѣими не было двухъ мыслей разныхъ. А теперь—какая разница между тѣмъ временемъ и новыми людьми. Что-то Дина сказала-бы про меня? Хорошо-ли ей живется?

И съ этими мыслями Тоня пошла къ утреннему чаю; въ столовой она нашла только одну Маню, сидящую за столомъ скромной, но веселой.

Онѣ разговорились. Маня показывала свои игрушки, которыхъ, кстати сказать, было очень мало.

Съ Сашей вы играете? спросила Тоня. Онъ еще малъ, сказала Маня и все хочетъ кувыркаться, а мнѣ мама запрещаетъ. «Такъ ты больше все одна»?

Маня молчала.

На дворѣ загремѣлъ экипажъ. Семенъ куда-то уѣзжалъ.

Куда твой папа ѣдетъ? спросила Тоня. Маня подбѣжала къ окну, долго смотрѣла и молчала; потомъ вернулась на свое мѣсто и стала смотрѣть на Тоню все больше и больше. Дѣвочкѣ и хотѣлось по обыкновенію взять свою любимую игрушку, деревянную некрашенную телѣжку, которая уже давно потеряла свои колеса или поиграть съ кошкой «Латуръ», и въ то же самое время хотѣлось оставаться на стулѣ. Не зная на что изъ трехъ рѣшиться, Маня, наконецъ, не вытерпѣла и пошла звать кошку, для чего пріоткрыла дверь, и кошка покорно явилась.

Но въ эту самую минуту вбѣжалъ Саша. Кошка вообразила, что это гонятся за ней, вскочила на диванъ; Саша, не долго думая, тоже вскарабкался на диванъ; кошка убѣжала дальше, пока не пріютилась гдѣ-то повыше. Тутъ только Саша замѣтилъ Тоню.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

На слѣдующее утро Тоня встала все еще въ бодромъ и беззаботномъ состояніи духа; но это былъ ужъ послѣдній день ея пребыванія въ деревнѣ.

Погода стояла все еще пасмурная, какъ и подобаетъ осенью. Только одинъ дождь своимъ шумомъ и можетъ нарушить тишину,

когда капли стучатъ объ окна, либо падаютъ изъ трубы на камни. Все тихо. Развѣ въѣдетъ экипажъ или собаки залаютъ, но и это скоро прекращается. Дома—тихо, бываютъ только оживленные разговоры за обѣдомъ, но даже за чаемъ вечернимъ никто не засиживается. Любовь Ивановна еще бесѣдуетъ съ Аграфеной, но Тоня все отмалчивается.

Только что ушла горничная Наташа, позвавъ Тоню къ обѣду съ такимъ новымъ оттѣнкомъ въ голосѣ, что Тоня не могла уяснить, что бы это означало.

Впрочемъ, скоро это все обнаружилось. Только вступила Тоня въ столовую, то нашла въ сборѣ все общество: рядомъ сидѣли Семенъ и Аграфена, по правую сторону послѣдней Любовь Ивановна, а по другую сторону Семена—молодой человѣкъ въ военной формѣ. Тоня настолько удивилась, что отступила немного въ сторону вмѣсто того, чтобъ идти. «Не стѣсняйся, сказала весело Любовь Ивановна. Моя сестра, мой милѣйшій, сказалъ Семенъ, обращаясь къ молодому офицеру. Тоня густо покраснѣла и сердце ея болѣзненно сжалось, но она поспѣла разглядѣть и здоровый румянецъ молодого офицера-брюнета и его два сѣрыхъ глаза, которые отъ ламповаго освѣщенія блестѣли, какъ двѣ вишни и его короткіе, но красивые усы, которые торчали вверхъ. Впрочемъ, сердце Тони лежало, какъ камень, и она уже начала ненавидѣть и эти блестящіе глаза и даже усы, которые такъ шли къ яркому румяному, загорѣлому лицу. Но молодой человѣкъ, котораго звали Михаилъ Кирилловичъ и не подозрѣвалъ объ этой ненависти и воображая себя очень представительнымъ, какимъ онъ и былъ, не сомнѣвался, что можетъ одержать побѣду. Впрочемъ, за послѣднее чувство его многіе и охотно извиняли. Несмотря на стараніе Любови Ивановны развеселить Тоню, послѣдняя молчала, какъ пчела.

Михаилъ Кирилловичъ, всегда привыкшій къ полному ухаживанію, не могъ даже найти причины для такого холоднаго отношенія и сталъ искать, нѣтъ-ли съ его стороны какой-нибудь ошибки. Но никакой ошибки или хотя-бы неловкости не оказывалось. Но задумчивость очень шла къ моложавому лицу Михаила и даже разсмѣшила Тоню. Отчего подъ конецъ обѣда она уже смѣялась, а съ ней и другіе.

Вотъ и разсмѣшили васъ, говорила Тоня.

Михаилъ опять оставался въ недоумѣніи. Онъ былъ увѣренъ, что онъ будетъ занимать молодую барышню, такъ какъ смотрѣлъ

на все и на всѣхъ глазами Грибоѣдовскаго «Горе отъ ума». А тутъ выходило какъ-будто и наоборотъ. Но Михаилъ не сдавался.

Вы меня поражаете, Антонина Прохоровна, говорилъ Михаилъ.

Чѣмъ это? перебила Тоня.

Вашей самостоятельностью. Вы такъ смѣло обо всемъ судите и не прячетесь за авторитеты, когда и нашъ братъ, грѣшный человѣкъ, все за нихъ цѣпляется.

Это оттого, что я гораздо проще васъ, продолжала Тоня. Ей было совершенно безразлично, что ее находятъ самостоятельной, она больше смотрѣла, какъ сверкали бѣлые зубы Михаила и торчали темноватые усы. Блестящіе глаза все время продолжали отталкивать ее.

Какъ же вы дошли до этой простоты? сказалъ Михаилъ.

Никакъ не доходила. Какъ я думаю, такъ и говорю.

Такъ-то, пожалуй, оно лучше, сказалъ Михаилъ, какъ-бы про себя.

Тоня смотрѣла на Михаила въ профиль и ей показалось, что усы еще больше выдались (нарочно это или нѣтъ, хотѣла даже сказать она) и по губамъ проскользнула улыбка.

Вы чему-то улыбаетесь, сказала Тоня.

Я никогда не улыбаюсь, отвѣтилъ Михаилъ, забывъ, что за обѣдомъ онъ хохоталъ во все горло; но въ сущности онъ былъ правъ, и новая перемѣна для него самого была удивленіемъ.

Это всегда вы такъ себѣ противорѣчите?

Могу васъ увѣрить, что это только вы во мнѣ произвели такую перемѣну.

Я, неудомѣвала Тоня.

Да вы! Развѣ это такъ особенно?

Мнѣ еще никто ничего не говорилъ подобнаго.

Въ такомъ случаѣ, я первый. Весьма радъ.

И Михаилъ опустилъ при этомъ глаза въ знакъ покорности или умиленія.

Черезъ нѣсколько дней уѣдетъ, подумала Тоня, не все-ли равно! Не этотъ, такъ другой.

Что она хотѣла этимъ себѣ опредѣлить, она сама-бы не созналась, такъ какъ о замужествѣ даже и не думала.

Зато Любовь Ивановна повеселѣла, вообразивъ, что онъ по душѣ и можетъ быть женихомъ. Какъ человѣкъ стараго закала, она ко всему относилась съ большой опаской, а потому и къ свадьбѣ, считая это большимъ и рѣшительнымъ шагомъ въ жизни, который поворачиваетъ весь складъ и всѣ привычки въ

другую сторону. Аграфена, какъ всегда, была привѣтлива, но говорила совсѣмъ мало, что было ея всегдашнимъ свойствомъ при чужихъ, только подчивала съ усердіемъ. Семенъ тоже былъ неразговорчивъ, хотя и говорилъ или про свое хозяйство, или же про разныя подробности изъ жизни своихъ сосѣдей.

А такихъ разсказовъ у него накопилось много. Иной заѣдетъ и жужжитъ цѣлыхъ два часа и не подозрѣваетъ, что все до точности остается въ памяти слушателя. И хоть большого увлеченія въ своей передачѣ не высказывалъ, но все же рѣчь Семена была изъ бойкихъ. Когда же касалось интересовъ самого Семена, то-есть его хозяйства или семейнаго положенія, то тутъ выказывалось столько серьозности, что самъ хозяинъ какъ-бы становился другимъ человѣкомъ: тутъ была вся его жизнь. Большинство людей хвалили его за то, но у него было мало искренних друзей.

Тѣмъ не менѣе друзья были и даже не огорчались частою молчаливостью Семена Прохоровича; практическій умъ послѣдняго они всегда хвалили, хотя и знали, что для нихъ отъ этого пользы не перепадетъ. Замкнутость Семена во многомъ ему мѣшала, но съ другой стороны дѣлала изъ него хотя односторонняго человѣка, но хорошаго помѣщика.

Аграфена рѣдко оживлялась при посторонних; наоборотъ, уходила какъ бы въ себя. Боялась ли она ударить лицомъ въ грязь или того, чтобъ не упрекнули ее въ кокетствѣ? Вѣроятно и то и другое.

Противъ всѣхъ ожиданій Тони, молодой офицеръ не остался ночевать и хотя поздно, въ десятомъ часу, уѣхалъ въ свое «Отрадное».

Когда Тоня осталась одна въ своей комнаткѣ она задумалась надъ тѣмъ, что Любовь Ивановна ни словомъ не проговорилась про Михаила, когда тотъ уже былъ въ отсутствіи, а сама Тоня не хотѣла разбираться въ какихъ-бы то ни было мысляхъ.

Лучше оставаться въ дѣвицахъ, сказала она мысленно. Темная ночь и неразлучный спутникъ ея сонъ прекратили дальнѣйшія мысли.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Былъ восьмой мѣсяцъ войны. До Машиной свадьбы оставалось всего, одинъ, мѣсяцъ. Наталья Ивановна не видѣла въ Машѣ рѣзкой перемѣны изъ-за военнаго настроенія страны и находила, что нѣтъ причины откладывать. Маша съ своей стороны дѣлала все, чтобы уравновѣшенное состояніе духа не проходило. Она чувствовала, что въ состояніи раскиснуть, въ другія минуты хотѣла идти въ сестры милосердія и хотя не находила къ тому никакой остановки, сама же отказывалась отъ своего намѣренія.

Желая всетаки помочь своему грустному настроенію (такъ въ комъ его не было?), Маша работала дома «для больныхъ и здоровыхъ», какъ она говорила, шила и посылала свои работы въ «кружокъ», а оттуда посылалось на мѣсто войны какъ-то: теплыя одежды, шарфы, мыло, сахаръ, башлыки и т. д., присоединяла уже Наталья Ивановна. Но работать дома Машѣ показалось мало, что она мало успѣваетъ, а потому когда ея подруга Елена Ивановна предложила пойти во дворецъ и тамъ работать чуть ли не полъ дня, Маша согласилась. Тутъ она увидала сколько работаютъ другія и почувствовала себя такой маленькой.

Пойдемъ же, Маша, ты опять застрѣваешь, говорила Елена.

А кто пріѣхалъ вчера такъ рано, что въ залѣ никого почти не было, отвѣчала Маша. Все ты, душа моя.

Правда поѣдемъ, а то опоздаемъ.

Кто же насъ тормозитъ? Слава Христу, мало развѣ мы сидѣли часовъ?

Я все не поспѣваю сшить цѣлой рубашки.

Развѣ это обязательно? Чего, милочка, ты все безпокоишься.

Ладно, пусть будетъ по твоему: торопиться не будемъ, и съ шитьемъ я тоже спѣшить не буду.

Вотъ такъ-то лучше и повѣрь, что больше успѣешь.

Подъ шумъ и разговоръ также и съ Натальей Ивановной, Маша и Елена взяли наемный экипажъ, такъ какъ погода была промозглая, и не замѣтили какъ быстро доѣхали до дворца.

Маша и Елена первые дни работали въ первой залѣ, гдѣ большая часть работавшихъ были или въ платочкахъ или просто швеи и мѣщанки или же просто небогатыя женщины. Публика была

самая смѣшанная. Но ни Маша, ни Елена много не смотрѣли, но больше работали, что не мѣшало имъ говорить между собой.

Еленѣ казалось, что ихъ никто не слышитъ, изъ-за чего Маша раза два покраснѣла. Ты говоришь ужъ очень громко, говорила Маша.

Нисколько, замѣчала Елена, у меня и вообше-то тихій голосъ.

Зачѣмъ постороннимъ вдумываться въ наши слова, разсуди сама, имъ и безъ насъ хорошо.

Ты всегда такъ резонно говорила. И откуда у тебя вдругъ получается такой импозантный тонъ? Елена хотѣла еще что-то прибавить, но остановилась. Въ эту минуту вошла въ залу Ольга Епифановна. Елена удивилась; здѣсь въ залѣ дворца ей все казалось чѣмъ-то и возвышеннымъ и особеннымъ, непохожимъ на все остальное.

Ахъ, дѣти, мои, зачѣмъ вы не пройдете дальше, сказала Ольга Епифановна, пойдемте, я васъ проведу.

Маша и Елена, какъ послушныя овечки, встали, взяли свои работы и пошли за Ольгой Епифановной.

Онѣ прошли пять залъ, Елена подумала, что вотъ сейчасъ онѣ дойдутъ, наконецъ, и тогда увидятъ опять много работающихъ, но имъ пришлось пройти еще двѣ комнаты. Въ одномъ залѣ, гдѣ работали бандажи. Ольга Епифановна обратилась къ Еленѣ: «Вотъ пригласите въ это отдѣленіе: тутъ нужны руки и руки».

Елена увидала до тридцати молодыхъ барышень, все красивыхъ, какъ на подборъ, въ бѣлыхъ передникахъ и бѣлыхъ нарукавникахъ; онѣ всѣ свертывали въ бинты разрѣзанную марлю. Одинъ этотъ видъ всѣхъ приготовленій за все время разговора наполнилъ душу Елены внутреннимъ ужасомъ.

Маша, я думаю я не могла-бы тутъ сидѣть, сказала Елена.

И не нужно, не трудись, отвѣчала Маша.

Ну, пойдемте, дѣти мои, сказала Ольга Епифановна. Еще двѣ двери и Еленѣ показалось, что она очутилась въ сказачномъ царствѣ. Она посмотрѣла на Машу, та была спокойна и холодна, какъ ледъ.

Это дѣйствительно былъ большой залъ съ колоннами посреди и все было выкрашено въ бѣлую краску, съ одной стороны окна выходили на набережную Невы, съ другой въ зимній садъ.

Елена услышала какіе-то неопредѣленные, рѣзкіе и равномѣрные звуки, но не рѣшалась спросить, чтобы это означало.

Въ этомъ залѣ и остались работать Маша и Елена. Ольга Епифановна сказала, что придетъ; а сама удалилась, такъ и не видали онѣ ее въ тотъ день.

Тутъ уже ни Маша, ни Елена ничего не говорили, да и не слыхали бы себя, такъ какъ машина не переставала не то шипѣть, не то сверлить.

Когда на обратномъ пути Елена спросила Машу: «Скажи мнѣ, что это за машина, которая такъ рѣзко гудѣла, ты не знаешь?»

Это вязальная машина, отвѣтила Маша.

Какая ты умница, ты все знаешь, и какъ это ты поспѣваешь все узнать?

На одномъ изъ поворотовъ изъ одной улицы въ другую встрѣтился имъ Валеріанъ Михаиловичъ. Маша ему довольно обрадовалась и продолжала свой разговоръ, почти забывая объ Еленѣ. Елена шла грустная и недовольная. Погода была сырая и промозглая. Маша боялась за Елену, чтобы та при ея нѣжномъ здоровьѣ не простудилась, вотъ отчего и оставляла послѣднюю молчать.

Дождь не помѣшалъ Валеріану прочесть цѣлую лекцію «о буддизмѣ». «И что ему въ этомъ буддизмѣ нужно?» подумала Елена и даже собралась было спорить, несмотря на то, что проѣзжавшіе экипажи не стѣснялись ихъ обдавать грязью, но посмотрѣвъ на Машу, увидѣла, что та сохраняетъ большое хладнокровіе, и оставила свои разсужденія до другого раза.

Маша была убѣждена, что Валеріанъ проводитъ ихъ до самаго подъѣзда, но ошиблась, и отъ Лѣтняго сада подруги шли вдвоемъ.

Я удивляюсь твоему терпѣнію, сказала Елена.

Ничему не надо удивляться, отвѣчала Маша.

Но соглашаться со всѣми, то-есть, какъ есть, со всѣмъ, что тебѣ говорятъ? Что-же тогда будетъ?

Я тебѣ не могу объяснить!

Выше меня? Это—мило. Если это—тайна, то я сторонюсь. И Елена уже больше не спорила.

Фонари горѣли тусклымъ свѣтомъ, какъ показалось Еленѣ, когда они подходили къ дому. Елена осталась у Маши обѣдать.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

За обѣдомъ первое время Наталья Ивановна была не въ духѣ и даже выражала свое неудовольствіе по поводу того, что Валеріанъ не поднялся, чтобъ съ ними отобѣдать.

И что же у него было что-нибудь очень важное? засѣданіе или онъ приглашенъ? говорила Наталья Ивановна.

Онъ прочелъ намъ цѣлую лекцію о буддизмѣ, сказала Елена.

Такъ почему же это мѣшаетъ обѣдать съ нами? говорила Наталья Ивановна.

Не мѣшаетъ, но... Елена замялась, но вы сами понимаете, Наталья Ивановна.

Ничего я, мой другъ, не понимаю, отвѣчала Наталья Ивановна.

Ну, однимъ словомъ, онъ былъ оживленъ, взволнованъ, говорила Елена.

У него была какая-то идея, сказала Маша.

Вотъ именно, тогда-то и придти, сказала Наталья Ивановна.

Что касается до меня, сказала Елена, то я не только его, но и другого болѣе хорошо знакомаго не въ состояніи была-бы пригласить.

Я знаю, Леночка, что вы такъ скромны, что не налюбуешься на васъ.

Я же про себя не могу этого сказать, сказала Маша. Во мнѣ храбрости и бойкости довольно.

Я не вижу такой большой храбрости, сказала Елена.

Это только ты не видишь, отвѣчала Маша.

Просто напускать на себя, чтобъ придать себѣ больше важности.

Мамочка, дорогая моя, неужели я-то, я—важничаю? сказала Маша, обращаясь къ своей матери.

Что-же Валеріанъ говорилъ про войну? сказала Натальи Ивановна, чтобъ перемѣнить разговоръ.

Ты, мамочка, и вообразить себѣ не можешь, сказала Маша и начала что-то такъ тихо говорить, что Елена ничего не могла слышать, улавливая едва отдѣльныя слова, вродѣ «корпусъ, командующій, офицеръ» и др.

Елена слишкомъ была дружна съ Машей, чтобъ обижаться на такое обращеніе: любопытство ее разбирало очень большое, но еще большее огорченіе; она чувствовала, что говорится о чемъ-то, что, какъ думается, не со всѣмъ ладно, вотъ отчего и боялась переспрашивать. Нервы ея и безъ того чуткія были за время войны взвинчены до сильной степени. Даже Наталья Ивановна, которая все время покачивала головой на слова Маши, наконецъ подумала и объ Еленѣ.

Ты все распространяешься Маша, сказала ея мать, а не подумаешь объ Леночкѣ. Каково ей?

Да Лена знаетъ, что мы не про нее? отвѣтила та.

Но, позволь, отчего-же я-то не могу слышать? сказала Лена.

Тебѣ рано, раздумчиво сказала Маша.

Рано? Елена подняла брови: Хорошо, я все узнаю отъ другого лица и тебѣ же приду передать. Давай пари.

Съ тобой пари? Ни за что на свѣтѣ?

Отчего же такъ?

Ты проиграешь.

Почему же я проиграю?

Ты бѣжишь отъ мущинъ, какъ отъ огня: отъ нихъ ты не узнаешь, а изъ мнѣ знакомыхъ дамъ только одна Ольга Епифановна можетъ что нибудь знать, но ты къ ней не пойдешь.

А если пойду, то ты предупредишь обо мнѣ? Не такъ-ли?

Милый другъ Лена, не ходи, сказала Маша умоляющимъ голосомъ и даже слезы готовы были брызнуть изъ ея глазъ. Я должна заботиться о твоей нравственности.

Объ моей? И дальше что же?

Дальше—то, что не распрашивай не только Ольгу Епифановну, но никого, а особенно Валеріана, а черезъ недѣлю можетъ и я тебѣ передамъ, когда узнаю только навѣрное.

И это все твои знакомые, про которыхъ ты будешь узнавать?

Знакомыхъ—очень мало, а то все незнакомыя лица. Вотъ отчего отчасти ты непремѣнно меня должна послушаться и ни о чемъ безъ моего позволенія не говорить.

Вотъ какъ сильно! Ты выражаешься т.-е. такъ, что подумать только.

Отлично, теперь мы останемся друзьями.

Гдѣ-то теперь, Андрей? сказала Елена.

Вы съ нимъ въ перепискѣ?

Нѣтъ.

Да, что же я спрашиваю, ты не принадлежишь къ двадцатому вѣку, ты—старыхъ традицій.

Неужели ты меня считаешь отсталой?

Почти что такъ.

Это обидно.

Для кого другого, но не для тебя. Скажи, ты очень любишь Андрея.

Да.

И никогда никто изъ васъ двухъ не признавался?

Ты мнѣ ставишь такой щекотливый вопросъ, что я не въ состояніи прямо отвѣтить.

Почему? Развѣ въ жизни не должно быть все ясно и просто?

По той причинѣ не могу тебѣ сказать, что изъ многаго есть, что только подразумѣвается и что сказанное пріобрѣтетъ совсѣмъ

другое значеніе. И развѣ я не права, если не только тебѣ, но и другимъ не даю прямого отвѣта на вопросъ.

Я вижу только одно или ты не любишь Андрея, или же сама себѣ не хочешь сознаться въ этомъ.

Въ первомъ ты ошибаешься, а также и во второмъ.

Отчего же вы такъ сдержанны, что ни ты, ни Андрей ничего рѣшительнаго не скажете? Впрочемъ, отъ тебя я бы и не ждала, есть характеры разные и ты принадлежишь къ самымъ уравновѣшеннымъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О, родъ людской, какъ жалокъ ты!
Кичась своимъ поддѣльнымъ жаромъ.
Ты глухъ на голосъ нищеты
И слезы льешь передъ фигляромъ.

С. Ѳ. Дуровъ.

Нерѣдко Маша и Елена вспоминали въ своихъ разговорахъ обо всѣхъ событіяхъ на войнѣ за лѣто.

Теперь какъ-будто ихъ разговоры стали спокойнѣе, а въ дѣйствительности просто грустнѣе отъ постояннаго однообразія пораженія русскихъ войскъ врагами.

Еще лѣтомъ было хоть какое-нибудь утѣшеніе, говорила Леля: это битва подъ Лаояномъ. Три дня длилась осада чего это стоило— и только затѣмъ русскіе ушли, оставивъ позицію.

А кто говоритъ, что враги наши хотѣли уходить и даже дано было объ этомъ распоряженіе.

При отступленіи продолжали гибнуть люди, говорила Леля, и еще ужаснѣе, чѣмъ при осадѣ, такъ-какъ они шли малыми партіями, дорога отъ дождей стала затруднительной и по ней-то пришлось вести пушки и вытаскивать ихъ изъ грязи.

Хоть бы поговорить съ какимъ-либо солдатикомъ, чтобъ хоть что-нибудь да узнать отъ нихъ. Пожалуй, что это и не такъ-то трудно.

Вотъ ты говоришь, что разузнаешь отъ нихъ, а я тебѣ развѣ не разсказывала, что лѣтомъ я была въ лазаретѣ раненыхъ и не съ однимъ, а съ нѣсколькими переговорила.

Это безъ сомнѣнія болѣе все разъяснитъ, чѣмъ, напримѣръ, если взять печатанныя солдатскія письма. Изъ письма—не такъ-то все видно. Разскажи же мнѣ.

Сама ты знаешь, что я неразговорчива и все, что я узнала, это очень мало. Узнала, какъ они жили зимой въ землянкахъ, отчего изъ нихъ очень многіе простужались и такъ и остались съ простудой на всю жизнь, другіе получили цынгу, одинъ изъ больныхъ совсѣмъ плохъ, другой потерялъ совсѣмъ голосъ. Все это безъ сомнѣнія печально, но меня очень задѣло за живое узнать, какъ же смотрятъ на главнокомандующаго Куропаткина, отъ котораго такъ или иначе многое могло зависѣть.

Тутъ уже я сама поспѣшила спросить, чтобъ узнать, какъ они къ нему относятся, т.-е. солдаты, и онъ къ нимъ. Бранить его они не бранятъ, а говорятъ, что для солдата онъ много что дѣлалъ и что старался много, но не судилъ Богъ.

Вотъ спасибо, Леля, что мнѣ разсказала; это прямо изъ самой жизни. Но это намъ Ольга Епифановна разскажетъ: вѣроятно ужасы. Какъ выйдешь изъ ея гостиной, такъ словно сама тамъ на войнѣ присутствовала, такъ картины и стоятъ предъ глазами. Вотъ хотя бы про то, какъ избивали отставшихъ въ грязи съ пушками; славы для враговъ это не придавало, а скорѣй наоборотъ, и также оставшихся въ городѣ, когда русскія войска ушли оттуда. Такой кровожадности въ войнѣ нѣтъ еще ни единаго примѣра, въ смыслѣ убійства изъ-за угла, а не на полѣ чести.

Это кара Божія, сказала Леля, одна изъ казней египетскихъ, которую послалъ Богъ на наше отечество.

Еще я принесла тебѣ, Леля, письмо Андрея отъ моей матери. Очень жалко, что вы не въ перепискѣ. Вѣроятно оно было-бы тогда нѣсколько иначе.

Лучше оставь этотъ вопросъ совсѣмъ въ сторонѣ. Во всякомъ случаѣ позволь мнѣ, я тебѣ сейчасъ же и верну его.

Прочесть—легко сказать; скорѣй я его сама тебѣ прочту.

Дорогая Наталья Ивановна.

«Пишу Вамъ съ половины пути. Когда дойдетъ до Васъ это письмо, мы подвинемся еще дальше и подойдемъ близко къ Байкалу, черезъ который предполагается желѣзная дорога зимой; для этого и теперь начаты подготовительныя работы.

Въ сущности вся сибирская дорога не есть ли это отдаленное подготовленіе къ войнѣ. А наши сосѣди готовились настолько усердно, что это ни для кого не было тайной. То понятіе, которое составляешь себѣ, сидя въ Петербургѣ и здѣсь на мѣстѣ, это совершенно различныя, но объ этомъ писать неудобно, и лучше я многое передамъ на словахъ, если Богъ судитъ свидѣться».

Тутъ какія-то недомолвки, сказала Леля и притомъ самаго грустнаго свойства.

Недомолвки для непосвященныхъ, но кто, какъ я, знаю очень многое отъ Валеріана, для того остается прозрачнымъ, но только не для тебя, чистой души.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ самимъ Валеріаномъ, который много и охотно говорилъ про войну, бранилъ японцевъ, называлъ ихъ макаками и нехристями.

Но и между ними тоже есть христіане, сказала Леля.

Теперь изъ японскаго лагеря столько выбыло ранеными и убитыми, говорилъ Валеріанъ, что идутъ уже старики на войну и совсѣмъ молодые. Подъ однимъ Портъ-Артуромъ ихъ было истреблено до 40,000 солдатъ, а также много и въ другихъ мѣстахъ, подъ Лаояномъ и въ другихъ бояхъ. Всѣ побѣды, которыя одерживали японцы, у себя на родинѣ закрѣпляли праздникомъ, вывѣшивая по своему обычаю фонари на улицѣ. А въ самомъ началѣ, когда только что началась война и еще не была объявлена, началось съ этихъ же самыхъ фонарей. Японцы открыли пальбу по русскимъ судамъ: цѣлый флотъ на три и пять русскихъ судовъ. При несоразмѣрности такихъ отношеній суда русскія были скоро обращены въ рѣшето, а русскіе со своими ранеными были перевезены на французскіе пароходы. По уходѣ русскихъ ими же были потоплены собственные броненосцы и часть добровольно взорвана на воздухъ. Начало было довольно сносное и моряковъ, которые открыли первый бой и потомъ вернулись на родину, приняли съ большимъ энтузіазмомъ. Да, я хотѣлъ вамъ разсказать про фонарики въ самомъ началѣ войны, но вы, навѣрное знаете?

Нѣтъ, сказала Леля, мы ничего ни знаемъ.

Такъ вотъ что придумали японцы: разставляли плоты съ висящими, зажженными фонарями, чтобъ заставить русскихъ тратить какъ можно болѣе снарядовъ по мнимымъ пароходамъ.

Теперь я буду знать фонарики, сказала Леля.

Если же я пойду сестрой милосердія? сказала Маша, обращаясь къ Валеріану.

Сдѣлай одолженіе, отвѣчалъ послѣдній, я тебя удерживать не стану.

Милый мой, безцѣнный, сказала Маша, я просто хотѣла тебя испытать. О, нѣтъ, я не разстанусь съ тобой; до нашей свадьбы осталось всего нѣсколько мѣсяцевъ; какими они мнѣ кажутся длинными; если бъ не всѣ эти толки изъ-за войны, то время мнѣ позалось бы еще длиннѣе.

Теперь же ты знаешь, что кромѣ тебя и другіе страдаютъ, сказалъ Валеріанъ. О, если бъ я былъ военный, какъ Андрей, то... тогда...

Что тогда?

Я бы дрался, какъ левъ. Я бы на стѣну полѣзъ только для того, чтобъ моимъ примѣромъ заразить другихъ.

Зачѣмъ же на стѣну? Геройство не въ этомъ.

Въ чемъ же будетъ геройство по вашему, Марья Павловна?

Геройство заключается въ служеніи вѣрной идеѣ, все остальное смѣшивается въ хаосъ, гдѣ исчезаетъ идеальная мѣрка людей и каждая личность есть самъ себѣ законъ и мѣра. Не судите, да не судимы будете.

Вы наслушались разговоровъ о госпиталяхъ, о больныхъ, о страданіяхъ эвакуируемыхъ — и вотъ отдѣльныя личности въ вашихъ глазахъ вырастаютъ въ нѣчто чудовищное. Какъ говорится изъ-за лѣса деревъ не видно. Но идея всетаки должна быть. Кто же движетъ сотнями тысячъ людей: долгъ предъ отечествомъ. Вы видите этотъ импульсъ, двигающій народныя массы? Все равно какъ если въ муравейникъ ударитъ человѣкъ ногой и забѣгаютъ, зашевелятся всѣ, какъ по мановенію жезла. Но нѣтъ языка у муравьевъ, чтобъ сказать, что они дѣлаютъ. А люди не хотятъ говорить зачѣмъ они на поднятое надъ головой оружіе отвѣчаютъ оружіемъ. Война—непопулярна, а въ то же время эта война только народовъ одного народа съ другимъ. Начата война безъ объявленія такъ, какъ начинаютъ разбойники изъ-за угла—ночью, когда никто не долженъ былъ ждать — съ явнымъ перевѣсомъ численныхъ чиселъ непріятеля, а потому экипажъ «Варяга» и «Корейца» будутъ всегда и въ темнотѣ свѣтить, какъ двѣ яркія звѣздочки. Вы говорите, что дрались изъ-за Манжуріи; но она занята нами какъ говорится со «вчерашняго дня», можетъ быть годъ, два или того меньше. А къ войнѣ готовились десять лѣтъ; вотъ и судите, что и для чего работали муравьи чужого муравейника. И что работали наши муравьи: на бумагѣ было очень многое все гладко и настолько, что милліоны уходили на постройку флота и арміи, и милліоны же проскальзывали мимо. Унизился или сократился самъ флотъ, унизились начальники и появились не герои въ родѣ Рожественскаго и Небогатова.

Что же дѣлалъ Рожественскій, что его роняло въ глазахъ публики и общества? спросила Марья Павловна.

Что онъ дѣлалъ? сказалъ Валеріанъ: казнилъ подчиненныхъ еще до прибытія на мѣсто войны, и вообще держалъ себя над-

менно и грубо. Между отдѣльными частями всей эскадры нарушались согласія и взаимныя пониманія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Маша не въ шутку заинтересовалась вопросомъ о сестрахъ милосердія, побывала у нѣсколькихъ знакомыхъ и узнала, что нѣкоторыя изъ нихъ черезъ двѣ три недѣли уѣзжали на Востокъ и передъ отъѣздомъ ѣздили въ Царское представляться государынѣ. Маша была натура увлекающаяся и даже стала слушать лекціи объ уходѣ за ранеными. Безъ предварительнаго экзамена въ нѣкоторыхъ медицинскихъ познаніяхъ попасть въ сестры милосердія было немыслимо. Въ то же самое время шли приготовленія къ Машиной свадьбѣ.

Въ одинъ сѣрый и дождливый день пріѣхала къ Машѣ Ольга Епифановна и не желая ей надоѣдать разсказами о войнѣ или шитьемъ бѣлья для раненыхъ, что составляло одну изъ постоянныхъ ея заботъ, увезла Машу на одинъ изъ тѣхъ базаровъ, гдѣ можно достать почти все для предпраздничныхъ закупокъ.

Времени до праздниковъ оставалось еще очень много, но весь сборъ съ базара шелъ для раненыхъ и больныхъ на войнѣ, а потому и въ такое глухое время публики, желавшей показать свое участіе, было довольно.

Какіе вы тамъ найдете превосходные передники для прислуги! говорила Ольга Епифановна, я совѣтую взять полдюжины.

Я предпочитаю купить солдатскихъ рубашекъ, говорила Маша, чтобъ отправить на войну, еще я прибавлю къ нимъ сахара, мыла и табаку—вотъ и будетъ маленькій подарокъ къ празднику.

Ма chère, вы забываете, а ваша свадьба? Ваше приданое уже готово? Я знаю, что Ваша maman пунктуальна, какъ всегда, но не мѣшаетъ и вамъ немного вникнуть. Или вы витаете въ облакахъ? Ма chère вѣдь мы на землѣ. Если горничная хороша или прилично одѣта, то и гости будутъ себя держать иначе.

У меня горничной и совсѣмъ не будетъ, а только одна прислуга.

Ольга долгое время молчала, смотря на Машу, не будучи въ состояніи ей что-либо сказать. Наконецъ, слѣдуя нити своихъ мыслей совсѣмъ другимъ и не торжественнымъ, а скорѣй сострадательнымъ тономъ сказала: Развѣ отецъ вашъ не оставилъ вамъ капитала?

Маша упорно молчала, также и Ольга Епифановна; онѣ обошли нѣсколько столиковъ въ залѣ базара, гдѣ были разложены книги, гдѣ конфекты, гдѣ предметы дамской роскоши; все это для нихъ не подходило. Наконецъ, Маша примѣтила, гдѣ находятся солдатскія рубашки, и тутъ же начала приводить свой планъ въ исполненіе, смотря длину и ширину рукавовъ и найдя все подходящимъ отложила цѣлыхъ десять, затѣмъ принялась за выборъ передниковъ.

У васъ горничной не будетъ, сказала Ольга Епифановна, уже переходя на точку зрѣнія Маши. Для чего это вамъ?

У меня будетъ няня, моя старая няня, которая будетъ принимать гостей, прибирать комнаты. Вы ее развѣ не видѣли у насъ?

Ма chère, да это превосходно. Что же вы мнѣ раньше не сказали.

И обѣ онѣ теперь углубились въ выборъ передниковъ, когда подошелъ Валеріанъ, замѣтившій сначала Ольгу Епифановну.

Какимъ образомъ вы насъ нашли? сказала послѣдняя, выражая непритворное удивленіе.

Я зналъ, что вы будете, сказалъ Валеріанъ; но вы навѣрное забыли объ этомъ.

Ну да, ну да, сказала Ольга Епифановна, но теперь вы должны помочь Машѣ выбирать для ея посылокъ солдатамъ; иначе она уѣдетъ сестрой милосердія отъ васъ.

Я этого вовсе не боюсь, сказалъ Валеріанъ; я больше чѣмъ многіе другіе сочувствую всѣмъ жертвамъ, которыя приносятся.

Отъ Андрея Прохоровича вы не имѣли извѣстій?

Объ этомъ лучше спросить у Маріи Павловны, такъ какъ Наталья Ивановна имѣетъ извѣстія.

Вотъ интересно! Я даже не знала этого.

Валеріанъ закусилъ губы, но немного подумавъ, вернулся къ прежнему.

Я и самъ готовъ пойти въ братья милосердія, сказалъ онъ.

Богъ съ вами, сказала Ольга Епифановна, не давъ ему даже договорить. Вы полезны и тутъ.

Недавно я даже наводилъ справки, къ какой должности меня могли бы пріурочить, если бъ я пошелъ волонтеромъ на войну; но при госпиталѣ отправляться это и проще пожалуй.

Ахъ не говорите мнѣ про госпитали. На бумагѣ оно выходитъ все гладко и исправно; а на дѣлѣ—того нѣтъ, другого—нѣтъ, хоть все послано и отправлено, и въ отношеніи зимней одежды и въ отношеніи медикаментовъ и много-много чего.

Вы мнѣ велите не говорить про госпитали, а вѣдь это цѣлая жизнь. (Тутъ Валеріанъ посмотрѣлъ на Машу). Ѣдетъ главный врачъ, подбираетъ себѣ сестеръ милосердія тѣхъ кого захочетъ, а самъ въ отдѣльномъ вагонѣ ѣдетъ со своей племянницей, тоже сестрой милосердія; на мѣстѣ стоянки всѣ сестры помѣщаются въ одной фанзѣ и всѣ по очереди на себя работаютъ, а племянница врача помѣщается въ отдѣльной фанзѣ и для прислуги взяты деньщики. Вотъ и судите сами. А когда дѣло доходитъ до наградъ, то протеже врача полагается золотая медаль, а чернорабочимъ сестрамъ—по серебряной, да и то не всѣмъ. Одинъ Богъ разсудитъ всѣхъ; и между врагами не совсѣмъ-то все ладно шло, покупаютъ овесъ по одной цѣнѣ, а велятъ въ отчетѣ писать другую цѣну, а когда спрашиваютъ, куда же дѣваются эти деньги оставшіеся, то знаете, что отвѣчаютъ при этомъ; до этого врядъ ли вы додумались. Они откладываются на тотъ случай, если объявятся недочеты, чтобы не платить изъ своихъ. Больныхъ помѣщаютъ въ фанзахъ, а солдаты должны строить себѣ землянки, но теперь, говорятъ, они отъ этихъ работъ отказываются, потому говорятъ въ пустую работаютъ. Вѣдь и какихъ больныхъ-то привозятъ къ врачамъ, когда ужъ они идти не могутъ, а пока стоятъ на ногахъ и просятся въ госпиталь, офицеръ говоритъ: притворяешься, ты только съ позиціи радъ удрать.

Чѣмъ же объясняется такая масса больныхъ? сказала Марья Павловна.

Объясняется развитіемъ такихъ болѣзней, какъ цынга, брюшной тифъ, дезинтерія: это болѣзни заразительныя, а такъ какъ дезинфекція не всегда производится по причинамъ очень сложнымъ, то нѣтъ сомнѣнія, что хлопотъ врачамъ приходится вдоволь.

Валеріанъ Михайловичъ, если вы такъ освѣдомлены относительно госпиталей, сказала Ольга Епифановна своимъ слащавымъ и даже не своимъ естественнымъ голосовымъ тембромъ, который у нея появлялся тогда, когда она была чѣмъ-либо недовольна или озадачена или же ее мучилъ какой-либо неразрѣшенный вопросъ. На этотъ разъ ее мучило громадное любопытство относительно всѣхъ свѣдѣній касательно больныхъ и въ равной мѣрѣ служебнаго медицинскаго персонала, между тѣмъ удовлетворять любопытство было не время и не мѣсто.

Какъ разъ эту струнку зналъ Валеріанъ Михайловичъ, оттого и выбралъ мѣсто, чтобъ разговаривая въ салонѣ у Ольги Епифановны не выболтать ей все до послѣдней точки.

Если вамъ есть черезъ кого узнать все, что дѣлается не только на

войнѣ, но и пути къ ней, укажите мнѣ какимъ манеромъ идутъ всѣ транспорты; отчего одни доходятъ въ положенный срокъ, другіе съ опозданіемъ и, наконецъ, совсѣмъ не доходятъ,

Валеріанъ и на эту тему зналъ многое, но изъ осторожности молчалъ, чтобы кому-либо не повредить. «Это дѣло войны, сказалъ онъ, представьте себѣ быструю перемѣну мѣстъ, и люди жертвуютъ тѣмъ, что они считаютъ менѣе важнымъ; а то и такъ было какъ при Лаоянѣ, гдѣ отказывали въ должной доставкѣ фуража лошадямъ, а затѣмъ жгли цѣлые склады овса и сѣна.

И какъ имъ не попадетъ за это: тѣмъ, отъ которыхъ зависитъ правильная доставка всего отосланнаго, сказала Марья Павловна.

Они дѣйствуютъ сообща, сказалъ Валеріанъ, наоборотъ, часто попадаетъ тѣмъ, которые поступаютъ честно; ихъ, какъ опасныхъ людей удаляютъ съ должностей и тотчасъ же замѣняютъ другими. Наѣдетъ инспекторъ, изъ военныхъ безъ сомнѣнія, найдетъ, что помощникъ врача сидящій въ первой комнатѣ недостаточно скоро встанетъ, больныхъ совсѣмъ не знаетъ, (а самъ этотъ помощникъ всего часъ времени, какъ при госпиталѣ, только что переведенъ), при больныхъ на дощечкахъ нѣтъ надписей, сифилитики лежатъ рядомъ съ другими, несмотря на увѣреніе врача, что въ этотъ періодъ эти больные не опасны, что отъ дезинтериковъ не отнимаютъ матрацовъ (а на чемъ же имъ спать, на доскахъ), и отпишетъ всѣ найденные недочеты и разгромитъ госпиталь по всѣмъ швамъ. Врача главнаго спрашиваютъ: а вы что же будете при этомъ дѣлать? А мнѣ что жъ, тотъ говоритъ, мнѣ, только чтобъ меня не повѣсили, а все остальное—ничего.

Отчего же не назначатъ тогда врача инспектора? сказала Марья Павловна.

Ma chère, это не для тебя, сказала Ольга Епифановна, пойдемъ отсюда.

Уходя изъ залы онѣ встрѣтились съ Катей и Вѣрой Крымковыми и съ ними остался Валеріанъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ тотъ же самый день Леля, сестра Кати и Вѣры, Марья Павловна, Катя Тормашева сидѣли въ гостинной, а съ ними Михаилъ Прохоровичъ, офицеръ, братъ Андрея. Разговоръ вертѣлся на самую послѣднюю тему, именно объ войнѣ.

Безъ войны нельзя, говорилъ Михаилъ Прохоровичъ и при-

томъ съ какимъ-то достоинствомъ крутилъ свой усъ, что нисколько не придавало настоящей важности, несмотря на всѣ старанія.

Отчего нельзя, замѣтила Леля, развѣ Манжурія намъ нужна?

И по Сибири ѣдешь; шутка сказать цѣлыхъ двѣнадцать дней, а это еще дальше.

Хоть объясните мнѣ зачѣмъ? вставила Катя.

Зачѣмъ намъ война или зачѣмъ намъ нужна Манжурія? говорилъ Михаилъ.

И то и другое.

Вотъ видите: я вамъ разскажу это обстоятельно: война нужна потому, что честь выше всего или иначе сказать обоюдно принятый уговоръ; если одна сторона уговоръ нарушаетъ, то другая должна браться за мечь, иначе ей наступятъ сначала, какъ говорится на хвостъ, а потомъ... еще хуже. Что касается до Манжуріи, то это сторожевой постъ къ морю.

Но вы развѣ не замѣчаете, сказала Катя Тормашева, что въ данномъ случаѣ японцы—какъ орудіе англичанъ, которые боятся съ одной стороны усиленія Россіи, а съ другой усиленія японцевъ, съ которыми, если они размножатся, дальше будетъ труднѣе справляться. А потомъ для англичанъ, чѣмъ скорѣе начать уничтожать японцевъ, тѣмъ лучше. Такимъ манеромъ совѣсть англичанъ выходитъ чиста: они хотѣли оказать услугу: бороться съ врагомъ, да чтобъ и самимъ на нѣсколько лѣтъ заручиться спокойствіемъ.

Самъ японскій народъ своей инициативы не имѣетъ, сказалъ Михаилъ.

Своей не имѣетъ, не думаю. Чѣмъ благодѣтельнымъ ознаменовалъ онъ свое существованіе въ духовной жизни народовъ всего міра? Укажите хоть доказательства, что европейцы, возьмите хоть нѣмцевъ и англичанъ, что они знаютъ этотъ восточный народъ.

У нихъ военная сторона поставлена довольно высоко; у нихъ много усовершенствованій; обмундировка солдата тщательно обдумана, при переходахъ у каждаго свой небольшой запасъ провіанта и аптечка.

Надъ этимъ поработали не они сами, а милліоны головъ другихъ державъ, они же были послушные ребята, послушные потому что ничего другого не сидѣло въ ихъ головѣ.

Имъ нужно земли, такъ они говорятъ, продолжалъ Михаилъ. Ихъ флотъ настолько обширенъ по сравненію со всей страной, что громадная часть населенія живетъ на этомъ флотѣ.

Я вижу, что вы хвалите нашихъ враговъ, сказала Екатерина Ивановна, а своихъ готовы бранить.

Что же дѣлать? сказалъ Михаилъ, въ военномъ искусствѣ они ушли очень далеко, возьмите ихъ орудія на сушѣ, а на корабляхъ ихъ орудія еще лучше; стрѣльбѣ онѣ обучены такъ, что ихъ заряды не пропадаютъ. А если-бъ вы знали, какъ это много. Теперь идетъ вторая эскадра. Посмотримъ что время покажетъ при такихъ громадныхъ усиліяхъ.

По моему, у враговъ нашихъ только одни недостатки, а у нашихъ—только достоинства.

Вы говорите, какъ ребенокъ, сказалъ Михаилъ. Позвольте узнать, сколько вамъ лѣтъ?

Всего восемнадцать, сказала Екатерина Ивановна, такъ какъ не могла обидѣться на совсѣмъ мягкій и ласковый тонъ, которымъ это было сказано.

Вотъ видите, продолжалъ Михаилъ, тонкости военной науки вамъ непонятны.

Наука тутъ имѣетъ второстепенное значеніе, это борьба души и народовъ. Кто сильнѣе, тотъ беретъ верхъ.

Слѣдовательно по вашему восточный народъ въ духовномъ отношеніи сильнѣе нашего? сказалъ Михаилъ. Это еще ужаснѣе того, что я говорю. Если мы отстали, если не ввели у себя дальнобойныя орудія, если не дали солдату приличной обмундировки; если посылали на войну не стройно обученую роту, а запасныхъ и новичковъ, если лица завѣдующіе транспортами оказались въ нѣкоторыхъ случаяхъ не совсѣмъ надежными; если солдаты мерзли и болѣли—то въ этомъ можно упрекать за лѣнь, за отсутствіе энергіи и предусмотрительности. При чемъ же душа? Неужели я долженъ почувствовать, что моя душа стоитъ ниже?

Во первыхъ: что понимать подъ побѣдой? а во вторыхъ конечные результаты еще неизвѣстны. Если понимать подъ побѣдой только право сильнаго, то душа народовъ тутъ не важна.

Это для меня туманно, сказалъ Михаилъ, уже многіе, очень многіе желаютъ окончанія войны. Портъ-Артуръ еще держится, но онъ давно отрѣзанъ отъ главной арміи, и лодки, которыя привозятъ ему запасы, многимъ рискуютъ.

Если-бъ только онъ продержался до того, какъ придетъ вторая эскадра, сказала Вѣра. Кажется для того послѣдняя послана.

Но вы не знаете, сказалъ Михаилъ, сколько сторожатъ эту эскадру, начиная съ береговъ Индѣйскаго моря и до самой Японіи. Сколько глазъ каждый день смотрятъ на сторожевыхъ постахъ; сколько помогаютъ нашимъ врагамъ американцы, доставляя уголь и многое другое.

Этотъ Стессель, который тамъ сидитъ; онъ плутъ и мошенникъ; я бъ его повѣсила, сказала Марья Павловна.

Помилуйте, сказалъ Михаилъ,—онъ герой находиться подъ пулями семь мѣсяцевъ осады и не терять присутствія духа, пять атакъ отбито съ большими потерями для врага.

И жену его тоже повѣсила бы рядомъ, сказала Марья Павловна.

А жену за что?

За то что продаетъ солдатамъ молоко и муку по высокой цѣнѣ, а среди войска развивается цынга отъ худой пищи.

Болѣзни могутъ возникать и не только отъ недостатка пищи, а отъ постоянной тревоги днемъ и ночью. Нѣсколько вылазокъ японцы производили по ночамъ.

Дождутся-ли въ Портъ-Артурѣ наши второй эскадры? Говорятъ они молятся на нее, какъ на Бога, сказала Марья Павловна. Сколько хвалили Куропаткина, что онъ успѣлъ послать подкрѣпленіе въ Портъ-Артутъ, когда тотъ еще не былъ отрѣзанъ высадившейся многочисленной японской арміей, сказала Вѣра Ивановна и это единственная похвала ему за все это время; послѣ того рядъ неудачъ.

Между начальниками нѣтъ единодушія, говоритъ Марья Павловна, Грипенбергъ не слушаетъ Куропаткина. Въ передвиженіи войскъ происходятъ долгія остановки изъ-за распоряженія Алексѣева. Солдаты зябнутъ въ неотопленныхъ вагонахъ, въ крошечныхъ залахъ вокзала народа—давно уже набралось довольно; войска продолжаютъ только прибывать, а двигаться дальше по желѣзнодорожному пути не могутъ, должны ждать очереди все по распоряженію Алексѣева. Что дѣлалось въ Харбинѣ: чисто столпотвореніе Вавилонское.

Вы бы не могли быть сестрой милосердія, сказалъ Михаилъ, обращаясь къ Марьѣ Павловнѣ.

Почему вы такъ думаете?

У васъ нѣтъ хладнокровія для перенесенія чужихъ страданій.

Вы меня не видали въ больничной обстановкѣ и при томъ за работой.

Вы перевязывали больныхъ.

Перевязывала и училась еще при лекціяхъ.

Я удивляюсь вамъ.

Для меня же очень интересное дѣло.

Тутъ общее вниманіе было прервано словами Кати Тормашевой.

Мое искреннее убѣжденіе, что японцы ни за что бы не начали

войны, если-бъ Красный крестъ не продалъ имъ оставшихся послѣ китайской войны хирургическихъ инструментовъ, медикаментовъ и разныхъ приспособленій.

Грустное настроеніе стало еще грустнѣе. Въ эту минуту вошелъ Валеріанъ и заговорилъ о театрѣ. Его слова звучали какъ диссонансъ, но самъ Валеріанъ этого не зналъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ августѣ, въ самомъ концѣ шла 2-я эскадра на Востокъ. Переговоровъ объ ней, сборовъ и разныхъ приготовленій было очень много; всякихъ хлопотъ, работъ, передрягъ, брани, суетни, переписки, всего этого безъ счета. Еще до отправленія этой эскадры раздавались голоса, доходившіе безъ всякаго сомнѣнія и до правительственныхъ лицъ, о безполезности и о вредѣ подобной отправки; выставлялись на видъ всѣ невыгоды и ни одного шанса на успѣхъ. Самъ флотъ былъ; броненосцы, миноноски, катера и и т. д., но не было подходящихъ людей.

Недоставало необходимыхъ орудій и умѣнья обращаться съ тѣми, которыя были.

Точно всѣ враги Россіи проникли незамѣтно, какъ вредный воздухъ во всѣ правительственныя сферы, чтобъ на этомъ пунктѣ ослабить страну. Незадолго до войны былъ введенъ служебный цензъ, по которому уходили съ поля дѣйствія лица, унося свой долгій опытъ и полезные незамѣнимые совѣты. На смѣну являлись новички, которые брали верхъ скорѣй нахрапомъ, чѣмъ храбростью. Поколебались довѣріе и дисциплина.

Вся эта вторая эскадра и слѣдующая за ней—эта самая печальная исторія изъ судьбы всего человѣчества, написанная самыми кровавыми письменами, которыя когда-либо существовали на землѣ.

Въ эту вторую эскадру былъ назначенъ Евграфъ Ремесленниковъ. Холодно простившись для такого далекаго плаванія съ матерью, которая поцѣловала три раза и благословила образомъ Владимірской Божіей Матери, болѣе сердечно распрощавшись съ братьями и сестрами, Евграфъ простился со своимъ экипажемъ и сослуживцами, которые ему вручили икону св. Николая чудотворца, и отправился на свое новое назначеніе на броненосецъ «Суво-

ровъ». Когда проходили Балтійское море, то всю эскадру сопровождали миноносцы, расчищая яко-бы дорогу отъ возможности миннаго загражденія. Первыя остановки въ Ревелѣ и другихъ портахъ произвели неожиданное сближеніе броненосцевъ и другихъ судовъ эскадры и получились нѣкоторыя поврежденія: Евграфу Ремесленникову какъ корабельному инженеру пришлось производить починки; раздирая свою одежду въ грязи и копоти онъ исправлялъ поврежденія. Начальникъ одного броненосца сошелъ съума, чуть было не началъ громить свое же русское мимоидущее судно. Но это во время было замѣчено и предупреждено. Были и другіе случаи умопомѣшательства. Среди матросовъ исполнялись ими разныя профессіи: были повара, кондитеры, сапожники, портные, парикмахеры.

Послушай, Василій, какъ хочешь, а я самъ буду бриться, говорилъ Евграфъ своему товарищу и собутыльнику.

Что-жъ такъ, отвѣчалъ Зеленовъ, какъ всегда своимъ равнодушнымъ и небрежнымъ тономъ.

А то и мнѣ чего добраго полщеки отмахаютъ, говорилъ Евграфъ, хоть я и не адмиралъ, и особеннаго усердія не покажутъ.

Что-же такъ? кому полщеки оторвали? продолжалъ, совсѣмъ не мѣняя тона, Василій.

Командиру, отвѣчалъ также совсѣмъ спокойно Евграфъ, вой поднялся самый свирѣпый.

И потомъ что же?

Потомъ по шеѣ парикмахера. Говоритъ, что только учится. Хорошо ученіе, нечего сказать. Должно быть опять скоро угонятъ меня на какой-либо броненосецъ: этихъ поломокъ—безъ конца. То думали, что это отъ тѣсноты, одинъ катеръ задѣваетъ другой; теперь является предположеніе, что есть свои же, находящіеся на кораблѣ завѣдомые негодяи. И кого, кого только терпитъ Россія.

Слышишь пальба, сказалъ опять совсѣмъ спокойно Василій.

У адмирала все не ладно, сказалъ Евграфъ.

Это никакъ наши стрѣляютъ, но по комъ? Неужели японецъ и тутъ въ Балтійскомъ морѣ оказался. Эй, Ѳеодоръ, сказалъ Василій проходящему матросу, по комъ стрѣляютъ?

По «Аврорѣ, отвѣчалъ Ѳеодоръ, и на минуту остановился.

Что-жь ошалѣли они? Адмиралъ что же?

Не могимъ знать, отвѣчалъ Ѳеодоръ и побѣжалъ дальше; какъ-будто всѣ засуетились; Евграфъ и Василій оставались наружно совсѣмъ спокойны.

Это съ нашего «Суворова» стрѣляютъ, сказалъ Евграфъ.

Съ «Суворова», отвѣчалъ Василій совсѣмъ такимъ же тономъ.

И по «Аврорѣ», сказалъ Евграфъ. Теперь опять пойдутъ починки, если только цѣла останется.

Вотъ перестали, сказалъ Василій, распознали значитъ.

Когда Евграфъ и Василій вышли наконецъ на палубу, то тутъ они увидѣли командира, изображавшаго собой вопросительный знакъ и такое же выраженіе было и на стоявшихъ офицерахъ, матросы ехидно улыбались.

А что, братъ, сказалъ Евграфъ Василію, не туда съѣздили; теперь и раненые будутъ.

Авось, милостиво обойдется, сказалъ Василій, только дыры на бронѣ будутъ важныя, но на рѣшето не похоже.

Какъ рѣшето только наши Варягъ и Кореецъ были, и потомъ ихъ потопили.

Къ Евграфу подошелъ офицеръ Митулинъ, вернувшійся изъ осажденнаго Портъ-Артура и теперь ѣхавшій туда же на выручку его, какъ онъ самъ думалъ и говорилъ.

Только что узнали, что раненыхъ тяжело нѣтъ, сказалъ офицеръ Митулинъ, только одному священнику оторвало руку; его сдадутъ въ ближайшій портъ; вѣроятно это будетъ Ревель.

Вотъ, сказалъ Василій, а ты безпокоился, ужъ положись на меня; у меня какое-то чутье есть. Гдѣ есть дѣйствительно серьезное дѣло я весь самъ не свой, я какъ-то и ни самъ, а точно кто другой за меня дѣйствуетъ, а я только не мѣшаю. Если такъ, то выпьемъ по рюмочкѣ, сказалъ Евграфъ и потащилъ Василія въ каюту.

Въ эту минуту налетѣлъ сильный порывъ вѣтра; что-то загудѣло, что-то зашипѣло, затѣмъ на секунду стало тихо. Но вѣтеръ усилился; опять что-то зашумѣло, гдѣ-то въ дребезги разбилась посуда въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ и въ третьемъ. Небо стало еще темнѣе, началась гроза; молнія и громъ слѣдовали довольно часто хоть и не сильно. Очень скоро все утихло, но забѣлѣвшее море еще бушевало.

Пока море бурлило, а вѣтеръ заставлялъ снасти корабельныя пѣть всевозможныя несложныя пѣсни, Евграфъ съ Василіемъ сидѣли за рюмкой мадеры.

Откуда у тебя берется вино, сказалъ Василій.

Пей и не разсуждай.

Вѣтеръ усиливался, хотя гроза давно прошла, волны хлестали о берегъ съ такой силой, какъ почталіонъ, который спустился съ непріятною вѣстью.

Мадера — славная, сказалъ Василій послѣ второй рюмки и даже погладилъ свою бороду; а съ нашимъ адмираломъ не ладно.

Дался онъ тебѣ, сказалъ Евграфъ, онъ какъ гвоздь засѣлъ въ твоемъ мозгу.

И командировъ себѣ подобралъ, сказалъ Василій.

Довольно, сказалъ Евграфъ, если завтра скажутъ, что на Аврорѣ благополучно, меня пошлютъ задѣлывать поврежденія, на этомъ и конецъ. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Ишь ты, сказалъ Василій, командировъ—не тронь, адмирала—не тронь, а по моему, что-жь и дѣлать, какъ не точить зубы на нихъ; для того они на глазахъ всѣхъ людей.

На берегъ не сходить приказано цѣлыхъ два мѣсяца, ни офицерамъ, ни командѣ; еще пожалуй офицеровъ съ разрѣшеніемъ адмирала и отпустятъ.

Два мѣсяца, сказалъ Василій, налейка мнѣ еще рюмочку. Что я скажу за эти два мѣсяца, какъ ты полагаешь, Евграфъ.

Налей-ка мнѣ еще рюмочку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Весь слѣдующій день Евграфа на «Суворовѣ» не было; починки Евграфа шли спѣшныя.

Выяснилась и причина стрѣльбы: оказалось, что «Аврора» стала наводить прожекторомъ свѣтъ на «Суворова»; въ торопяхъ и за дальностью разстоянія ее приняли за непріятеля.

На востокѣ дѣла идутъ плохо, говорилъ Евграфъ за обѣдомъ на «Аврорѣ»; у Куропаткина все не клеится.

Возьмемъ лишь раздѣленіе Куропаткинской арміи на двое: на пользу и удачу это раздѣленіе не пошло. Теперь и съ Владивостока идетъ осада; говорятъ, что изъ моря вылавливаютъ много заряженныхъ минъ. Опасаются и здѣсь подводныхъ минъ. Утверждаютъ будто въ Швецію уже пріѣхали японцы съ тѣмъ, чтобы минами взорвать нашу эскадру.

Газетъ давно не читали, сказалъ офицеръ Дегучевъ; мало что знаемъ, держится ли еще Портъ-Артуръ или же Стесселя повѣсили вмѣстѣ со всѣмъ гарнизономъ, и всѣ милліонныя затраты эскадры придутъ слишкомъ поздно. Дико было бы думать, что мы ведемъ борьбу только съ японцами; противъ насъ всѣ народы и главное англичане. Они и нѣмцы возстановили противъ насъ восточный народъ со всѣмъ своимъ усиленнымъ стараніемъ.

Французы объявили, несмотря на свое союзничество, нейтралитетъ всѣхъ портовъ. Дадутъ ли намъ угля на всю нашу эскадру, которая должна еще усилиться,—вотъ вопросъ. Если намъ не дадутъ запасъ угля во Франціи или Испаніи; то мы не доѣдемъ даже до мыса Доброй Надежды несмотря на то, что при насъ пять транспортныхъ судовъ.

Часть эскадры пойдетъ черезъ Суезскій каналъ, сказалъ капитанъ Сухумскій, а часть къ мысу Доброй Надежды и затѣмъ продолжительная остановка на Мадагаскарѣ.

Сердце Евграфа болѣзненно сжалось; онъ слышалъ про Мадагаскаръ первый разъ и о долгой задержкѣ, когда его душа рвалась къ Портъ-Артуру или же къ Владивостоку.

Позвольте, сказалъ Василій Дегучевъ, какъ же вы хотите иначе; команда должна поучиться стрѣлять и каждый день выходить на ученіе.

Все-таки два мѣсяца — это очень долго, сказалъ Евграфъ.

А вы стремитесь какъ бабочка на огонь—на вѣрную смерть.

Если не доберемся до Владивостока, то ваша правда, почти правда!

Вотъ то-то же, а потому совѣтуютъ приготовляться и не къ одной стрѣльбѣ; тамъ на сушѣ это нѣсколько спокойнѣе, чѣмъ при постоянномъ волненіи.

Если не имѣть мрачныхъ мыслей, какія же другія прикажете имѣть?

И въ самомъ Петербургѣ было все очень подробно вычислено: что стрѣльба нашихъ не достигаетъ намѣченной цѣли, что угля намъ недостанетъ, что японцы уничтожатъ нашъ флотъ, что климатъ не нашъ возьметъ сотни жертвъ, что стоянки въ портахъ, по настоянію Англіи, ни одно государство не допуститъ; придется останавливаться въ такихъ городахъ, что и названіе никогда не слыхалъ. Какъ же иначе назвать эту войну, какъ не войною съ цѣлымъ свѣтомъ; если же придется перегружать уголь въ открытомъ морѣ.

Всѣ доводы прошли мимо, какъ ненужный баластъ. Теперь одно изъ этихъ предсказаній оправдывается: стоянки не будетъ до самаго Мадагаскара.

Часть острова принадлежитъ французамъ, сказалъ Дегучевъ и тамъ легче будетъ посылать депеши.

Вы часто пишете домой? спросилъ Евграфъ.

Не особенно, отвѣтилъ Дегучевъ, видите, у меня старушка мать; чѣмъ ее меньше безпокоить, тѣмъ лучще; она начнетъ напряженно думать; а такъ мало по малу будетъ вспоминать порѣже.

А вы, Евграфъ Прохоровичъ?

Пишу предлинныя письма своей невѣстѣ. Пусть все знаетъ обо мнѣ, каковъ я есть и каковы другіе.

Что же, вольному воля, спасенному рай.

Не упрекнетъ меня въ равнодушіи и лѣни.

Хотѣли бы вы поскорѣй вернуться или послѣ войны или даже до нея?

Первое мое желаніе—это добраться до первой стоянки, затѣмъ—до второй, а тамъ уже счетъ исчезаетъ.

Скажите мнѣ вотъ еще какую подробность и я вамъ предскажу вашу будущность: ваша невѣста блондинка или брюнетка?

Брюнетка, сказалъ Евграфъ.

Плохой шансъ, сказалъ вдумываясь Дегучевъ; но какъ ея имя?

Надежда, сказалъ Евграфъ такимъ тономъ, какъ будто въ лицѣ Дегучева предъ нимъ Ѳемида съ вѣсами и на этихъ вѣсахъ взвѣсится и опредѣлится судьба Евграфа.

Опять плохой шансъ, сказалъ Василій Васильевичъ; уже два обстоятельства не въ вашу пользу, но покажите мнѣ вашу руку, я посмотрю на линію жизни.

Евграфъ послушно далъ на разсмотрѣніе свою руку.

Такъ и есть и тутъ мало для васъ пріятнаго: ваша линія жизни чѣмъ-то задерживается и наконецъ не доходитъ до самаго положеннаго срока.

Евграфъ оставался печальнымъ, принимая каждое слово за истину.

Смерть, такъ смерть, что-жъ, и отошелъ почему-то успокоенный въ сторону, какъ-будто это и есть то самое, чего онъ желалъ.

Дегучевъ удивленно посмотрѣлъ на него и закурилъ папиросу.

Вамъ будетъ жалко вашихъ сестеръ? сказалъ Дегучевъ. Евграфъ молчалъ.

Или вашихъ братьевъ? Тоже молчаніе.

Можно было подумать, что этимъ исчерпывается весь ихъ разговоръ.

Мнѣ жалко самого себя, сказалъ Евграфъ, немного погодя, жалко ни за что уходящей молодости: не ради идеи, потому что ея нѣтъ, не ради отечества, потому что многое идетъ не такъ какъ нужно, и не ради себя, такъ какъ я только ничтожная спица въ общей машинѣ, и никто меня не замѣтитъ.

Итакъ, вы бы хотѣли вернуться? сказалъ Дегучевъ; сдѣлайте какую-либо пакость и васъ начальство съ выговоромъ отошлетъ обратно.

Я привыкъ смотрѣть смерти въ глаза, сказалъ Евграфъ, но когда видишь, что все или очень, очень многое идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, опускаются руки, и приходится на многое смотрѣть сквозь пальцы. Если взять хоть революцію, которая расшатала государственный строй и не удовлетворила никого, кромѣ евреевъ, которые считаютъ конституцію своей гордостью и своимъ дѣломъ. Ѣхать цѣлыми недѣлями и не знать, что дѣлается у себя дома; бьются ли по прежнему стекла или же убиваютъ городовыхъ? Разъѣзжаетъ ли конная охрана и происходятъ ли такія или другія столкновенія рабочихъ. Изъ за забастовокъ теперь многіе заводы закрылись и число безработныхъ не уменьшилось, а увеличилось до поражающихъ размѣровъ; хорошо, если половина изъ оставшихся безъ дѣла уѣдетъ къ себѣ обратно въ деревню, тогда хоть они тутъ не будутъ бродить голодными.

Въ деревнѣ идутъ свои передряги, сказалъ Дегучевъ; въ лучшемъ случаѣ, если это можно только такъ назвать, убиваютъ или уводятъ домашній скотъ, а въ худшемъ разграбляютъ домъ, и напуганные хозяева уѣзжаютъ большею частью для того, чтобъ распродать свое имущество.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

И чего они смотрятъ, о чемъ они думаютъ, говорила Любовь Ивановна Анфисѣ Захаровнѣ, подразумѣвая подъ словомъ они и помѣщиковъ и властей, дождутся того, что безъ куска хлѣба останутся.

Да, мать моя; это что-то ужасно, что мы переживаемъ, тутъ разгромъ, тамъ разгромъ, въ одной губерніи, въ пятой, десятой, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Зимой—безпорядки въ столицѣ, лѣтомъ—въ деревнѣ.

Анфиса Захаровна, по долгу хозяйки, старалась быть спокойной. Въ другое время она не щадила словъ по адресу бастующихъ, громила и всѣхъ нарушителей тишины. Теперь не то, она взвѣшивала каждое слово, чтобы не подливать масла въ огонь.

Что же вы безпокоитесь, Любовь Ивановна, власти тоже не дремлютъ. Теперь вы думаете сладко всѣмъ бунтарямъ, которые ломали двери, били посуду, рвали и метали все, что могли! Теперь надъ ними судъ, а тотъ кто подбилъ ихъ, улетучился какъ паръ.

Вы хотите сказать, что крестьяне сами не понимаютъ.

Нѣтъ, нѣтъ не понимаютъ; это стихійная сила, въ родѣ вихря, который вертитъ все что попадется, пыль, такъ пыль, песокъ, такъ песокъ; попадется дерево его подыметъ на воздухъ, а человѣкъ, такъ и повернетъ и закрутитъ.

Тогда какъ же и судить ихъ не нужно?

Не судить—нельзя, можетъ быть соблазнъ. Да насъ и не спросятъ; уже давнымъ давно все это идетъ своимъ чередомъ. Что же касается до убытковъ, то многимъ и изъ казны выдаются пособія, а съ зачинщиковъ взыскивается.

Вотъ я опять говорю: чего они думаютъ, хотя, напримѣръ, вашъ Семенъ. Онъ вамъ ничего не писалъ.

Онъ намъ пишетъ очень рѣдко, сказала Анфиса Захаровна, а если и случилось что-либо непріятное, врядъ ли сталъ бы намъ про то описывать.

Непріятное! какъ вы легко смотрите! тутъ жизнь на волоскѣ, а вы такъ спокойны.

Что-жь вы меня хотите настроить на такія печальныя мысли? Я все равно на своего сына не имѣю вліянія съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился, да и раньше мало чего могла добиться; мѣшать карьерѣ или даже вмѣшиваться я не могу по убѣжденію.

Что же вы будете дѣлать, если его зарѣжутъ или его дѣтей.

Съ кѣмъ я пойду судиться? Съ Самимъ Ботомъ? Съ людьми? Для этого нужно вышвырнуть десятки тысячъ рублей. И чего-жь я добьюсь!.. Вы, кажется, поклялись меня сегодня разстроить: одинъ сынъ уѣхалъ со второй экспедиціей на Востокъ, два сына—на войнѣ, теперь третій Андрей—собирается на войну, одна дочь—больная, остались только Антонина и еще тѣ, которыя учатся.

Дорогая моя, сказала подлетѣвшая Любовь Ивановна, нѣжно обнимая Анфису Захаровну, я васъ глубоко сожалѣю, сочувствую вамъ и совсѣмъ не желаю вамъ досаждать, вотъ истинное мое слово, чтобъ мнѣ бы на томъ свѣтѣ изжариться, если только я подумаю, что огорчу васъ. Ни Боже мой, чтобъ я могла думать васъ огорчить! Я и свѣчку за васъ поставлю и за дѣтей вашихъ, чтобъ и имъ Богъ счастье привелъ. А тѣхъ, съ кѣмъ вы разстались, чтобъ свидѣться вамъ?

Да, Любовь Ивановна, мы съ вами люди стараго вѣка, теперь молодежь судитъ не такъ, говоритъ не такъ и живетъ иначе.

Какъ же она живетъ-то, матушка моя? Неужели я такъ отстала, что и въ толкъ не возьму.

Вѣроятно къ вамъ не приходитъ кто изъ молодыхъ людей, такъ вы и въ сторонѣ отъ нихъ.

Только мой племянникъ Василій Ивановичъ, но вы знаете, какой онъ скромный и скрытный. Много ли узнаете! Да и онъ что-то перемѣнился.

Такъ вотъ первымъ дѣломъ у молодежи сейчасъ—завтрашняго дня, какъ говорится, нѣтъ, есть сегодняшній день и весь онъ наполненъ жаждой дѣла.

Вотъ оно что, какъ-будто и я начинаю немного смекать.

Идеи—въ сторонѣ, идеи осуществились, и теперь имъ нужно дѣйствовать и говорить, главное, говорить. Уже давно разрѣшены всякія собранія, а молодежь все еще собираетъ какіе-то тайные кружки, въ которыхъ до 70-ти человѣкъ бываетъ.

Вотъ оно какъ ведется.

Я не про тѣ кружки говорю, Анфиса Захаровна, гдѣ находятъ запрещенныя книги, гдѣ находятъ разные составы и гдѣ въ концѣ концовъ происходятъ аресты и разбираетъ судъ; нѣтъ, есть и другіе, гдѣ кромѣ рѣчей ничего другого и нѣтъ.

Вотъ подите, что значитъ столица, живешь, живешь, и такъ пожалуй и не узнаешь, что вокругъ, да около. А какъ молодежь-то живетъ-то?

Такъ вотъ живетъ: захочетъ судьба вознести, и все неудачное пройдетъ мимо, а захочетъ проглотить и проглотитъ. Не понравится простымъ рабочимъ, что на ихъ глазахъ студентъ въ формѣ—они забиваютъ его чуть не до смерти; подоспѣютъ родные и знакомые—такъ помогутъ, а нѣтъ и конецъ. Въ первую-то революцію—семьсотъ человѣкъ было избито и раздавлено до смерти; даже и разыскивать не дозволили. Электричество по вечерамъ не свѣтило и что дѣлалось на улицахъ!—адъ, да и только. Говорятъ про одного англичанина, что онъ будто бы пріѣхалъ смотрѣть революцію и выѣхалъ вечеромъ безъ свѣта на Невскій и потерялъ голову, пулей оторвало.

Такъ, такъ, что-жь мнѣ мой племянникъ все не разсказывалъ ничего. То-то я помню, что онъ ходилъ какой-то растерянный, такъ я вообразила что это его одного и касается. Ужъ пожурю его, что меня, старуху, забываетъ. И во мнѣ вѣдь сердце-то бьется; все чувствуешь, не рыба какая. А кто потерялъ сына или родственника, каково тѣмъ? И вѣсти съ войны все грустныя. Ни-ни, чтобъ что утѣшительное промелькнуло. Только все надеждой и живемъ, да еще чѣмъ-то въ родѣ обѣщанія, такъ съ надеждами и заснемъ пожалуй.

Любовь Ивановна, наконецъ, оторвалась отъ занимавшей ее бесѣды и удалилась, мысленно воображая, какъ она удивитъ свою

горничную Машу цѣлымъ запасомъ новостей и совсѣмъ не подозрѣвая, что послѣдняя, можетъ-быть, знаетъ больше барыни, не предавая этому ни малѣйшаго значенія.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Поѣздки Тони въ Поселково стали чаще и продолжительнѣе. Второй разъ Тоня поѣхала со своимъ братомъ Андреемъ, тогда гимназистомъ шестого класса.

Андрей держалъ себя то со свойственнымъ юношамъ пыломъ, увлекался всѣми вопросами и интересами дня, то былъ молчаливъ и сдержанъ. Послѣ долгихъ молчаливыхъ дней, Андрей предпринималъ иногда что-либо очень рѣшительное: или ѣхалъ въ лодкѣ, чтобъ набрать бѣлыхъ водяныхъ лилій и другихъ водяныхъ желтыхъ цвѣтовъ и затѣмъ цвѣты въ видѣ букетовъ подносилъ дамамъ, или безрезультатно бродилъ съ ружьемъ по лѣсу и что онъ старался тщательно скрывать, то-есть выходилъ, такъ чтобъ его не замѣтили и такимъ же путемъ возвращался. Но самое рѣшительное это были экскурсіи въ ближайшія деревни. Зачѣмъ Андрей занимался этимъ послѣднимъ занятіемъ—никто не понималъ и мало кто зналъ. Знали только потому, что въ такіе дни Андрей былъ всегда разсерженъ и всегда бранилъ Льва Толстого, котораго будто бы онъ хорошо изучилъ, на самомъ дѣлѣ зналъ мало. Въ деревнѣ относились недружелюбно къ такимъ визитамъ Андрея и выказывали себя съ такой стороны, что получалось далеко невыгодное мнѣніе.

У Андрея составлялось такое понятіе, что мужики всегда чѣмъ-то недовольны, всегда готовы браниться, молодыя жены угнетены и забиты, а молодые хозяева тратятъ заработки на сторонѣ.

Что находитъ интереснаго Левъ Толстой въ русскомъ мужикѣ, такъ говорилъ Андрей,—говорятъ, сметливъ; еще-бъ того недоставало, чтобъ здравый смыслъ изъ человѣка вынули; понятно, смѣтливъ—но вокругъ него все запущено, семья еле чѣмъ держится, какъ болѣзнь какая,—полъ семьи вымираетъ, работаетъ—такъ, что кажется, все хорошо, а жена все съ жалобами; только тѣ и удачными считаются, которые уходятъ въ столицу и тамъ и остаются».

Оттого что лучшія силы уходятъ, оттого и не могутъ вести хозяйство такъ, какъ слѣдуетъ, сказала Антонина.

Я думаю совсѣмъ не такъ, сказалъ Семенъ, они становятся

лучшими силами потому, что попадаютъ въ другія условія, которыя ихъ мѣняютъ.

Ты не изучилъ произведенія Льва Толстаго и его не знаешь, сказала Тоня, обращаясь къ Андрею.

Я прочелъ и убѣжденъ, что понимаю больше твоего, особенно въ сценахъ ревности въ «Аннѣ Карениной» или хоть взять «Дѣтство» и «Отрочество». Мнѣ такъ представляется, что все это я чуть не до буквы знаю, въ любую минуту разскажу. Послѣдній его романъ «Воскресеніе»—какая тонкая психологія и какая художественность; впрочемъ, я забываю, что при Тонѣ хвалить нельзя.

Въ эту минуту вошелъ сосѣдъ по имѣнію Дмитрій Васильевичъ Дегучевъ, человѣкъ до такой степени разговорчивый, что можно было бы его назвать навязчивымъ, но въ дѣйствительности этого не было.

Вотъ и отлично, что вы занимаетесь Львомъ Толстымъ, сказалъ онъ; кто же подойдетъ къ нему, никто даже и приблизиться не смѣетъ. И какъ хороши женскія лица. Наташа—это мой идеалъ.

Тоня поморщилась: вѣроятно въ женщинѣ вамъ нужна только женщина. Чего же вы встрѣчаете тутъ симпатичнаго?

У мужчинъ—своя работа, у женщинъ—своя область, все разграничено и превосходно.

Для кого—превосходно, а для кого—отчаяніе, сказала Тоня.

Неужели вы хотите выпихнуть женщину изъ семьи и навязать ей нествойственное занятіе? она потеряетъ отъ этого все и только потеряетъ.

Теперь она теряетъ неизмѣримо больше, жертвуя своей душой, своими стремленіями, а тогда ей придется дѣйствовать въ своей сферѣ и среди сочувствующихъ лицъ, а не жить въ одиночку.

Вы нигилистка, сказалъ Дмитрій Васильевичъ, который только любилъ выражаться крайними мнѣніями; для него это было—соль всего разговора.—Вы противъ Бога, Который такъ создалъ и людей, которые такъ установили.

Богъ не создавалъ неравноправныхъ, сказала Тоня, а что касается до людей, то среди нихъ всегда господствуетъ право сильнаго.

Вы—нигилистка, опять повторилъ Дмитрій Васильевичъ, а Наташа въ Войнѣ и Мирѣ—мой идеалъ.

Она непривлекательна, ваша Наташа.

Вы такъ не смѣете говорить, я вамъ не позволяю, сказалъ Дмитрій Васильевичъ,—я вамъ не позволяю разбивать женственность.

Въ такой женственности мало вкуса, сказала Тоня. Она написана эгоистомъ мужчиной и чтобъ угодить такимъ же точно эгоистамъ.

Разбейте семью и что вы тогда получите? Жалкіе обрывки чувствъ, которыя будутъ дробиться на милліонныя частицы.

Но хороша ли будетъ та семья, которую вы предлагаете, сказала Тоня,— гдѣ однимъ всѣ выгоды, а другимъ всѣ невыгоды, то и другое дѣйствуетъ неблагодѣтельно на духовную сторону.

Чего же лучше жить тихонько въ своемъ уголку и доживать свой вѣкъ.

Если же тихій уголокъ обращается въ не тихій? сказалъ Андрей.

Тутъ уже я безсиленъ, я, какъ говорится, пасъ, и Дмитрій Васильевичъ расхохотался, а съ нимъ также и Андрей.

Это не рѣшеніе вопроса, а его устраненіе, сказала серьезно Тоня.

Его можно рѣшать безъ конца, сказалъ Семенъ, а теперь не попробовать ли намъ вкуснаго варенья изъ крыжовника.

Ужъ такое-то вкусное, сказала Аграфена, что всѣ пальчики оближете.

Давайте, давайте его сюда скорѣй, сказалъ Андрей цѣлое блюдечко и два поцѣлуя при этомъ. Всѣми своими словами онъ привелъ въ смущеніе Дмитрія Васильевича, но тотъ всетаки, вѣрный своему мужскому достоинству, сдержался. Онъ забылъ нѣкоторое время, что Аграфена была ему, Андрею, даже родственницей, затѣмъ, какъ говорили, «кухаркой»; онъ видѣлъ только одну молодость Андрея и его развязность.

Андрей же, точно желая подзадорить Дмитрія Васильевича, старался быть еще развязнѣе, какъ будто находя удовольствіе въ томъ, что приходится не по вкусу другимъ; прежде онъ упражнялся въ такихъ характерныхъ пріемахъ съ Тоней, но теперь не стѣснялся и съ другими. Стоило Дмитрію Васильевичу похвалить какой-нибудь лѣсъ или озеро, какъ Андрей сейчасъ же находилъ въ нихъ массу недостатковъ, несмотря нато, что самъ передъ тѣмъ находилъ озеро удобнымъ для катанья, а лѣсъ очень желательнымъ для безрезультатныхъ прогулокъ съ ружьемъ. Озеро было все покрыто тиной и цвѣтами, но изъ-за послѣднихъ Андрей и стремился къ нему, а лѣсъ былъ постоянно полонъ птичьимъ пѣніемъ.

Вы навѣрное жалѣете, сказалъ Дмитрій Васильевичъ, что не вы открыли Америку, не вы изобрѣли компасъ и на вашу долю не осталось ничего.

Я жалѣю много о чемъ! о томъ, что я немогу улетѣть, какъ

птица, не могу передать той гармоніи, которая наполняетъ мою душу и должна наполнить вселенную и имя ей свобода.

Свобода чего? спросилъ Дегучевъ, идей или мысли какой-либо опредѣленной?

Свобода всего, сказалъ Андрей, всего будущаго.

Семенъ мало входилъ въ философскіе споры, такъ какъ почти весь ушелъ въ хлопоты по хозяйственной части. Онъ впервые въ томъ имѣніи, гдѣ управлялъ, ввелъ пчеловодство, развелъ цвѣтную капусту и занялся правильной рубкой лѣса.

Вы хотите свободы только для себя, сказалъ Дегучевъ, но вѣдь всякая свобода покупается стѣсненіемъ другихъ людей, все равно какъ двѣ чаши вѣсовъ: это вѣчное колебаніе и постоянная перемѣна. Для Андрея это оставалось непонятнымъ. Для васъ все кажется въ розовомъ цвѣтѣ, сказалъ Дегучевъ, потому что вы судите отвлеченно, но столкнитесь съ жизнью, и вы увидите много удручающаго.

Оттого что я заглянулъ въ жизнь, оттого я и жажду свободы, просвѣщенія и доступа для всѣхъ, чтобъ не было угнетенныхъ, безправыхъ и грубыхъ людей.

Вы хотите очень многаго, это все равно что переѣхать въ одну секунду изъ Петербурга въ Москву. О, юность которая хочетъ всѣхъ осчастливить, а сама падаетъ съ обожженными отъ близкаго солнца крыльями.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

По маленькому озерку, поросшему по берегамъ кувшинками, по которому любилъ кататься Андрей, кромѣ него никто не катался, такъ по крайней мѣрѣ думалъ онъ самъ. Мечтать было свободно,- не мѣшали ни люди, ни природа, но не каждому дается даръ мечтаній, этотъ взлелѣянный и бережно хранимый цвѣтокъ. Бываютъ люди слишкомъ практичные, у которыхъ каждая мысль переходитъ въ дѣло или примѣняется къ дѣлу, а остальное все какъ бы вычеркивается или забывается. Такія лица становятся дѣльцами, но на половину пропадаютъ для семьи и друзей. Скорѣй къ такимъ, чѣмъ къ мечтателямъ принадлежалъ Андрей Прохоровичъ.

Насладившись уединеніемъ и своими размышленіями, какъ онъ самъ себѣ представлялъ свое время провожденіе, Андрей началъ подумывать о томъ, что было бы интересно проѣхать и

всей компаніей по озеру; онъ не употреблялъ при этомъ словъ заманчиво и поэтично и даже совсѣмъ выражался съ обратнымъ настроеніемъ: каждая мысль или каждый даже и не очень значительный планъ былъ соединенъ съ чувствомъ страха и боязни, какъ бы не наскандалить и не навлечь насмѣшки.

Вы опять мечтаете, сказалъ неудачно Дмитрій Васильевичъ.

Андрей удивился, но не вздрогнулъ и не испугался; чувство физическаго страха для него было почти незнакомо.

О чемъ же мечтать-то? сказалъ Андрей, я скорѣй думаю и размышляю.

О чемъ же?

О томъ, что какъ мало нужно для человѣка и этого малаго у него нѣтъ. Нѣтъ чувства долга, а есть привычки, иногда ведущія ко благу, а иногда ко вреду; къ послѣднимъ принадлежитъ суевѣріе; оно-то и тормозитъ все, а то что и есть отравляетъ грустью безъисходной.

Попробуйте изгнать суевѣріе; кто и посильнѣе насъ съ вами брались за эту задачу и ничего не достигли.

Кажется, это суевѣріе простому человѣку замѣняетъ все: книги, теоретическія познанія и даже чужой опытъ.

Заставьте ихъ не дѣлать того, что предписываетъ суевѣріе, вы отнимете часть жизни, сдѣлаетесь ихъ врагомъ, поставите ихъ въ нерѣшительное положеніе, въ которомъ они будутъ блуждать какъ въ потемкахъ, потому что вы отняли опору, сказалъ Дмитрій Васильевичъ.

Вѣдь есть же какое-нибудь средство сказалъ Андрей—успѣхи просвѣщенія.

Вы хотѣли сказать, что грамотностью добьетесь; но съ добромъ незамѣтной струйкой ползетъ и зло. А когда вы замѣтите, тогда уже некому и помогать; кто хотѣлъ помочь—того нѣтъ, а кто можетъ, тотъ не хочетъ, и такъ оно идетъ до тѣхъ поръ, пока, какъ говорится, «перемелится, мука будетъ» и не выйдетъ толкъ для нѣкоторыхъ, а для другихъ—одна жалость.

Видно, такъ всегда велось—однимъ страдать, другимъ блаженствовать.

Видимо такъ, сказалъ Дмитрій Васильевить, совсѣмъ не желая переходить на сторону Андрея, взгляды котораго онъ считалъ незрѣлыми или же соціалистическими.

Если вѣрить вашимъ мнѣніямъ, сказалъ онъ, то вы—коммунистъ, если поступкамъ—то вы эгоистъ.

Андрей глубоко задумался и не замѣтилъ, какъ ушелъ отъ него Дмитрій Васильевичъ.

Окружающій лѣсъ тянулъ все свою несмолкаемую пѣснь — щебетанье небесныхъ гостей, которое по неизвѣстной причинѣ стало слышнѣе. Андрею показалось, что эти лѣсные голоса и даже шорохъ вѣтвей или листьевъ только хотятъ его отвлечь отъ необходимыхъ мыслей для рѣшенія какого-то еще новаго вопроса и если-бъ не они, эти голоса, то уже давно было бы все понято и продумано. Въ досадѣ онъ оттолкнулъ отъ себя лодку и направился домой.

Дома опять начинались разговоры и толки о Толстомъ, Горькомъ и Чеховѣ. Вопреки принятому увлеченію молодежи, Андрей хвалилъ только перваго изъ нихъ; а объ Чеховѣ только прислушивался съ интересомъ къ каждому сказанному о немъ слову.

Опять съ приходомъ Дегучева разговоръ принялъ форму борьбы или поединка, какъ будто во мнѣніяхъ были задѣты личности самаго Дегучева и Андрея.

Каждый изъ нихъ думалъ про себя, что то или другое мнѣніе произносилось съ цѣлью уколоть самолюбіе другъ друга; на самомъ дѣлѣ этого не было, но по взаимной вѣрѣ оно готово было принять подобный характеръ, по крайней мѣрѣ Андрей начиналъ думать во всякомъ случаѣ, что Толстой и Чеховъ—сами по себѣ, а что за разговорами Дегучева тутъ скрывается еще что-то неопредѣленное и это послѣднее сомнѣніе давало новый толчокъ всѣмъ мыслямъ, къ сожалѣнію дѣлая сердце какимъ-то опустѣлымъ; почему это именно такъ выходило Андрей не могъ сознаться, но только чувствовалъ и страдалъ. Это страданіе еще болѣе прибавляло замкнутости и еще болѣе дѣлало его не мечтательнымъ.

Вы все про Горькаго разсуждаете, сказала вошедшая Аграфена, да нешто это люди, которыхъ онъ изображаетъ? Видѣла я горя не мало среди бѣднаго класса, но такихъ личностей чтобъ одна чернота была, мнѣ не приходилось видѣть, все-таки мягкость проглядывала и въ самой зачерствѣлой душѣ. А у Горькаго это грѣшники нераскаянные, это даже и не адъ, а еще ниже, чему названію никто не подберетъ, потому что Богъ не допуститъ этого. И это читаетъ молодежь и за тѣмъ, что называется, на стѣну лѣзетъ.

Вы, Аграфена скромны, скромны, сказалъ Андрей, а понимаете побольше ученаго.

А, что, мой голубчикъ, я тебѣ угодила, а другимъ и вѣкъ не по нраву.

Вотъ къ какому я заключенію пришелъ, сказалъ Дегучевъ

мѣрно расхаживаясь по комнатѣ и временами останавливаясь какъ будто еще не всѣ мысли вполнѣ обозначились, точно тѣ книги, которыя еще не поставлены на полку и гдѣ онѣ всегда стоятъ въ образцовомъ порядкѣ, и—такъ по моему эта полная противоположность Достоевскаго, вашъ писатель Горькій.

Отчего же нашъ? сказалъ Андрей, мы отъ него отрекаемся.

Если не вашъ, то возбужденной публики.

Насколько первый открылъ искру Божью въ падшихъ людяхъ, настолько второй употребилъ всѣ силы своего односторонняго ума, чтобъ угасить ее и забросить слѣдъ грубыми и бранными словами.

Въ оправданіе же такого поступка съ своей стороны онъ ставитъ народную язву, въ которой винитъ общество за неправильное распредѣленіе богатства.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

На слѣдующій день Андрей не пошелъ на свое озеро; мрачный и несловоохотливый запирался онъ въ свою комнату, говоря, что ему все надоѣло, даже съ Дегучевымъ не вступалъ ни въ малѣйшій разговоръ, отъ Тони отдѣлывался словами или да или нѣтъ, а другимъ и совсѣмъ ничего не отвѣчалъ.

Тоня горевала о такой перемѣнѣ, Семенъ относился совсѣмъ равнодушно, такъ, какъ онъ относился рѣшительно ко всему. Даже и къ женѣ онъ приходилъ или съ просьбами или съ указаніями, не мѣняя разъ заведеннаго тона.

На Аграфену этотъ тонъ дѣйствовалъ удручающе. Сначала она принимала его за какую-то къ себѣ немилость, но когда эта полоса мыслей прошла, то Аграфена стала мнительной и во всемъ старалась видѣть указаніе на то, что её можетъ ожидать впереди. Пока это были одни мимолетныя налетающія мысли, которыя могъ бы замѣтить Семенъ, но онъ ничего не замѣчалъ.

Ужъ лучше шелъ бы себѣ на озеро, говорила Аграфена, а то, неравенъ часъ, задумается, задумается, а тамъ гляди и застрѣлится, ихній братъ-то такъ и погибаетъ, изъ мечтателей.

Такъ что-жъ по твоему, сказалъ немного грубо Семенъ, что онъ баба что-ли, что самъ не знаетъ, что дѣлаетъ, а за нимъ смотрѣть нужно и указывать. Тоже голова есть, какъ и у каждаго, а начнетъ другой вмѣшиваться, хоть я напримѣръ, что-жъ лучше будетъ? Да упаси меня Богъ.

Такъ-то такъ, сказала Аграфена, все же онъ молодъ. Вотъ и мужики говорятъ, надъ нимъ смѣются, онъ выдумалъ показывать, что онъ умнѣе ихъ, а они его обозвали по своему.

И въ это я тоже не вмѣшиваюсь и совсѣмъ съ тѣми мужиками и говорить не пойду, если случись что.

Да что-жъ можетъ случится-то? сказала Аграфена совсѣмъ спокойно.

Пока ничего нѣтъ, такъ на нѣтъ и суда нѣтъ. А какъ есть что, то тогда, глядишь, поздно.

Ты бы указалъ, что Андрею, сказала Аграфена участливо и мѣняя разговоръ.

Своя голова есть, упорствовалъ Семенъ; если-бъ онъ малымъ былъ, а то и насъ съ тобой годика черезъ два перерастетъ, нечего тутъ и соваться.

Аграфена отвернулась, удрученная не то мыслями, не то чувствами, что и бывало зачастую; для нея это была норма не добиться ничего и на себя же навлечь неудовольствіе.

Видно я безталанная такая, сказала Аграфена и слезы градомъ покапали изъ ея глазъ. О чемъ онѣ шли, она не дала бы себѣ отчета, но онѣ лились все сильнѣе и сильнѣе. О себѣ ли она плакала или о другихъ? Она не сознавала и даже вбѣжавшія дѣти Маня и Саша которые облѣпили свою мать, какъ мухи варенье и тѣ не могли успокоить; они только молча раскрыли свои глазенки, а у Саши раскрылся и ротикъ.

Мама, не плачь, проговорилъ Саша и веселый выбѣжалъ изъ комнаты, а за нимъ слѣдомъ убѣжала и Маня; у нихъ была начата очень интересная игра.

Семена уже давно не было въ комнатѣ, а Аграфена все сидѣла и думала, видно мысли стали все веселѣе и спокойнѣе и наконецъ, вздохнувъ уже совсѣмъ спокойно, съ такимъ чувствомъ, что она сдѣлала все, что могла, она встала, точно оторвавшись отъ интереснаго сна.

Часы показывали пять, какъ разъ то послѣобѣденное время, когда происходили оживленные споры между Андреемъ и Дегучевымъ. Но теперь этихъ споровъ не было. Андрей запирался въ своей комнатѣ, а Дегучевъ и совсѣмъ прекратилъ посѣщенія, чему очень была рада Тоня. Между другими лицами разговоровъ оживленныхъ не было.

Но этому дню не суждено было походить на другіе обыденные дни.

Начатая Аграфеной чаша горя не была выпита вся.

Только успѣла Аграфена подумать: что это я не въ шутку расплакалась, очень стоило того, какъ влетѣла Маня и скороговоркой, не сознавая того, что говоритъ, передавала, какъ два крестьянскихъ мальчика увели Сашу, но куда она не могла сказать къ рѣкѣ-ли или въ лѣсъ. Манѣ было тогда лѣтъ семь, Сашѣ—пять.

Материнское сердце захолонуло. Опрометью пустилась она бѣжать, не взирая ни на свой возрастъ и ни на что, какъ есть. Но вдругъ она на минуту замедлила свой бѣгъ, раздумавъ въ томъ-ли она направленіи стремится или нѣтъ: въ лѣсъ, подумала она на секунду и сообразила, что изъ лѣсу дѣтямъ возвращаться довольно привычное дѣло, а вода съ водой никогда осторожность не мѣшаетъ. Къ счастью рѣчка была не за какую версту, а совсѣмъ недалеко. Миновавъ косогоръ Аграфена уже издали распознала всѣхъ дѣтей усѣвшихся на бревно у самой рѣки. Казалось все было просто, не стоило и тревожиться.

И дѣйствительно Аграфена немного замедлила свои шаги чтобъ не напугать дѣтвору, но до полнаго спокойствія ей еще многаго не доставало. Быстро подошедъ къ Сашѣ, мать взяла его въ охапку и отходя малое пространство посадила его и сама какъ снопъ опустилась рядомъ едва переводя духъ.

Оставшіеся мальчики спокойно смотрѣли во слѣдъ ушедшимъ, совсѣмъ не подозрѣвая, что это они первая и послѣдняя причина всего переполоха.

Когда поздно вечеромъ Аграфена сидѣла за самоваромъ, то слышала какъ Семенъ говорилъ: охъ, ужъ эти бабы, нѣтъ у нихъ дѣла, такъ сами создадутъ возню.

Сердце Аграфены получила вторую глубокую, незаслуженную рану.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Только кое-гдѣ листва подернулась золотистыми пятнами, кленъ и осина зарумянили свои вѣтки, а день отъѣзда и конецъ каникулярнаго времени были не за горами.

Никто не былъ этому такъ радъ, какъ Андрей. Онъ больше всѣхъ хвалилъ деревню, онъ только одинъ находилъ въ ней достоинства, другіе жили не давая себѣ отчета хороша ли ихъ жизнь или нѣтъ и теперь онъ же первый не только радъ уѣхать, но бѣжать, бѣжать безъ оглядки и забыть всѣхъ и все.

Андрюшка-то повеселѣлъ, говорилъ Семенъ Аграфенѣ.

А что-жъ ему! Кровь молодая! Съ него это только нужно. Спасибо и за то, что пріѣхалъ.

То-есть какъ спасибо? сказалъ Семенъ, не понимая мысли Аграфены, что бывало довольно часто.

А такъ спасибо, что живой человѣкъ, говорила Аграфена, спокойно снисходя на такое высокомѣрное къ себѣ отношеніе,—и добрая душа въ немъ.

Ты полагаешь, что добрая? сказалъ Семенъ.

Какъ есть ни порошинки зла въ немъ нѣтъ. Откуда быть-то?

А чѣмъ же ты объяснишь, что Дегучева онъ такъ отдѣлалъ, что тотъ со стиснутыми зубами ушелъ и послѣ долго не являлся.

Такъ что-жъ что досадилъ? чего тутъ удивляться! Дегучеву и по-дѣломъ, горячка—такой, и Тоня его не любитъ.

Что-жъ по-моему, такъ Тоня можетъ и совсѣмъ разговоръ не поддерживать сказалъ Семенъ, какъ-будто горячась.

Вы Тоню не долюбливаете, сказала Аграфена, и къ Андрею—холодны.

Ахъ, мать моя, я ни на что не радуюсь, я стараго закала; шкура у меня крѣпкая и выносливость есть. А теперь моя забота, когда рожь посѣять, да чтобъ не загоняли Гнѣдого, а когда Манѣ время учиться подойдетъ, тогда можно и въ Москву переѣхать.

За время такого разговора на лицѣ Аграфены появилось несвойственное ей чувство отвращенія и такъ и застыло, а сама Аграфена изъ чуткой и отзывчивой сдѣлалась какъ каменная.

И Семенъ замѣтилъ перемѣну и подумалъ, не хватилъ ли онъ черезъ край, желая казаться такимъ строгимъ, какимъ на самомъ дѣлѣ даже и не былъ.

Но было уже поздно, какъ говорилъ Семенъ, манеры своей все отщелкать онъ перемѣнить не могъ да и не хотѣлъ, находя, что это самое удобное.

А что касается до дѣла, сказалъ Семенъ, до капитальнаго дѣла, посуди сама Аграфена, я ли ни стараюсь, и никакіе Андрюшки меня не спихнутъ.

Такъ-то, такъ, сказала Аграфена, ты дѣльный человѣкъ. А все-жъ пожалѣть нужно.

Что я жалѣть буду! Самъ долженъ дорогу прокладывать, самъ жить начинать и самъ лучше всѣхъ знать; а какъ мы съ тобой тутъ привяжемся, то ничего не разберемъ. Самъ долженъ молодцомъ быть.

Вотъ ладно сказано, сказала Аграфена, а гдѣ-жъ этихъ самыхъ

силъ набраться, чтобъ молодцомъ стать, для этого нужна материнская ласка, а гдѣ её Андрей видитъ? Вѣдь я знаю, что отъ Анфисы Захаровны онъ ничего не дождется по этой части.

Вотъ опять, только рѣшилъ, что не буду, какъ ты говоришь ожесточеннымъ и на первыхъ же порахъ приходится отказываться отъ своей рѣшимости. Зачѣмъ ты говоришь про мать? Сколько разъ я просилъ этотъ вопросъ оставить совсѣмъ въ сторонѣ.

Опять не угодила, сказала Аграфена, экая я безталанная въ самомъ, дѣлѣ! И для чего я уродилась только. Пойду къ своимъ птенцамъ. Только чтобъ не подрались! А если подерутся, буду называть ихъ уличными дѣтьми.

Семенъ остался одинъ. Его мрачныя мысли смѣнялись другими тоже не веселыми, и жизнь, казалось, состояла только изъ однихъ трудностей, которыя громоздились такъ, какъ крыши домовъ, если смотрѣть на нихъ сверху.

Совсѣмъ въ противоположность своему мужу, Аграфена забыла съ дѣтьми все свое горе и вмѣстѣ съ ними надрывалась отъ неудержимаго искренняго смѣха.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Вотъ наступила зима. Занятіе и весь строй обыденной жизни давно вошли въ свою колею. Давно Андрей не вспоминалъ о своемъ лѣтѣ и даже почти не думалъ о немъ. Только еще осенью онъ кое-что говорилъ,—какъ бы эхо или отголосокъ почти первыхъ, самостоятельныхъ умозаключеній, говорилъ и съ товарищами; но теперь и это все давнымъ давно заглохло, уступивъ мѣсто при новыхъ усиленныхъ занятіяхъ другому ходу мыслей.

На всякое даже малѣйшее напоминаніе Андрей долгое время стискивалъ зубы и хранилъ гробовое молчаніе; такъ и оставили Андрея всѣ въ покоѣ, начиная съ домашнихъ и кончая товарищами.

Анфиса Захаровна, какъ и раньше, собирала всѣ новости дня гдѣ-либо на сторонѣ, не рѣшаясь звать къ себѣ знакомыхъ на домъ и даже больше того, опасаясь, что они придутъ и сами. Антонина «засиживалась въ невѣстахъ», какъ выражалась про нее Любовь Ивановна. Агнія по-прежнему плакала. Коля Дружининъ становился очень дѣльнымъ и скромнымъ молодымъ человѣкомъ. Особенность этой зимы для Тони состояла въ томъ, что она уси-

ленно занялась чтеніемъ книгъ, въ нихъ она находила то, что ей недоставало въ окружающей средѣ; не будучи романична по своему характеру, Тоня искала скорѣй обмѣна мыслей, чѣмъ чувства, и находила въ чтеніи то, что искала. Любовь Ивановна находила такое увлеченіе вреднымъ, говоря, что книги убиваютъ душу въ молодомъ существѣ, но что подъ этими словами подразумѣвалось, для Тони оставалось непонятнымъ. Изъ всего слышаннаго Тоня многое понимала по-своему, и на основаніи своихъ же заключеній мыслила дальше. Излюбленными писателями были тѣ, гдѣ изображались бѣдные классы населенія, только Горькій не входилъ въ число таковыхъ, что возбуждало нѣмое недоумѣніе со стороны Любовь Ивановны, которая сама Горькаго не переваривала, но находила шаблонное поклоненіе со стороны молодежи почти что въ порядкѣ вещей. Всѣхъ своихъ мнѣній особенно въ разговорѣ съ Тоней Любовь Ивановна не высказывала. Анфиса Захаровна не слѣдила за литературой, вотъ отчего Тонѣ оставалось сосредоточиваться самой на своихъ мысляхъ. Эта замкнутость привилась настолько сильно, что даже присутствіе такихъ лицъ, какъ Аграфены Яковлевны не вызывало на откровенность.

Перебирая въ душѣ все пережитое за лѣто, Тоня останавливала свою мысль и на Дегучевѣ. Страннымъ ей казался этотъ человѣкъ, съ такой вѣрой въ себя, свое призваніе и такой чуждый ко всему, что касалось другихъ людей.

Тоня не была мечтательницей такъ, какъ это принято понимать, но тѣмъ не менѣе у нея были нѣкоторыя идеи, отъ которыхъ она ни за что бы не отказалась: это давало ей твердость характера и спокойствіе духа.

Выше было сказано, что Тоня была романична, и въ то же время оказывается не мечтательной. Это кажущееся противорѣчіе исчезнетъ, если взглянуть правдѣ въ глаза.

Тоня была романтична въ смыслѣ сильной вѣры въ добро и полнаго довѣрія ко всѣмъ людямъ, въ соединеніи съ полнымъ незнанія существующаго зла. Немечтательность выказывалась въ томъ, что для Тони все было ясно и просто и необходимость строить какіе бы то ни было планы совсѣмъ не существовала. Дегучева Тоня находила неинтереснымъ и скучнымъ; все въ немъ было отталкивающе, начиная съ наружности и кончая привычками и словами.

Единственно, что было положительное въ Димитріѣ Васильевичѣ, по мнѣнію Тони, это его взглядъ—вдумчивый и сосредоточенный, который наводилъ на ту мысль, что человѣкъ расположенъ

принять въ васъ участіе, но рѣчь и всѣ поступки явно опровергали это предположеніе.

Исчерпавъ весь свой немногосложный запасъ мыслей о Дегучевѣ Тоня возвращалась къ своему чтенію. Въ этомъ отношеніи она совсѣмъ не походила на Андрея, у котораго было много и невеселыхъ мыслей изъ деревенской жизни, но онъ ихъ берегъ и перерабатывалъ въ своемъ умѣ, не возбуждая ничьихъ подозрѣній; наоборотъ, всѣ были увѣрены въ обратномъ, что все, что Андрея окружаетъ, имъ такъ же скоро забывается, какъ и само проходитъ и жестоко ошибались: умъ его работалъ въ ущербъ сердцу, несмотря на то, онъ былъ любимцемъ матери и пользовался большими заботами, чѣмъ другіе.

Тебѣ нравится Дегучевъ? сказала Тоня, обращаясь къ Андрею.

Зубоскалъ, сказалъ Андрей сухо.

Тебѣ сколько разъ говорили быть поосторожнѣй, сказала Анфиса Захаровна.

Вы думаете, что онъ насъ жалѣетъ и деликатничаетъ? Ничуть! Я его знаю, какъ свои пять пальцевъ.

Ты себѣ много воображаешь, сказала Анфиса Захаровна. Гдѣ же тебѣ его понять? Онъ человѣкъ самостоятельный, служитъ.

Я не отрицаю того, что онъ самостоятельный. У меня такой самостоятельности нѣтъ; я гибокъ; въ какую угодно сторону можно свернуть, впрочемъ... только до извѣстной степени.

Вотъ видишь, развѣ ты бы не хотѣлъ, чтобъ тебя также всѣ уважали, слушали съ почтеніемъ?

До уваженія мнѣ дѣла нѣтъ, сказалъ Андрей, а слушать можно и всякую безтолковщину.

Анфиса Захаровна была и огорчена, и недовольна много чѣмъ, но на этотъ разъ скрыла свою досаду. Тоня же, наоборотъ, одобряла Андрея только зимой, но не лѣтомъ, такъ какъ лѣтомъ всѣ его замѣчанія были не въ то время, когда его спрашивали, а въ разныя совершенно непредвидѣнныя минуты отвѣты на прежде сказанныя слова. Все это вносило извѣстнаго рода шероховатость со всѣми.

А потому теперь Тоня осталась даже довольной.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Тоня вышла замужъ за Димитрія Васильевича Дегучева. Всѣ родные и знакомые отнеслись къ этому извѣстію совсѣмъ спокойно, и даже сама Тоня была все время очень хладнокровна, если вѣрить ея словамъ. Все это вмѣстѣ взятое давало поводъ думать, что это былъ бракъ только по разсчету. Андрей обратился въ элегантнаго молодого человѣка, бывшее недовольное выраженіе лица замѣнилось самодовольной увѣренностью. Оставалось только немного времени, чтобы сдать выпускные экзамены на инженера путей сообщенія.

Андрей любилъ ухаживать за молодыми барышнями, не отдавая никому своего сердца; по крайней мѣрѣ никто не называлъ предмета его любви. Дома же и въ разговорѣ съ товарищами онъ говорилъ обо всемъ въ своей жизни только съ внѣшней стороны, такъ что ни одному лицу не позволялъ заглядывать въ свое сердце.

Только Тоня пыталась проникнуть въ сердечныя тайны Андрея, но безуспѣшно. Что же касается до его матери, то она охладѣла къ своему бывшему любимцу, что его нисколько не смущало и не мѣняло разъ выработаннаго характера.

Анфиса Захаровна стала и вообще менѣе разговорчива и болѣе слушала, чѣмъ вступала въ разговоръ.

Вотъ вы какого молодца выростили, говорила Любовь Ивановна про Андрея.

Этотъ молодецъ скоро меня забудетъ, отвѣчала Анфиса Захаровна.

Я не забуду васъ, маменька, сказалъ Андрей.

Не пророчь, сказала Анфиса Захаровна, я вижу дальше твоего.

Я думаю, что относительно меня только я судья, я начало и конецъ всему.

Это что же Любовь Ивановна, онъ въ буддисты записывается? сказала Анфиса Захаровна.

Буддистовъ у насъ 20 милліоновъ, сказалъ Андрей, и религія весьма уважительная.

Гдѣ мы? мать моя, Любовь Ивановна, у себя въ Россіи?

У себя, успокойтесь.

Что же слышу я?

Да и ничего тутъ нѣтъ особеннаго, вотъ вамъ Андрей сейчасъ скажетъ.

Прежде всего я хочу, чтобъ со мной соглашались относительно сущности, сказалъ Андрей и выразили бы сочувствіе.

Мы вѣдь не знаемъ, чему выражать сочувствіе сказала Любовь Ивановна, которая за все время разговора какъ уставилась смотрѣть на ручку дивана, такъ и оторваться не могла; въ дѣйствительности вся ушедши въ мысли, какъ-бы боясь пропустить то, что ей можетъ показаться очень важнымъ.

Вотъ это и хочу вамъ сейчасъ все представить. Сущность состоитъ въ непротивленіи злу, напримѣръ, таракана раздавить нельзя, червяка раздавить нельзя.

Это совсѣмъ непонятное, сказала Любовь Ивановна? какое значеніе имѣютъ таракань или червякъ?

Это понимать нужно гораздо шире и такъ во всемъ.

Что-же это, аллегорія?

Не совсѣмъ аллегорія, а въ буквальномъ смыслѣ нельзя тронуть того, что есть, потому что зачѣмъ-то оно должно быть. И во Франціи теперь много буддистовъ, потому что это отвѣчаетъ духу современной цивилизаціи. А въ Россіи это кочующіе народы и осѣдлые калмыки, затѣмъ пришлые китайцы и японцы.

Вѣкъ живи, вѣкъ учись, сказала Анфиса Захаровна. Какъ-то оно странно приходится. Выразиться помягче; оно какъ бы задомъ на передъ выходитъ; прежде жили и знали, что есть буддисты но гдѣ-то очень далеко. А теперь шутка сказать! 50 милліоновъ. Нѣтъ, прежде лучше было, мать моя, сказала Анфиса Захаровна, обращаясь къ Любовь Ивановнѣ.

Лучше, лучше, что и говорить, отвѣчала послѣдняя, перемѣнивъ свой взглядъ и уставившись теперь въ другую точку, но также неподвижно.

Андрей продолжалъ развивать, какъ онъ говорилъ, сущность буддизма.

Смыслъ его рѣчей былъ таковъ: какъ хорошо, если человѣку доставляютъ полную свободу, такъ что онъ можетъ ко всему относиться осмысленно. Что самое вредное для человѣка, это деспотизмъ и рабство.

И Анфиса Захаровна и Любовь Ивановна слушали только на половину, такъ какъ многое оставалось непонятнымъ, причемъ послѣдняя прибавляла: эхъ, нехристи какіе! и откуда они берутся только.

На что Андрей отвѣчалъ, подшучивая: откуда и всѣ философствующіе люди—изъ неудовлетворенности жизнью и желанья жить во имя идеи.

Но отчего-жъ они не возьмутъ какой-нибудь полезной идеи? сказала Любовь Ивановна.

Вотъ то-то и есть, сказала Анфиса Захаровна, помощь людямъ такъ нужна, даже самая ничтожная, а посмотришь и отъ нея что-нибудь да выйдетъ.

Нѣтъ, вы не понимаете, сказалъ Андрей, помощь, польза... какъ-будто въ этомъ суть?

Въ чемъ же тогда? сказали заразъ обѣ собесѣдницы Андрея.

Въ чемъ? легко сказать: въ чемъ? я вѣдь не пророкъ.

Нѣтъ, другъ мой, не отвиливай, началъ, такъ говори все до конца, а то лучше и не начинать.

Извольте, сказалъ Андрей, я докончу: въ уничтоженіи себя, всего себя, можете ли вы это представить? Не только страстей, какъ учили древніе философы, не только духовныхъ помысловъ, кромѣ одного Бога, какъ учили христіанскіе отшельники, но каждой своей частицы своего существованія.

Такъ ты это понялъ? сказала мать.

Такъ я понялъ, сказалъ Андрей, какъ бы отрываясь на минуту отъ цѣлой вереницы мыслей, которыя заполнили его голову и не давали ему покоя.

Но вѣдь это безотрадно! сказала мать, какъ-бы всматриваясь въ глаза Андрея, желая въ нихъ прочесть еще что-либо и узнать еще новыя мысли.

Безотрадно, нехотя сказалъ Андрей, какъ бы отрываясь отъ своего созданнаго міра, который становился въ его глазахъ все шире и больше, но не становился отъ этого ни красивѣе, ни привлекательнѣе.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Тоня довольно часто вмѣстѣ съ своимъ мужемъ приходила къ своимъ роднымъ. Она также любила и разговоры не только Андрея, но и Любовь Ивановны.

Среди ихъ мыслей она находила много для себя новаго и того, что она не встрѣчала въ книгахъ; такъ, сама Тоня объясняла себѣ.

Въ дѣйствительности же было не такъ; многое оставалось для Тони непонятнымъ, потому что она не знала ни людей, ни сердца людского. Въ этомъ отношеніи мужъ ея имѣлъ большой перевѣсъ, и она вполнѣ сознавала это и цѣнила.

Какъ разъ въ одинъ ноябрьскій вечеръ были вмѣстѣ съ Тоней и Андрей и Любовь Ивановна. Тонъ разговора совсѣмъ перемѣнился. Дегучевъ не вступалъ въ споры, какъ это было въ Поселковѣ; онъ сдѣлался сдержаннѣе и даже большею частью молчалъ, не отвѣчая даже на прямо обращенные къ нему разговоры. Тоню такая перемѣна немного удивляла, но она свыклась съ этимъ, какъ и со многими другими неожиданностями.

Андрей былъ уже не прежній увлекавшійся и въ то же время меланхоличный юноша. Онъ уже владѣлъ собою: своими мыслями и своей мимикой. Разговоръ его не былъ очень разнообразенъ, и послѣ краткихъ замѣчаній о вопросахъ дня, опять перешелъ на прежде начатую тему: о буддистахъ.

Любовь Ивановна поморщилась и даже глубоко вздохнула: она была истинная и ревностная христіанка и хоть она вникала въ слова Андрея, но также скоро и отвязывалась отъ нихъ, считая ихъ для себя лишней и ненужной обузой. Тоня прислушивалась со вниманіемъ, стараясь понять, кромѣ слышаннаго, еще и ту сокровенную мысль, которая заставляетъ Андрея «топтаться» все около одной и той же темы. Но сколько Тоня ни размышляла, ничто не подходило, какъ возможная къ тому причина.

Дегучевъ слушалъ, оставаясь на нейтральной почвѣ, какъ бы не придавая этой рѣчи никакого болѣе или менѣе серьезнаго значенія. Анфиса Захаровна то и дѣло отлучалась изъ-за хлопотъ по хозяйству. Оставались изъ слушательницъ еще Катя Тармашева и Елена Ивановна. Онѣ присутствовали впервые, а потому ихъ лица кромѣ готовности слушать ничего другаго не отражали.

Андрей казался оживленнымъ, то есть глаза его блестѣли загорѣвшимся огнемъ; онъ былъ доволенъ аудиторіей, такъ какъ всѣ выказали согласіе его слушать или отвѣтили молчаніемъ.

Итакъ Андрей былъ радъ говорить предъ слушателями, но далеко не былъ удовлетворенъ самъ своей собственной темой, вотъ почему блескъ глазъ исчезъ и замѣнился тѣмъ тусклымъ, непроницаемымъ взоромъ, отъ котораго вѣяло холодомъ и жестокостью. «Сегодня я бы хотѣлъ, такъ сказать, иллюстрировать все мной сказанное прежде», сказалъ Андрей, «но не въ картинкахъ, а въ выписанныхъ афоризмахъ».

Эти слова какъ бы всѣхъ примирили съ Андреемъ. Даже нейтральный Дегучевъ смягчился и даже улыбнулся, что было для него большой рѣдкостью.

Читайте ваше ученіе, читайте, сказала скороговоркой Катя Тормашева.

Слушаю-съ, сказалъ Андрей, бросивъ ей благодарный взглядъ.

Вотъ отвѣтъ философа, сказалъ Андрей, на вопросъ о томъ, въ чемъ состоитъ счастіе на землѣ:

1. Глупцамъ не служить,
А служить мудрецамъ,
Оказывать почести честь заслужившимъ
Высшее въ этомъ блаженство.
2. Жить въ странѣ благодатной,
Прежнюю жизнь проживъ благотворно,
Въ сердцѣ питать лишь благія желанія,
Высшее въ этомъ блаженство.

Когда живется хорошо, то чего же больше, вставила Катя Тормашева.

Подождите, сказалъ Андрей, вотъ дальше:

3. Много познанія и воспитанія,
Рѣчи привѣтливы, самообладаніе,
Въ словахъ благородства печать неизмѣннаго.
Высшее въ этомъ блаженство.
4. Поддержкой быть отца и матери,
Жены опорой и дѣтей,
Призваніе мирное въ удѣлъ свой получить:
Высшее въ этомъ блаженство [1]).

Какъ далеко имъ до нашего божественнаго Христа, сказала Любовь Ивановна и прошептала про себя какую-то молитву.

Что-жъ это вы нечистаго духа отгоняете, сказалъ Андрей, обращаясь къ Любови Ивановнѣ.

Нѣтъ, не то, сказала Любовь Ивановна, а всетаки діаволъ ходитъ аки левъ рыкающій, ища кого поглотить.

Діавола—нѣтъ, сказалъ Андрей, вотъ дальше:

5. Творить милостыню и праведную жизнь вести
И родственникамъ въ нуждѣ помогать,
Въ дѣяніяхъ безупречнымъ быть;
Высшее въ этомъ блаженство.

---

[1]) Все приведенное ученіе цѣликомъ заимствовано изъ философскихъ книгъ.

6. Грѣхъ ненавидѣть и прекратить,
   Отъ крѣпкихъ воздерживаться напитковъ,
   Въ добрыхъ дѣлахъ не уставать,
   Высшее въ этомъ блаженство.
7. Благоговѣніе и смиреніе,
   Довольствіе и благодарность,
   Внимать закону въ свое время.
   Высшее въ этомъ блаженство.

Вотъ бы намъ бы законъ? вставила Любовь Ивановна, это, право слово, не мѣшаетъ.

А кто любитъ мутить безъ закона, вставила Катя Тормашева.

Это—отчаянные, сказала Любовь Ивановна.

Вотъ дальше, слушайте, сказалъ Андрей:

8. Долготерпѣніе и кротость,
   Съ миролюбивыми общеніе,
   Духовная бесѣда въ свое время
   Высшее въ этомъ блаженство.

Гмъ, подробно, сказалъ Дегучевъ: это все ступени Нирваны?

Вотъ дальше, скоро и конецъ, сказалъ Андрей:

9. Самоограниченіе и чистота,
   Познаніе Благородныхъ Истинъ,
   Осуществленіе Нирваны.

Вотъ это самое главное, вставилъ Андрей, но вы не забудьте, что это говоритъ монахъ или какъ онъ себя называлъ «просвѣтленный»—Будда.—Вотъ дальше:

10. Духъ непоколебимый
   Среди ударовъ жизни сей превратной
   Покой обрѣвшій отъ страстей и горя.
   Высшее въ этомъ блаженство.

И у насъ, прости Господи, учатъ горе преодолѣть, только плохо въ этомъ преуспѣваютъ.

Горе? сказалъ Андрей, а ну—его, унеси ты мое горе! и тихонько разсмѣялся, послѣ чего глаза его приняли опять прежній блескъ и воодушевленное выраженіе.

Это все? спросила Тоня, можетъ быть единственно слушавшая.

Елена Ивановна была слишкомъ занята своимъ новымъ голубымъ платьемъ, которое она одѣла въ первый разъ и все, что

только вертѣлось въ ея мозгу, это были отдѣльныя слова: «Добрыя дѣла» и «милостыня».

Катя Тормашева приняла насмѣшливое выраженіе, какъ будто она услыхала не то, чего она ждала.

Анфиса Захаровна, не слышавъ начала, не очень углублялась въ интересъ всего, что читали, а Любовь Ивановна сидѣла совсѣмъ недовольная и шептала молитву.

Дайте же докончить, сказалъ Дегучевъ.

Кончайте и конецъ—всему дѣлу вѣнецъ, вставила Катя Тормашева.

Всего четыре строчки, сказалъ Андрей.

Вотъ какъ мало, вставила опять Катя Тормашева. Итакъ, буддисты—язычники?

Такъ точно, сказалъ Андрей; вотъ конецъ:

11. Со всѣхъ сторонъ неуязвимы
Такъ поступающіе всѣ,
Ихъ путь повсюду безопасенъ
И высшее блаженство ихъ удѣлъ.

У меня оскомина, какъ отъ кислаго винограда, сказала Тоня.

И у меня тоже, сказала Катя Тормашева. Скажите, Андрей Прохоровичъ, зачѣмъ вы занимаетесь философіей?

Андрей не отвѣчалъ, но его мысль сказалъ Дегучевъ: въ силу историческихъ соображеній, необходимыхъ для современной исторіи.

Разговоръ на эту тему болѣе не возвращался, такъ какъ по приглашенію Анфисы Захаровны пошли пить чай со вкусными тартинками и бутербродами: тамъ были ветчина, семга, сыръ и многое другое; кромѣ того, душистый чай.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

За чаемъ разговоръ принялъ совсѣмъ другое направленіе. Тема о буддизмѣ была совсѣмъ забыта, но на Андрея все предъидущее чтеніе наложило отпечатокъ какой-то дисгармоніи, по крайней мѣрѣ такой выводъ составила Антонина:

Ты точно кислыхъ яблоковъ покушалъ.

Андрей не отвѣтилъ на это и, обратившись къ Дегучеву, сказалъ:

А что вы скажете объ войнѣ съ Востокомъ?

Дегучевъ, озадаченный, отвѣчалъ: да почему же вы выдумали эту войну! Кто думаетъ объ ней? Ни одинъ министръ, а потому и вы можете быть спокойны.

Спокойны? нѣтъ. Для чего скажите—Сибирскій путь?

Для оживленія страны, перебилъ его Димитрій Васильевичъ.

Для того, чтобъ поднять культуру, вставила Тоня.

Совершенно такъ, какъ бы нехотя, и въ то же время горячо, вставила Елена.

Культура,—это заѣзжанныя слова, сказалъ Андрей, какъ многое хотятъ сказать этимъ и въ то же время ничего не выражаютъ.

Pardon, сказала Тоня, выражаютъ во-первыхъ, умѣніе жить, поддерживать общественность въ странѣ, устройство школъ, больницъ—развѣ все это мало?

Я знаю, что съ дамами не спорятъ сказалъ Андрей, и все меня заставляетъ отказываться почти отъ начатой темы, но все же, господа, возьмите хоть у насъ: есть и общественная жизнь и все, но въ отношеніи культурномъ мы отстали. Я не могу подобрать другого слова.

Наступило неловкое молчаніе.

Что же вы находите такого исключительно заманчиваго въ культурѣ и чего у насъ нѣтъ и по всей вѣроятности есть въ Западной Европѣ? Не такъ ли? Я угадала вашу мысль?

Совершенно такъ, вы ее угадали, отвѣчалъ Андрей Еленѣ. Но мнѣ кажется это для васъ слишкомъ глубоко, чтобъ быть интереснымъ.

Отчего? сказала совсѣмъ свободно Елена, я интересуюсь всякимъ прогрессомъ во всѣхъ областяхъ—и научнымъ, и общественнымъ и государственнымъ.

Послушайте, милыя дѣти, сказала Анфиса Захаровна, на эту тему я вамъ не позволяю вести споры; когда дѣло шло о религіозныхъ вопросахъ, то скрѣпя сердце я вытерпѣла, но теперь это другое—это переходитъ на политику, и потомъ я должна отвѣчать за васъ. Нѣтъ, прошу васъ, это оставьте. Точно и не найдется въ самомъ дѣлѣ о чемъ поговорить. Жизнь такъ сложна. Одни театры дадутъ вамъ столько разнообразныхъ идей; есть о чемъ посудить и что порасказать.

Хорошо, дорогая маменька, сказалъ Андрей, мы—послушное стадо и должны повиноваться.

Какъ онъ задорно-картинно выражается, вставилъ Димитрій Васильевичъ.

Итакъ если нельзя говорить о прогрессѣ, предоставимъ другимъ говорить и даже думать за насъ.

Отчего вы затираете разговоръ о прогрессѣ? сказала Елена, обращаясь къ Дегучеву, тутъ кроется какая-то идея, которую Андрей готовъ высказать, но ему не удается.

И отлично дѣлаетъ, потому что это не женское дѣло, сказалъ Дегучевъ.

Какъ это пріятно слышать, что прогрессъ недоступенъ намъ, женщинамъ! Какое мы, съ позволенія сказать, ничтожество, сказала Катя Тормашева.

Позвольте, не говорите такъ, сказалъ Дегучевъ, я глубоко уважаю всѣхъ женщинъ. Тутъ совсѣмъ дѣло въ совершенно другомъ вопросѣ.

Хорошо, вы ихъ уважаете, но только для семейнаго рабства.

Зачѣмъ выражаться такъ пессимистически? Къ чему это приведетъ? Нельзя же взваливать на женщинъ непосильную для нихъ работу? И наоборотъ все только и дѣлается, что для нихъ.

Галантность въ жизни—одно, продолжала Катя Тормашева, а правда въ свѣтѣ и жизни—другое.

Вы говорите, что о женщинѣ заботятся, ее уважаютъ, но подсчитайте итоги по всѣмъ ступенямъ общественной жизни, натолкнитесь такъ-сказать, на самые факты и тогда поройтесь въ корняхъ зла и въ полномъ безсиліи или же безправіи однихъ.

Я не берусь рѣшать такіе запутанные вопросы, сказалъ Дегучевъ, это лучше оставить. Ахъ! жизнь, жизны! чѣмъ ты не шутишь!

Этотъ споръ, дѣти мои, лучше оставить, сказала вошедшая Анфиса Захаровна (она его слышала неоднократно, а потому онъ былъ ей хорошо знакомъ), вотъ вы, напримѣръ, Елена или Катя, можете сами представить, насколько, сравнивая въ большинствѣ, образованіе мужчинъ стоитъ выше женскаго, а потому и работа первыхъ и всѣ соединенныя права не могутъ идти въ сравненіе.

Разъ что человѣкъ живетъ, существуетъ или живетъ, онъ имѣетъ всѣ права или же никакихъ, сказала Елена.

Вы можете отвѣтить за такую рѣзкость и пожалѣете.

Я не за себя говорю; моя личность не играетъ никакой роли, стушевывается, такъ сказать.

Вотъ это обезличеніе, это и есть то, къ чему приведутъ слишкомъ высокія стремленія и вмѣсто поэзіи на землѣ, настанетъ проза.

Прозы и всегда больше, чѣмъ поэзіи, сказала Катя Тормашева.

Презрѣнная проза! сказалъ Андрей, зачѣмъ ты привлекаешь такихъ людей, которые готовы питаться только незабудками и нектаромъ.

И супомъ изъ розовыхъ лепестковъ, сказалъ Дегучевъ.

Чѣмъ же объяснить тогда все движеніе въ Англіи на защиту правъ женскихъ? сказала Катя Тормашева.

Что-жъ дѣлать! одинъ примѣръ влечетъ за собой тысячи другихъ.

Но вѣдь это не десятки лѣтъ, это уже длится столѣтія. Только прежде выдвигали женщины мужчинъ, яко бы своихъ ходатаевъ, а теперь непосредственно дѣйствуютъ сами.

Это же самое я и говорю, сказалъ Дегучевъ, вездѣ женщины; онѣ все пронизали, всѣ слои общества, сверху до низу.

Мнѣ кажется, что низшіе слои общества не задѣты движеніемъ, я подразумѣваю, конечно женщинъ, сказала Катя Тормашева.

Это скажется только въ будущемъ отвѣтилъ Дегучевъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

На слѣдующій день послѣ проведеннаго въ спорѣ Тоня проснулась съ головной болью; но, противъ своего обыкновенія, Тоня не выражала неудовольствія или ропота, такъ какъ ей предстояло многое о чемъ думать. Были домашніе хлопоты и распоряженія, такія, которыя бывали уже десятки разъ, но къ нимъ Тоня относилась теперь какъ бы мимоходомъ, точно были и другія идеи, которыя казались ей еще болѣе важными. Тотъ кругъ идей, въ которомъ она вращалась, давалъ ей нѣкоторое удовлетвореніе и гармонію; по крайней мѣрѣ такъ она сама себѣ уясняла свое душевное состояніе.

Почти во всѣхъ своихъ мысляхъ такъ или иначе, въ разныхъ варіантахъ, но Тоня и Дмитрій сходились съ той только разницей, что Тонины слова и мысли Дегучевъ только признавалъ какъ фактъ, самъ же никогда не повторялъ ихъ буквально; и совершенно такъ же поступала и Тоня.

Я чувствую, что эти споры о женскихъ правахъ какъ-то возвышаютъ меня.

Но, представь себѣ, я думаю, что ты ошибаешься.

То есть въ чемъ же именно?

Въ томъ, что назначеніе всякой женщины—участвовать въ общественной дѣятельности. Вѣдь конструкція ея организма настолько хрупка, что все это въ концѣ всѣхъ сложныхъ работъ—утопія.

Отчего же утопія? Собирается все по капелькѣ: одинъ началъ, другой продолжаетъ и такъ дальше.

Но увѣрена ли ты въ томъ, что изъ твоихъ поступковъ обязательно должно выйти добро?

Отчего же мнѣ не имѣть этой увѣренности? Отчего вы, мужчины, при всѣхъ вашихъ ошибкахъ, не отступаете отъ начатыхъ работъ, а идете все дальше и дальше, и никогда вѣра не оставляетъ васъ. Отчего? А наша работа еще святѣе: она идетъ на помощь тѣмъ, которые сами за себя сказать не могутъ. Развѣ это не даетъ такую энергію въ работѣ, которая никогда устать не можетъ?

Но кто же вамъ сказалъ, что ваша дѣятельность всѣмъ пріятна?

Къ намъ, ратующимъ женщинамъ, только тотъ приходитъ, кто сохраняетъ свою самостоятельность, такъ что его дѣло рѣшать: находитъ онъ это симпатичнымъ или нѣтъ. И при томъ все это еще такъ хаотично, такъ неопредѣленно, что для тебя, Димитрій, нѣтъ рѣшительно никакихъ причинъ даже задумываться надъ чѣмъ бы то ни было.

Я то же приблизительно того же мнѣнія. Оно и къ лучшему.

Не говори такъ, Дмитрій, я не выношу такихъ молніеносныхъ рѣшеній, особенно когда это касается прямо обойденныхъ или обездоленныхъ людей.

Ты хочешь обнять весь свѣтъ своимъ сердцемъ, всѣмъ помочь; въ такомъ тонѣ стремится Андрей, только онъ выражаетъ иначе.

Вотъ теперь ты самъ можешь рѣшить, что въ мужчинѣ ты признаешь за достоинство, то для насъ это въ твоихъ глазахъ скорѣй недостатокъ.

Такъ или иначе, но это приметъ свое направленіе, если все это—серьезно; если нѣтъ—оно расплывется въ общей массѣ всѣхъ другихъ явленій, и женщина опять будетъ принадлежать только одной семьѣ и этимъ будетъ все заканчиваться.

Это—совсѣмъ неосуществимо, что-ты говоришь.

Если неосуществимо, пусть это—новое будетъ къ лучшему; я мѣняю свой взглядъ и свое направленіе.

И давно бы такъ.

Теперь же поѣдемъ въ оперу слушать артистовъ и участвовать въ ихъ оваціяхъ.

Хорошее время, которое давно прошло.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Не для него гостепріимной
Деревья сѣнью разрослись,
Не для него, какъ облакъ дымный,
Фонтанъ на воздухѣ повисъ.

Ѳ. Тютчеви.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Прошло много лѣтъ.

Когда Андрей твердо рѣшилъ ѣхать на войну, то онъ придумалъ, чтобъ собраться съ своими мыслями, побывать въ оперѣ и тамъ среди шума и суеты провѣрить весь образъ своихъ мыслей. Но это ему не удалось, такъ какъ судьба очень часто идетъ наперекоръ всякимъ мыслямъ.

Въ театрѣ Андрей встрѣтился съ Крымковыми, прошелъ къ нимъ въ ложу, Елена вспыхнула и тѣмъ самымъ осталась очень недовольна, но Андрей былъ такъ нѣжно предупредителенъ и остороженъ въ словахъ, въ глазахъ выражалъ столько неподдѣльной нѣжности, что Елена совсѣмъ перемѣнила свой взглядъ на него, и сама она стала вдумчивѣе, придавая своимъ словамъ новый таинственный смыслъ, понятный только для нихъ обоихъ, когда посторонніе думали, что они говорятъ о самыхъ обыденныхъ происшествіяхъ.

Нѣсколько разъ пробовала Елена заговорить про Марью Павловну, но тогда лицо Андрея принимало злобное выраженіе, и разговоръ переходилъ на посторонніе предметы. Объяснить себѣ Елена не старалась такихъ быстрыхъ перемѣнъ, такъ какъ вся жила въ ту минуту только чувствомъ и хотѣла видѣть Андрея нѣжнымъ и кротко смотрящимъ ей въ глаза.

Театральное представленіе шло своимъ чередомъ, и пѣніе примадоннъ возбуждало восторгъ всей присутствующей публики. Андрей къ ужасу своему и неудовольствію сталъ замѣчать, что всѣ его мысли, которыя онъ хотѣлъ провѣрить тутъ, въ обществѣ, какъ онъ выражался — всѣ мысли разлетѣлись, и онъ не могъ зацѣпиться ни за одну, но зато выростало еще нѣчто новое, въ чемъ онъ даже боялся или медлилъ сознаться, это чувство къ Еленѣ.

Онъ не жилъ прошлымъ и даже не будущимъ, а только настоящимъ; оно казалось такимъ значительнымъ, что если-бъ онъ могъ сказать мгновенію: мгновеніе остановись,—то онъ непремѣнно

такъ бы и поступилъ. Но это бываетъ только въ сказкѣ, сказалъ себѣ Андрей и передъ его воображеніемъ стали рисоваться картины его новаго пути: вагоны, въ которыхъ онъ долженъ мерзнуть и еще болѣе непривѣтливыя стоянки.

Все, наконецъ, въ области мыслей смѣшалось въ какой-то неопредѣленный хаосъ, какъ-будто та прошлая жизнь была для Андрея чужой, а новая, неизвѣданная—самой близкой; точно невидимая рука вынула изъ сердца его все, что ему было самаго дорогого, и вложило вмѣсто всего спокойный и твердый камень. Хотя необъяснимая грусть охватила сердце Андрея, но она-то и помогла не спрашивать больше объясненія въ мучившихъ его неопредѣленныхъ вопросахъ, но смотрѣть на все твердо и смѣло.

На минуту сердце Елены замерло: она увидала идущаго въ партерѣ Валеріана. Вотъ, вотъ, подумала она: онъ увлечетъ Андрея въ продолжительный разговоръ и тогда даже и это послѣднее наше передъ поѣздкой свиданіе сдѣлается еще короче. Но недавнее раздраженіе Андрея противъ Валеріана помогло Еленѣ, и они обмѣнялись только поклонами. Елена успокоилась, что никто больше не нарушитъ прощальнаго вечера, какъ она называла его въ ту минуту, такъ какъ одинъ Валеріанъ только и могъ быть въ этомъ отношеніи опасенъ, но она ошиблась. Подъ вліяніемъ талантливой игры артистовъ Катя стала разговорчивѣе и бесѣда стала общей.

Для Андрея это не имѣло большого значенія, такъ какъ та нить мыслей, съ которой онъ шелъ въ театръ, давно ускользнула отъ него, и сколько онъ ни старался, онъ не могъ попасть въ тоже настроеніе.

Когда опустился занавѣсъ этого, какъ выражался Андрей, прощальнаго спектакля, то самъ Андрей почувствовалъ какъ-будто гора скатилась съ плечъ; тотъ вопросъ который ему казался нужно было рѣшить, уже показался ему рѣшеннымъ и впереди все представлялось простымъ и опредѣленнымъ; уже онъ готовъ былъ жить жизнью будущаго и думать о поѣздахъ и вагонахъ; всѣ окружающіе точно только способствовали этому, никто не сердилъ и никто не мѣшалъ.

Елена была для такого особенно рѣдкаго прощальнаго вечера очень сдержанна, какъ всегда; она мало вѣрила въ себя, въ свои силы и въ симпатію къ себѣ знакомаго ей человѣка.

Вы ѣдете на войну для карьеры, сказала Елена.

Я самъ не сказалъ бы этого про себя, сказалъ Андрей; это внутренній и даже для меня самого непонятный голосъ или

жажда дѣятельности, назовите, какъ хотите, внѣ войны эта ж самая жажда труда съ одинаковыми мотивами не даетъ мнѣ покою ни дни, ни годы. Такъ судите сами — вотъ вся душа моя предъ вами, безхитростная, не гордая и безъ самомнѣнія и хвастовства.

Но ваши товарищи или знакомые или даже незнакомые не всѣ такіе, какъ вы?

Безъ сомнѣнія есть дѣльцы, которые любятъ сколачивать копѣйку.

Но разговоръ о войнѣ слишкомъ былъ тягостенъ и незамѣтно перешолъ на другой очень модный въ то время, хотя и непріятный.

Вы читаете Горькаго? сказала Елена. Всѣ только читаютъ, но мнѣній не говорятъ. Мое—самое отрицательное.

Вы знаете, Елена Ивановна, сказалъ Андрей Прохоровичъ, что это—одинъ изъ немногихъ пунктовъ, въ которыхъ я схожусь съ вами; я нахожу, что правды въ разсказахъ Горькаго столько же, сколько соли въ прѣсной водѣ, а нерѣдко попадаются прямо безнравственныя мѣста, гдѣ добро не стоитъ на стражѣ людей.

Отчего-жъ его такъ многіе читаютъ?

На первое время кажется, что онъ картинно изображаетъ убогихъ людей; такъ много людей, такъ много взятыхъ, какъ думаютъ, изъ жизни перебранки — и главное думаютъ, что все это зло взято изъ жизни; на самомъ дѣлѣ всѣ герои—это чужіе люди и прежде всего чужіе самому автору. Что онъ далъ: быль? Онъ не далъ были. Сказку? Онъ не далъ сказки, потому что сказка заинтересовываетъ. Онъ далъ клевету, а у послѣдней, какъ говорятъ, десять крыльевъ; величиной съ горошину въ началѣ, она становится горой. Даже нельзя сказать, что Горькій выставляетъ чернорабочихъ въ непривлекательномъ видѣ, какъ это дѣлаетъ Достоевскій относительно князей. Или вы хотите сказать, что выставлены условія общественной жизни, при которыхъ явились виноватые—это богачи и правые—это обездоленные. И такъ, Горькій для молодежи—судія, которому должны повѣрить на слово. Но много ли такихъ и чего они добьются? Чтобъ ихъ посадили въ тюрьму или отослали бы еще дальше?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Наконецъ, поѣздъ дошелъ до первой остановки болѣе продолжительной, чѣмъ всѣ предъидущія; предполагалось ѣхать дальше

только на слѣдующій день, а до того ночевать въ вагонѣ или же на вокзалѣ.

Ну и возни было, такъ закуривая папиросу началъ докторъ. Въ вагонѣ помѣстили насъ изрядное количество; подборъ самый разнообразный. Это не новобранцы; только изрѣдка попадаются новички, а то больше запасные.

Андрей слушалъ, стараясь не перебивать его, да и самому не хотѣлось говорить.

Вы довольны запасными? сказалъ наконецъ Андрей обращаясь къ доктору Однодворцеву.

Вы лучше спросили бы не меня, отвѣчалъ тотъ, а штабныхъ, нашъ медицинскій голосъ теряется передъ начальствомъ и хочешь, не хочешь, а долженъ кривить душой или самого тебя въ три шеи.

А что же такъ?

А то, что народъ все больной. Чуть въ крестьянскомъ быту перевалитъ за сорокъ, тутъ сейчасъ и болѣзнь и какой-то упадокъ энергіи или вялость, а главное—болѣзни. Если-бъ мнѣ надлежало вычеркивать изъ списка по болѣзни, то вѣрите ли почти пустой листъ остался бы. У одного—легкіе совсѣмъ плохи, у другого—порокъ сердца, у кого нервная система въ такомъ состояніи, что хоть въ больницу отправляй. Я уже не говорю про тѣхъ, которые, какъ говорится, блажатъ. Съ одной точки мыслей ихъ не сдвинешь.

Такъ вы думаете, что война не популярна? сказалъ Андрей?

До этого такъ же далеко, какъ до неба, сказалъ докторъ, до популярности. Съ плачемъ отрываютъ отъ сохи, съ плачемъ — отъ дома. А что дальше и то не легче; забьется себѣ въ уголъ, смотритъ въ одну точку, а пробуешь заговорить я или кто-другой, только и есть одинъ отвѣтъ: а что-то дома! И это еще изъ лучшихъ.

Разговоръ доктора увлекалъ Андрея и когда послѣ остановки усѣлись опять въ вагонахъ, онъ постарался быть по близости въ надеждѣ услышать продолженіе, но ожиданія не сбылись. Въ вагонѣ стоялъ шумъ и гамъ, такъ какъ почти всѣ скамьи, кромѣ ими занятой, были заняты солдатами. Къ вечеру становилось потише, разговоровъ было меньше, а временами и совсѣмъ прекращались, но полной тишины всетаки не было. Изрѣдка пѣлись пѣсни, большею частью заунывныя и арестантскія, видимо другихъ запѣвалы не знали; пѣли два, три голоса, да и то не оживленно. Больше воодушевленія замѣчалось, когда останавливался поѣздъ, и

нѣкоторые бѣжали съ чайниками за кипяткомъ. Но и кипятку не всегда доставало, и такъ не добившись ничего возвращались обратно. Андрей съ докторомъ ѣхали тогда, когда война была уже далеко не въ началѣ, позади стоялъ Лаоянскій бой, надѣлавшій столько шуму, столь блестящій, но съ поражающими жертвами въ началѣ и столь плачевный по послѣдующимъ днямъ.

Скажите, докторъ, вы надѣялись на Лаоянскій бой, что онъ повернетъ войну въ нашу пользу? спросилъ Андрей, не выдержавъ долгаго молчанія.

Въ вагонѣ стало потише; пѣсни давно стихли, и разговаривать было до нѣкоторой степени возможно. Настроеніе Андрея было приподнято; его уже втянуло въ ту военную и медицинскую среду, которая ихъ окружала.

Вѣрить-то, я вѣрилъ, отвѣчалъ докторъ, только чтобъ пристать къ толпѣ и чтобъ слышать то, что такъ охотно повторялось. Выдержать трехдневный бой всетаки задача громадная и какъ всегда сколько при этомъ было толковъ: ахъ если-бы то, или же если-бъ случилось такъ и т. д.; будто японцы, говорилось, уже все приготовили къ отступленію, а къ утру видятъ, что русскихъ на позиціяхъ нѣтъ; такъ по крайней мѣрѣ говорятъ: удивленіе японцевъ было совсѣмъ большое.

Подъемъ духа послѣ Лаоянскаго боя держался и до тѣхъ поръ, пока не дошли вѣсти о всѣхъ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя потерпѣли русскіе солдаты и русскіе офицеры послѣ того. Да, это слишкомъ печальныя страницы изъ нашего близкаго прошлаго.

Теперь будутъ строить дорогу черезъ самое озеро, сказалъ Андрей, хотя и вокругъ озера проѣхать можно.

Докторъ помолчалъ немного, точно не желая разставаться съ мыслями, которыя сидѣли въ его мозгу, но, наконецъ, махнувъ рукой, сказалъ: вы знаете Андрей Прохоровичъ, что у Байкальскаго озера по народному повѣрію—нѣтъ дна. Нѣтъ и нѣтъ, а тамъ думайте что хотите.

Почему это такъ? сказалъ Андрей.

Вы уроните предметъ, напримѣръ хоть желѣзный и этотъ предметъ не потонетъ а выплыветъ наружу, объясняйте, какъ хотите; что я самъ слышалъ, то и передаю. Или вотъ, напримѣръ, зимой: вы ѣдете по снѣгу черезъ озеро и слышите трескъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ и на этотъ трескъ вамъ ѣхать нельзя—тамъ вы встрѣтите образовавшуюся щель въ самомъ льдѣ, а если встрѣтится вамъ отверстая полоса, то объѣзжать нужно, вотъ вамъ и ледъ—вы не

съумѣете проѣхать, а мѣстный житель проѣдетъ, потому что все это онъ знаетъ. Желаю вамъ успѣха, скоро и свѣтать начнетъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вторая эскадра шла дальше, покинувъ Ревель. Позади оставались слезы и послѣднее прости и съ тѣми родными и знакомыми, которые пріѣхали провожать до такого пункта; сравнивать гдѣ прощанія были трогательнѣе—въ Кронштадтѣ или тутъ—не приходится. Довольно того сказать, что онѣ были.

Только что получилъ письмо, говорилъ Василій Евграфу, еще четыре помѣстья разгромили, мебель поломали, а по дорогѣ фруктовыя деревья перепортили и послѣ всего ушли. Сами хозяева только цѣлы остались, но имѣнія продаютъ.

Что же дѣлаютъ власти?

Власти наказываютъ невинныхъ, а виновныхъ оставляютъ гулять на свободѣ, потому разобрать—дѣло сложное, а наказать—дѣло менѣе сложное, да и сами мужики уже себя достаточно намучили. Если-бъ они понимали!

Отчего же они не понимаютъ?

Говорятъ, еврейская пропаганда; народъ возбужденъ, потому что его возбудили. А кто—причиной? Есть и главари, только такъ какъ дѣло ихъ темное, то они скрываются послѣ того, какъ достигли того, чего искали.

Теперь гдѣ только, гдѣ не находятъ и склады пороха и оружій и запрещенной литературы, всего этого отъискивается, даже и не въ одной губерніи.

Да и вторая дума оказалась съ порохомъ, только не въ переносномъ, а въ прямомъ смыслѣ. Изъ первой думы—часть подъ судомъ, изъ второй—тоже.

Ужъ не воображаютъ ли евреи слишкомъ много; скоро они начнутъ захлебываться отъ удовольствія при мысли о той роли, которую они сыграли.

Ты бы посмотрѣлъ, какъ они изворачиваются на войнѣ, сказалъ Василій, жалѣютъ, что не могутъ брать взятки, когда другіе берутъ и пишутъ фальшивые счеты. Куропаткинъ говоритъ, всѣ тѣ ошибки, которыя были въ Крымской войнѣ и въ Турецкой, всѣ неизмѣнно повторяются и тутъ, и имѣть дѣло съ такими людьми невозможно.

Другіе приписываютъ враждѣ Сахарова къ Куропаткину и слѣдующія оттуда разногласія.

Думали, думали, кого назначить главнокомандующимъ и выбрали военнаго министра; ему все должно быть хорошо извѣстно,— такъ судятъ одни люди, а другіе судятъ такъ: Скобелевъ сказалъ: ты будешь мерзавцемъ, если возьмешься быть главнокомандующимъ.

Ну и Сахаровъ на счетъ популярности слишкомъ поотсталъ, а то и хуже.

Вотъ мы тутъ сидимъ и не думаемъ, что какіе-нибудь шпіоны японскіе только и въ мысляхъ имѣютъ, чтобъ взорвать наши корабли, разставивъ мины, и дни наши сочтены, а не то что недѣли; простившись съ родными, мы простились на вѣкъ.

Въ самомъ скоромъ времени дѣйствительно послышалась пальба, настолько быстрая и частая, что не пришлось даже времени соображать, точно ли это были враги наши.

Они не уходили съ пути по даннымъ сигналамъ, и по этимъ-то лодкамъ началась пальба. Когда она окончилась, то зрителямъ представилось весьма печальное зрѣлище: изъ живыхъ можетъ не оставалось никого; безпомощные трупы висѣли, качаясь вмѣстѣ съ парусами.

Это были рыбаки, говорилъ Василій Евграфу, англійскіе рыбаки.

Вотъ возня-то подымется и переполохъ. Чѣмъ все это кончится?

Кто-жь просилъ ихъ не уходить, говорилъ Евграфъ, сами виноваты, а другіе въ отвѣтѣ.

Да ужъ и мѣстечко Гулль, кашу заварили, а расхлебывать тамъ будутъ—далеко отъ насъ—въ кабинетѣ. Вотъ и нѣмцы недаромъ говорили, что мы безъ исторіи не выйдемъ; но кого они имѣли въ виду, это все очень туманно. Пророчили намъ шпіоновъ японскихъ изъ Швеціи, а сами посылаютъ переодѣтыхъ офицеровъ—угольщиковъ; подъ углемъ-то лица не видно. Не забудь, что два мѣсяца никто изъ команды не можетъ сойти на берегъ. Таково требованіе иностранныхъ державъ. Я не удивлюсь, если начнется ропотъ при грубости нашего адмирала. Ужъ нѣсколько случаевъ было, не считая тѣхъ, которые дѣйствительно сошли съума и какъ невмѣняемые удалены. Попробуй дисциплину жестокостью наводить, все равно, что орѣхи грызть беззубому человѣку; не разгрызешь, а себѣ боль причинишь. Все хорошо на твоемъ мѣстѣ и плохо на чужомъ. Рано наши мытарства начались, вѣрно рано и кончатся и на вѣки.

А у насъ еще впереди спасать Портъ-Артуръ и пробиться на Востокъ.

Какъ томительно теперь, что телеграммъ скоро не получаемъ, а то, что узнаемъ изъ иностранныхъ газетъ не всегда оказывается вѣрнымъ.

«Еще одно послѣднее сказаніе, и лѣтопись окончена моя»; будутъ поминать раба Божьяго Василія, закончилъ свою рѣчь Василій Зеленовъ.

Тутъ подошелъ къ нимъ офицеръ Митулинъ и разсказалъ, какъ подвозили имъ въ баркахъ или большихъ лодкахъ провизію китайцы и какъ нѣсколько изъ нихъ поплатились за то жизнью, какъ крейсировали нѣкоторыя русскія суда и сообщались съ Владивостокомъ. Говорилъ также и о томъ, сколько было взорвано русскими японскихъ судовъ, сколько штурмовъ отбито въ Портъ-Артурѣ, гдѣ японцы карабкались чуть не по отвѣсной стѣнѣ; однѣ осады начинались днемъ, другія ночью. Послѣ большихъ потерь японцы уходили, а Стессель получалъ награды.

«Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога»,—сказалъ Василій.

Будетъ съ тебя, сказалъ Евграфъ, ты всего Пушкина приплетешь, а дѣлу не поможешь.

«Мнѣ грѣшному»—вотъ и все, я докончилъ, сказалъ Василій.

Если докончилъ, то пойдемъ, выпьемъ по рюмкѣ, довершимъ нашъ день, сказалъ Евграфъ, который при этомъ еще курилъ хорошія сигары; всѣ папиросы уже вышли—весь привезенный съ собой запасъ.

Время шло, и всѣ броненосцы, крейсера, миноноски и транспортныя суда подвигались дальше. Жизнь судовая начинала временами тяготить Евграфа несмотря, на постоянную смѣну пейзажей и даже національностей; какъ онъ самъ выражался, мы прошли мимо девяти государствъ и должны обогнуть всю Африку.

Недоставало ему какой-то одной мысли, за которой онъ тщательно гонялся и не находилъ; въ переложеніи на обыденную рѣчь онъ назвалъ бы удовлетвореніе, но для него самаго это было рѣшеніе какой-то намѣченной задачи; такъ ему по крайней мѣрѣ представлялось.

Другъ Евграфа Василій Зеленовъ употреблялъ старанія, чтобъ развлечь Евграфа, боясь, что онъ сойдетъ съ ума, такъ какъ по выходѣ изъ Кронштадта уже было нѣсколько подобныхъ случаевъ умопомѣшательства и одинъ—съ начальникомъ одного изъ кораблей.

По моему все пустое, говорилъ Евграфъ. Что онъ этимъ хотѣлъ сказать? Это было довольно сложно, но выражало отвѣтъ на его собственныя мысли.

Но ты себя не порти, говорилъ на это Василій; моя жизнь—копѣйка, это что, не я, такъ другой, не въ этомъ дѣло.

Въ чемъ же тогда?

Поработай сколько силъ есть, а тамъ, что Богъ дастъ.

А кто же намъ дастъ угля для столькихъ судовъ?

Объ этомъ нужно было раньше думать, до выхода изъ Кронштадта.

Кто дастъ лекарства для больныхъ, когда ихъ цѣлый городъ?

Это уже не въ моей власти.

Ты сигары досталъ?

У нѣмецкаго офицера, который пришелъ переодѣтымъ къ намъ на пароходъ.

Скоро мы подойдемъ къ Испаніи; тутъ мы должны уголь съ своихъ же судовъ перегружать, но для этого зайти въ портъ; намъ и этого не позволятъ.

Говорятъ, уже начаты переговоры.

Что ни день, то передряга; тутъ этотъ Гулль нашумѣлъ. Теперь подходимъ къ Франціи; утверждаютъ, что ей Японія прислала свои строгія предписанія и Франція ихъ даже приняла.

«Еще одно послѣднее сказаніе»... сказалъ Василій.

Рано, слишкомъ рано до послѣдняго сказанія.

Послѣднее слово, которое я скажу умирая, знаешь какое?

Нѣтъ, не знаю.

Я скажу тому, который будетъ при мнѣ: не поминай лихомъ, и довольно, а если никого не будетъ, то вручу свою душу угоднику святому Николаю, онъ поведетъ всѣ наши суда по морю, онъ и приведетъ ихъ къ желанной цѣли.

Ты такъ ноешь, что даже тошно съ тобой быть. Ты-ли это, Василій Зеленовъ, весельчакъ и балагуръ?

Я, именно самый, пока это я, а не видѣніе. Ты въ загробную жизнь вѣришь?

Вѣрю.

Я точно также вѣрю; а слѣдовательно и тамъ встрѣтимся. Выпьемъ за нашу будущую жизнь. Это также чего-нибудь да стоитъ.

Выпьемъ за звѣзды южнаго неба, которое во мнѣ возбуждаетъ удивительно странное чувство. Подъ сѣверомъ — я одинъ, подъ югомъ—я другой, и только изъ-за этихъ самыхъ звѣздъ. Точно связано съ ними что-то таинственное въ душѣ—что-то такое же необъятное, но ощутительное, когда онѣ замѣтны для глазъ.

Еще одно послѣднее, сказалъ Василій, но тутъ чай, выпитый съ ромомъ, оказалъ свое вліяніе, и Зеленовъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Какія же это мины? спрашивалъ Евграфъ офицера Митулина, бывшаго въ Портъ-Артурѣ при нѣсколькихъ осадахъ.

Эти мины движутся сами собой при посредствѣ сжатаго воздуха, но разстояніе, которое онѣ проходятъ, равняется восьмидесяти шести саженямъ; бываетъ и больше. Попавъ въ намѣченную цѣль, мина дѣлаетъ пробоину въ желѣзѣ, а остальная часть корабля остается невредимой. Когда въ ночь на 27-е января, еще безъ объявленія войны, хотя о нарушеніи мира давно говорилось, произведена была минная атака на флотъ, стоявшій въ Портъ-Артурѣ, непріятельскіе миноносцы подошли на столько близко, что на вопросъ, кто идетъ, съ нихъ по-русски отвѣчали: «Грозовой» — названіе русскаго миноносца. Когда же замѣтили уже пущенную и приближающуюся мину къ крейсеру «Палладѣ», не было уже времени остановить взрывъ. Пробили тревогу; это все, что было возможно; послѣ чего по общей командѣ принялись за тушеніе начавшагося пожара. Загремѣли орудія и началось отраженіе миннаго нападенія, которое было направлено еще и на другія русскія суда.

Эта первая минная атака была только приготовленіемъ къ серьезному бою, который начался съ утра на слѣдующій день: началась бомбардировка Портъ-Артура, при которой снаряды падали въ бассейнъ, не причиняя поврежденій. Непріятельская эскадра только бронированная и состоящая изъ главныхъ силъ, открыла огонь по крѣпости и по флоту. Бой продолжался 45 минутъ и, благодаря сильному огню со стороны русскихъ судовъ, а также и крѣпости, непріятельская эскадра отошла съ пораженіями; по свидѣтельству нейтральныхъ судовъ, шесть выбыло изъ строя, одни шли на буксирѣ, другія подверглись аваріи, два были потоплены и три миноносца пропали безъ вѣсти.

Кромѣ шума отъ летящихъ снарядовъ, въ Портъ-Артурѣ большой переполохъ производили въ первый день китайцы, бѣжавшіе съ шумомъ прочь изъ города; ихъ было до тысячи. Изъ русскаго населенія женщинъ и дѣтей многіе спѣшили уѣхать.

Экъ ихъ подмывало, лѣзли, какъ аспиды, очертя голову, на вѣрную смерть, сказалъ Евграфъ, только что слышавшій разсказъ

о томъ, сколько штурмовъ было отбито на Портъ-Артуръ, какъ было уничтожаемо при нѣкоторыхъ осадахъ до 10 тысячъ японцевъ, какъ были усилены русскія укрѣпленія, какія для этого были сдѣланы большія и основательныя работы, о томъ, какъ германскій императоръ Вильгельмъ прислалъ по прусскому ордену «pour le mérite» и коменданту Портъ-Артура Стесселю и японскому адмиралу Ноги, о томъ, какъ усиленъ былъ гарнизонъ доставкой, отправленной до того, когда было отрѣзано высадившимися японскими войсками сообщеніе между Портъ-Артуромъ и всей сухопутной арміей.

У нашихъ враговъ есть такое повѣріе, сказалъ Митулинъ, что лучше умереть на войнѣ, чѣмъ вернуться домой безъ побѣды, такъ какъ ихъ дома осмѣютъ; даже раненымъ, которые теперь возвращаются, нѣтъ почета. Потому передъ сраженіемъ они молятся своимъ богамъ только о томъ, чтобъ умереть, и когда смерть щадитъ ихъ, то молятся предъ слѣдующимъ сраженіемъ еще сильнѣе. Дома ихъ ждетъ нищета, голодная жизнь годами цѣлой семьи, а смерть отъ всего этого ихъ избавитъ. Какъ же имъ не желать ея! И такихъ людей десятки тысячъ. Этотъ фанатизмъ доходитъ до того, что оставшіеся японцы дома сами себя лишаютъ жизни и во всѣхъ находятъ одобреніе. Предъ сраженіемъ японцы нѣкоторые не ѣдятъ нѣсколько дней, то есть количество употребляемой пищи доходитъ до невыразимо малаго размѣра, а въ остальное время они болѣе чѣмъ умѣренны.

Съ одной стороны Портъ-Артуръ со своими штурмами, съ другой—гулльское дѣло—инцидентъ въ Сѣверномъ морѣ, говорилъ Василій Зеленовъ и, пожимая плечами, уходилъ въ сторону; даже свои папиросы и сигары онъ совсѣмъ забылъ, настолько разсказы о Портъ-Артурѣ заняли всѣ его мысли.

Теплая южная ночь, которая спустилась у береговъ Франціи, и тысячи или лучше миріады звѣздъ, которыя не замелькали, а засыпали все небо—все наполнило міръ той торжественностью, которая существуетъ, но недоступна для смертныхъ. Въ душѣ Василія Зеленова, этого скептика и весельчака, происходилъ какой-то внутренній переворотъ. Та жизнь, которую онъ самъ на словахъ считалъ за копѣйку, которую тратилъ какъ неощущаемый даръ, вдругъ пріобрѣла въ глазахъ его совсѣмъ другое значеніе. Мысленно онъ почувствовалъ, что въ немъ живетъ частица Бога, мысленно на минуту содрогнулся, таковъ ли онъ былъ, какъ это слѣдуетъ, но это содроганіе также моментально и исчезло безъ всякаго отвѣта, котораго никто не спрашивалъ.

Когда при такомъ настроеніи Василія Евграфъ пытался заговорить съ нимъ, то выходило нѣчто дикое. Евграфъ самъ серьезный и сосредоточенный, не вѣрилъ въ такую же серьезность въ товарищѣ и тотъ поневолѣ долженъ былъ опять перемѣниться и сталъ самъ собой.

Какъ волны морскія запоютъ надо мной надгробную пѣснь, сказалъ Зеленовъ, то я уйду въ гости къ рыбамъ; то-то весело будетъ; вода, говорятъ, кажется зеленой, растеній—масса, одно только и пожалѣю, что ненадолго; зеленый пиръ—съ зеленой водой, зелеными растеніями и зелеными рыбами. Для начала—это фантастично. Евграфъ смотрѣлъ на Василія неподвижнымъ, безсмысленнымъ взглядомъ. «Однимъ Василіемъ будетъ меньше на свѣтѣ». А что, если я доживу и доберусь до Портъ-Артура. Но нѣтъ! Я уйду раньше, одно только меня гнететъ и не даетъ покоя, это то, что моя мать будетъ плакать обо мнѣ. Не будь этого, вѣрь Евграфъ, что все и гроша мѣднаго не стоитъ.

Евграфъ оставался по прежнему неподвиженъ, смотря по временамъ на звѣзды. Дорого бы далъ Василій, чтобъ проникнуть въ его душу и прочесть въ этихъ глазахъ, глубина которыхъ въ эту минуту была неизмѣрима; взоръ его становился еще свѣтлѣе и еще непонятнѣе для Василія, какъ будто самъ Евграфъ весь состоялъ только изъ одной одухотворенной матеріи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Время шло и Аврора и Паллада и всѣ слѣдовавшія съ ними суда подвигались впередъ. Въ Испаніи перегружали уголь и затѣмъ съ непродолжительными остановками предстояло обогнуть Африку. Другая часть судовъ пошла по направленію Суэзскаго канала.

Тотъ путь, по которому направились Евграфъ и Василій Зеленовъ, шелъ огибая Африку. Для нагрузки углемъ заходили въ мелкіе и неизвѣстные порты и бухты, какъ того требовалъ нейтралитетъ Франціи. Ничего рѣзко выдающагося за все это время не происходило. Шли почти-что однообразные толки о войнѣ, которымъ къ тому же часто приходилось не вѣрить, такъ какъ французскія сообщенія иногда оказывались невѣрными.

Въ виду наступательнаго движенія японцевъ и ихъ прославленныхъ успѣховъ, французы сплошь и рядомъ печатали въ га-

зетахъ похвальные отзывы и даже замѣтно было нѣкоторое начавшееся охлажденіе къ русскимъ.

Все это вмѣстѣ взятое отзывалось на многихъ, въ томъ числѣ и на Василіѣ Зеленомъ, такъ что Евграфу приходилось выслушивать отъ него длинныя тирады меланхолическаго свойства, тѣмъ болѣе, что развлеченій было совсѣмъ мало, если не считать тѣ празднества фантастическаго характера, которыя устраивались при переходѣ черезъ экваторъ; другія же развлеченія были низкаго характера: забавлялись обезьянками, дрессированными собаками и другими разными животными, которыхъ для курьеза брали на палубу.

Русскій кошмаръ все еще дѣйствуетъ, говорилъ Василій Зеленовъ.

А ну ее политику, отвѣчалъ Евграфъ. Прежде выражались: «англичанка подгадила».

А ну ее, англичанку.

Теперь это все разработано, подведено подъ рубрику и сваливаютъ на бюрократію нашу, разумѣй.

При чемъ же тутъ бюрократія?

При томъ, что если внутри страны бюрократія не стѣсняется ни законами, ни общимъ правомъ, то также можетъ она не стѣсняться и съ иностранными державами: это и есть русскій кошмаръ.

Это—такъ съ точки зрѣнія европейской науки, а со стороны русскаго человѣка иначе; Англія желаетъ, чтобъ все провѣрялось ею въ Россіи. А что же сама Англія избавлена отъ злодѣевъ и безчестныхъ людей? Процентъ данныхъ оказывается громаднымъ, а положеніе низшихъ слоевъ имѣетъ вопіющій характеръ. Но все это ея личное дѣло.

Россія еще не подведена подъ общій уровень Европы и идеалъ европейской страны; «душа европейская» ей еще не навязана— та самая, которая составляетъ предметъ поклоненія столькихъ націй. Итакъ внѣшніе враги желаютъ блага при посредствѣ кровопролитныхъ войнъ, а внутренніе наши враги это фаворитизмъ и хищничество. Никто не желаетъ несчастій Россіи и между тѣмъ всѣ ихъ создаютъ и только объ этомъ думаютъ. Такъ было въ 1815 г. и также въ 1855 году, когда соединенныя государства дѣйствовали противъ «странной» русской народности. Теперь же отчужденіе отъ насъ и близость къ врагамъ становятся даже замѣтными.

Затѣмъ признаніе государственной культуры Японіи уже всѣми отмѣченный фактъ.

Какую газету иностранную ни возьми, только и рѣчи, что про эскадру Рождественскаго.

Во всякомъ случаѣ съ одной стороны изъ-за угля приходится двигаться медленнѣе и въ то же время опасаясь его недостатка воздерживаться отъ быстрыхъ передвиженій.

Обо всемъ этомъ все было сказано еще до отправки и тѣмъ же, которые говорили, пришлось поплатиться.

А и впрямь, Евграфъ, будемъ курить гаваньскія сигары и въ облакахъ дыма забывать дѣйствительность. Какіе у меня воздушные замки возникаютъ въ облакахъ дыма. Я уже не вижу больше зеленыхъ подводныхъ деревьевъ; а я представляю себя въ какой-то холмистой мѣстности, я плыву вверхъ по рѣкѣ, мимо идутъ какія-то болотистыя мѣста, гдѣ нельзя различить ни травы, ни воды, ни почвы, и тамъ и сямъ возвышаются какія-то деревья съ твердыми стволами, но низкорослыя, вѣтки вродѣ хвойныхъ и темныхъ и другія, вродѣ травъ, такой яркой зелени, что все остальное кажется болѣе сѣрымъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ; также сѣрымъ кажется и все то, что находится на второмъ планѣ, удаляющіеся холмы съ едва замѣтной растительностью и постройками, все это кажется почти сѣрымъ или сѣрозеленымъ. Затѣмъ я попадаю какимъ-то образомъ въ большой городъ, улицы всѣ вымощены плитами, дома—порядочные, и въ томъ зданіи, куда я прихожу, большое собраніе, все больше дамы и въ сѣрыхъ платьяхъ, изрѣдка въ свѣтлыхъ полосатыхъ бѣлыхъ съ зеленымъ, и всѣхъ вниманіе обращено на меня; почему-то мнѣ не по себѣ, я хотѣлъ бы бѣжать, провалиться сквозь землю, но роковая сила меня держитъ и даже я нахожу странное удовольствіе въ такой странной и сѣрой по своему цвѣту обстановкѣ: я не сказалъ, что плиты улицъ—только сѣрыя, также и зданія: стѣны, крыльцо лѣстницы—все только изъ сѣраго какого-то камня. И вотъ когда только что началъ освоиваться со всѣмъ, я сталъ чувствовать, что земля вся понемногу начинаетъ двигаться.

Ты все время находишься на кораблѣ, какъ же тебѣ не испытывать постояннаго движенія?

Можетъ быть и отъ этого, только все это было въ какомъ-то своеобразномъ родѣ.

Что-же это сонъ? дѣйствительность это не можетъ быть.

Но въ это время налетѣлъ сильный порывъ вѣтра. Все засуетилось, все зашевелилось, все задвигалось и слова заглушались вѣтромъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

На слѣдущій день послѣ бури Евграфъ лежалъ какъ бы разбитый въ своей каютѣ.

Видно, что мы еще не прошли мыса Доброй Надежды; потрепало насъ.

Вотъ охота вспоминать! Выпьемъ лучше мадеры, говорилъ Василій Зеленовъ, мы безпечальные моряки.

А, что, братъ, разскажи мнѣ опять что-нибудь фантастическое: плывешь этакъ въ какихъ-то сферахъ и не знаешь, куда и зачѣмъ. Расчудесно! право! Одно слово: уйти отъ дѣйствительности.

Ну, ладно. Вотъ подымаемся мы по одной тропинкѣ; песокъ — такой гладкій, что будто кто языкомъ лизалъ, ни камня, ни листка, ни сора — все гладко, подобрано, трава — тоже гладко срѣзана, кусты, а не деревья то же все кругленькія; вблизи-то я разглядѣлъ, что это были деревья, но только низенькія, а издали мнѣ показались кустами. Вотъ иду я по тропинкамъ и дохожу, наконецъ, до домика, который издали мнѣ казался наперсткомъ или примѣрно ульемъ, вхожу въ двери—никого; въ одну комнату, въ другую—тоже никого. Что за явленіе, думаю я, гдѣ же хозяева; зову, тоже ничего. Въ комнатахъ все чисто, на полахъ циновки, на нѣкоторыхъ циновкахъ—матрасы. Охота мнѣ страшная была разлечься, усталъ отчаянно, ѣсть нечего, что тутъ будешь дѣлать?

Да ты мнѣ сонъ разсказываешь, отвѣть, не мучь меня.

Выслушай до конца, можетъ быть и не совсѣмъ сонъ.

То-есть какимъ это образомъ, я въ толкъ не беру.

Вотъ только что я разлегся, слышу музыку, а ѣсть всетаки хочется, пробую встать и не могу, точно прикованъ я къ той самой циновкѣ или къ матрасу, которые меня притянули. Неужели это сказка, думаю я. Что же это?

Ну разумѣется, сказка: да ты о себѣ говоришь?

Такъ я съ этими мыслями и заснулъ. Когда я проснулся, то первое, что я увидѣлъ черезъ окно: это багровый закатъ. Не сразу я сообразилъ, гдѣ я и что я еще цѣлый день не ѣлъ; оборачиваюсь: около меня стоитъ небольшой столикъ, на столѣ тарелочка съ рисомъ, сладкіе грецкіе орѣхи, сладкія вишни и груши. Представить себѣ не можешь, какъ я обрадовался всему, но никого всетаки не вижу.

Но, скажи мнѣ что—сонъ?

Нѣтъ, не совсѣмъ сонъ. Вотъ такимъ манеромъ, я, какъ говорится, пообѣдалъ и къ ночи опять заснулъ. Сколько времени я спалъ я не знаю, но я проснулся отъ сильнаго вѣтра и шума; опять никого не видно и не слышно. Вѣтеръ между тѣмъ все сильнѣе: вотъ вижу, къ моему удивленію, одна стѣна изъ комнаты падаетъ, взглядываюсь: это были длинныя ширмы. Смотрю—другая стѣна падаетъ, вижу, что и это были только ширмы. Наконецъ, къ моему ужасу, совершенно ясно замѣчаю, что и вся стѣна начинаетъ наклоняться, а вѣтеръ тѣмъ временемъ все сильнѣе и сильнѣе; черезъ окно вижу, какъ сгибаются всѣ деревья. Дернуло меня забираться въ этотъ домикъ; я проклялъ судьбу, которая меня завела, рѣку и лодку, которыя были причиной моей поѣздки. Я пожалѣлъ даже, зачѣмъ я съѣлъ орѣхи и сладкія груши и вишни, такъ какъ иначе я не остался бы въ домѣ и избѣгъ бы этого ужаснаго явленія?

Ну да безъ сомнѣнія это все ты видѣлъ во снѣ: была сильная буря, вѣтеръ металъ, что могъ метать, и все это косвеннымъ образомъ повліяло на твои сновидѣнія. Что же это—была ночь, когда ты проснулся.

Нѣтъ еще не была ночь, такъ что я спалъ всего меньше часу. Но вскорѣ, несмотря на стѣну, которая наклонилась и готова была меня задавить, я всетаки заснулъ; когда я проснулся, было уже утро; все было залито солнечнымъ свѣтомъ, весь окружающій домъ, садъ и всѣ тропинки, по которымъ я шелъ. Стѣна по прежнему оставалась вся въ косомъ положеніи, но дальше не шла. Я поспѣшилъ уйти изъ этого гостепріимнаго и въ то же время напугавшаго меня домика и вернулся на свой корабль.

Слѣдовательно, это была дѣйствительность?

Да, дѣйствительность; но если-бъ я сказалъ это сразу, то ты не сталъ бы слушать меня.

А дальше что было?

Дальше я объяснилъ тѣмъ, которые пожелали со мной ѣхать, какъ надо найти рѣку, какъ надо ѣхать, мимо какихъ лѣсовъ; но все было напрасно. Никакой рѣки мы больше не нашли, видимо мы сбились съ пути. Оставалось намъ пройти въ большой городъ и тамъ, смѣшавшись съ толпой идущихъ, провести цѣлый день. Отъ вѣчно бѣгущихъ и снующихъ людей, отъ говора, отъ какихъ-то однотонныхъ звуковъ музыки, откуда то исходящихъ, отъ всевозможныхъ понятныхъ и непонятныхъ рѣчей, я начиналъ чувствовать какой-то туманъ въ головѣ; къ тому же и предъидущее все удивленіе еще не улеглось; я неясно ощущалъ, зачѣмъ я иду

и куда стремлюсь; если-бъ не товарищи, то я опять могъ зайти куда-либо и неизвѣстно къ чему все это могло привести.

Итакъ это не сонъ ты повторяешь?

Нѣтъ, это не было сномъ, но была ли это дѣйствительность, я не совсѣмъ увѣренъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ декабрѣ эскадра стояла у Мадагаскара въ бухтѣ Нози-бей. Это была почти первая стоянка, по крайней мѣрѣ для нижнихъ послѣ болѣе чѣмъ двухмѣсячнаго плаванія. Горячее солнце пекло такъ, какъ жерло вулкана. Никакая одежда не помогаетъ спастись или уменьшить силу жара; сапоги жгутъ, какъ раскаленные угли; употребленіе шлемовъ на головѣ необходимо; безъ нихъ подвергаются солнечнымъ ударамъ.

На бортъ «Суворова» пришла цѣлая партія торговцевъ; между заинтересовавшимися были Евграфъ Ремесленниковъ и его собутыльникъ Василій Зеленовъ. Привезли разныя бездѣлушки изъ дерева, бусы, раковины и тому подобное. Отъ нечего дѣлать ихъ перебирали; иные накупали.

Ужъ лучше и ненужное, чѣмъ проиграть въ кафэ съ полсотни рублей или 170 франковъ на ихъ деньги, говорилъ разсудительный Евграфъ.

Ты не понимаешь тонкости азартной игры, отвѣчалъ Василій, а вещь—что! все равно бросишь или отдашь кому, чтобъ тебѣ самому не мѣшало. Игра! сколько тутъ испытываешь волненій, экстаза... Даже какой-то тоски, но, увы, все кончается разочарованіемъ. И столько такихъ, какъ я, съ десятокъ, наберется. За то или панъ, или пропалъ!

Ваше благородіе, посмотрите, какіе крабы и какъ они ползуютъ.

Вотъ и морской ежъ, сказалъ одинъ матросъ.

А обезъянки, какія забавныя, сказалъ одинъ матросъ Ѳедоръ, иную выучишь разнымъ штукамъ, потѣха съ ними, но иной разъ и убытки бываютъ, то посуда разобьется, то-что. Экъ ихъ, угораздитъ отличиться!

Ихъ этихъ либераловъ и совсѣмъ лучше изгнать вонъ, сказалъ Вас. Дегучевъ.

Такъ и всѣ говорятъ, сказалъ первый матросъ Иванъ, если-бъ адмиралъ ихъ велѣлъ бы прочь убрать, а то надоѣли.

Если-бъ отъ меня зависѣло, то я велѣлъ бы убрать всю эту блажь.

Нельзя, ваше благородіе, забава тоже нужна, иной разъ такая тоска заѣстъ, что и такому пустяку радъ, да еще и офицеровъ другихъ потѣшатъ.

Ты мнѣ лучше не говори всякой всячины.

Мы всегда рады стараться, ваше благородіе.

Многіе изъ офицеровъ получили на Мадагаскарѣ по цѣлой пачкѣ писемъ.

А потому первое время стояла сравнительная тишина, такъ какъ многіе сидѣли въ своихъ каютахъ и строчили на родину длинныя письма, и въ то же время почтовая контора осаждалась цѣлыми вереницами. Раскупались сигары и папиросы, на которыя былъ самый большой спросъ. Жизнь становилась монотонной и малоинтересной. Каждый день выходили суда въ море, для упражненія въ стрѣльбѣ.

Нерасположеніе къ нѣкоторымъ было довольно сильное; бунты, которые начались еще при огибаніи африканскихъ береговъ, теперь только усилились; наказанія, которыя за ними слѣдовали причиняли часто болѣзни и со смертельнымъ исходомъ, напримѣръ сидѣніе въ темной комнатѣ, рядомъ съ пропитанной влагой помѣщеніемъ и при ужасающе-высокой температурѣ.

Отольются адмиралу N на томъ свѣтѣ всѣ наши слезы, говорилъ матросъ Иванъ.

А, быть можетъ, и тогда его душа будетъ покрыта такой же толстой, непроницаемой шкурой, отвѣчалъ матросъ Ѳеодоръ,—шей, до упаду, работай безъ устали, а и спасибо никогда не услышишь, очень оно выходитъ накладно.

А это какъ-же такъ?

А такъ, что двадцать часовъ работаешь, а смотришь и то все не ладно! А ёнъ его знаетъ, отчего такъ. Не знаю, какъ у другихъ народовъ, если безъ бунтовъ бываетъ, а у насъ оно такъ. Инда смотрѣть жалко, изъ чего надсаживаются, чтобъ потомъ стало еще хуже.

Вѣстимо такъ, что легче не станетъ. Многіе готовятся къ смерти, а другихъ она ждетъ за плечами; какъ гостья тутъ стоитъ, желанная или непрошенная.

Для многихъ Мадагаскаръ сталъ могилой, такъ что образовалось цѣлое кладбище; дня не проходило, чтобъ не хоронили двухъ или трехъ, а то и больше.

Не только гибли отъ заразныхъ болѣзней, но еще въ такую жару—отъ солнечныхъ ударовъ.

Одно изъ развлеченій было—посѣщеніе кофейни, которое оставляло потомъ въ душѣ горечь. Природа здѣсь не была въ большинствѣ случаевъ богатая, и мѣстами только и виднѣлись подходящіе къ зданіямъ морской песокъ и само море. Жители острова не располагали въ свою пользу: которые изъ европейцевъ не отличались ни умомъ, ни изворотливостью, которые изъ туземцевъ отличались своей дикостью.

Въ нихъ не было ни радушія, ни гостепріимства, ни даже веселія, всѣ три черты, которыя хотя съ виду и для перваго впечатлѣнія скрашиваютъ дикость.

Число русскихъ, прибывшихъ и размѣщенныхъ на военныхъ судахъ, доходило до 10.000.

Жизнь на нѣкоторыхъ судахъ шла съ большимъ напряженіемъ, особенно же на адмиральскомъ, гдѣ самъ адмиралъ не ложился спать раньше 3 часовъ ночи, работая надъ картами и надъ смѣтами. Каждое даже самое обыкновенное событіе изъ жизни на островѣ имѣло свой отпечатокъ и свои послѣдствія.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Для многихъ Мадагаскаръ явился послѣднимъ пребываніемъ на землѣ; болѣе двухъ и трехъ десятковъ людей нашли тамъ свою могилу.

Многіе изъ живыхъ приготовлялись къ ожидаемой смерти въ близкомъ будущемъ, какъ къ таинству; такихъ насчитывали сотнями.

Вотъ письмо, которое получилъ Евграфъ, отъ своей матери:

Драгоцѣнный сынъ мой.

Мы всѣ благодаримъ тебя за твои письма, читаемъ ихъ и молимся за тебя каждый день, а я иногда то и каждый часъ. Надѣюсь, что наши горячія молитвы будутъ услышаны Господомъ Богомъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось разсказать тебѣ все, что у насъ происходитъ, но это немыслимо, да и ты думать будешь мало, прочтешь и забудешь, такъ что все, что хочу тебѣ сказать, я оставлю до другого времени. Авось, Господь милостивъ, и будетъ не такъ ужъ худо. По крайней мѣрѣ Богъ велитъ надѣяться; всѣ мы живемъ Его милостями и согрѣваемся Его любовью, которая сильнѣе всѣхъ скрѣпляетъ всѣхъ людей. Насколько моряки беззавѣтно исполняютъ долгъ свой, къ этому я присмотрѣлась; это не

безпокоитъ меня; безстрашной храбрости вамъ не занимать у другихъ. Хотѣлось бы мнѣ тебѣ послать словъ для утѣшенія, но всѣ мы находимся въ унынiи. Андрей тоже отъ насъ уѣхалъ, но его письма дышатъ такимъ спокойствіемъ, что не чета твоимъ. Даже многіе ужасы онъ изображаетъ совсѣмъ иронически, такъ что впечатлѣніе получается нѣсколько иное. Напримѣръ, въ одномъ изъ первыхъ писемъ разсказывалъ о томъ, какъ разлившейся рѣкой уносило лошадей, багажъ и иногда людей, какъ одинъ изъ конвоирующихъ казну, то-есть ящикъ съ порученными деньгами, ни за что не хотѣлъ разстаться съ нимъ, такъ и поплылъ вмѣстѣ по рѣкѣ, но къ счастью ихъ прибило къ мосту и удалось спасти; даже людей будто бы и не погибло, а только лошади, такъ какъ все это случилось днемъ.

Много и другихъ разныхъ случаевъ передаетъ, но объ этомъ когда-либо въ другой разъ. Обнимаю тебя.

Твоя мать.

О томъ, что происходило на театрѣ военныхъ дѣйствій, Евграфу писала Антонина; больше всего о Мищенкѣ, котораго называла легендарнымъ героемъ, и о Кондратенкѣ, котораго любили солдаты и сослуживцы. Евграфъ и самъ слыхалъ о нихъ по наслышкѣ, объ этихъ герояхъ, и это была одна изъ не многихъ любимыхъ темъ въ разговорахъ.

Впрочемъ, оканчивались послѣдніе всегда какимъ-то брюзжаніемъ и неудовольствіемъ.

Вотъ письмо Тони къ брату:

Дорогой Графунчикъ!

Трудно себѣ представить, какая идетъ безтолочь на войнѣ, какія передряги между главнокомандующими, какія затрудненія и потери при постоянномъ передвиженіи даже и послѣ удачно отбитыхъ нападеній. Все отступленіе и вмѣсто обѣщанныхъ боевъ подъ разными предлогами стягиваются войска все къ новымъ и къ этимъ и опять новымъ пунктамъ. Котлы вынимаютъ, посуда при уборкѣ приходитъ въ безпорядокъ, я разумѣю при лазаретахъ; по прибытіи на мѣсто все должно устраиваться снова, какъ-то: печи, приспособленіе комнатъ и, несмотря на то, что все и высылается и на мѣстѣ получается, иногда проходитъ два, три дня, когда достается необходимое.

Однимъ словомъ, à la guerrc, comme à la guerre. Что-то съ вами будетъ, когда вы поставлены не на твердую, а на колебле-

мую почву. Когда я читала о жертвахъ на «Рюрикѣ», то мнѣ представилось, что ничего хуже быть не можетъ, развѣ не считать тѣхъ, которые на «Стерегущемъ» открыли люки и потопили себя. Обнимаю тебя. Тоня.

Когда Евграфъ окончилъ читать, то замѣтивъ Василія, который преважно раскуривалъ сигару, сказалъ: Нашъ истуканъ опять сидѣлъ до 2 час. ночи надъ чертежами; я видѣлъ свѣтъ въ его каютѣ.

Какъ ты думаешь, Евграфъ помѣшается онъ на углѣ или это такъ только, какъ говорится, за неимѣніемъ лучшаго?

А ёнъ его знаетъ, отвѣчалъ полушутливо Евграфъ.

Мнѣ сдается, что и у него согласія среди подчиненныхъ нѣтъ, какъ у Куропаткина съ Алексѣевымъ.

Не откуда и быть, все равно что вѣтра искать въ полѣ или воды набрать въ рѣшето.

Въ это время къ нимъ подошелъ офицеръ Митулинъ. Такихъ, какъ онъ, бывшихъ подъ Портъ-Артуромъ, было нѣсколько.

Въ одинъ изъ штурмовъ, говорилъ Митулинъ, мнѣ пришлось взять въ плѣнъ японскаго офицера, совсѣмъ выбившагося изъ силъ. Онъ искалъ смерти и не находилъ ея. Мнѣ онъ передалъ, какъ онъ говорилъ, «свой прахъ», то есть свертокъ съ прядью волосъ и засохшими листьями, чтобъ отправить на родину, а самъ на моихъ глазахъ лишилъ себя жизни. Мы говорили по-англійски.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

У Ольги Епифановны былъ вечеръ въ самомъ разгарѣ; съѣхались почти всѣ, кто могъ въ этотъ день пріѣхать, недоставало можетъ-быть четырехъ или пяти, которыхъ тѣмъ не менѣе ждали съ нетерпѣніемъ и хозяйка дома и нѣкоторые изъ гостей. Было нѣсколько важныхъ гостей, которые цѣдили или мѣрили каждое свое слово, когда приходилось говорить о политикѣ, такъ что молодые люди чиновники и офицеры, предполагавшіе что-либо особенно важное узнать должны были оставить всякую надежду въ этомъ отношеніи и заняться разговоромъ съ дамами. Дамы же, наоборотъ, не стѣснялись въ своихъ сужденіяхъ, не всѣ, конечно, а только тѣ, которыя стояли настолько въ исключительномъ положеніи въ общественной сферѣ, что все находили милымъ, остроумнымъ и кстати.

Катя Тормашева и младшія сестры Елены Ивановны, всѣ въ изысканныхъ туалетахъ, почти не позволяли себѣ никакихъ замѣчаній, а если и говорили, то между собой, такъ что кавалерамъ, сидящимъ въ ихъ сосѣдствѣ, начинало дѣлаться нестерпимо однообразно. Одинъ изъ офицеровъ подошелъ къ Марьѣ Павловнѣ, для болѣе пріятнаго общества, какъ онъ мысленно выражался. Въ этомъ отношеніи онъ, оказалось, былъ правъ. Но Марья Павловна въ свѣтскомъ салонѣ была совсѣмъ не та, какъ дома и въ кружкѣ близкихъ друзей. Среди послѣднихъ она была откровенна и свободна въ выборѣ своихъ, именно своихъ мыслей; здѣсь же Марья Павловна мило улыбалась почти на всѣ даже разностороннія мнѣнія и говорила скорѣй заставляя собесѣдника высказываться, но никакъ не самой. Этимъ она достигла большихъ результатовъ, по отношенію разговора, и кромѣ того возбуждала симпатію. Валеріанъ за все это время держался въ сторонѣ.

Охота людей томить, говорилъ офицеръ, я бы на мѣстѣ Куропаткина отказался отъ должности; вѣдь это прямо отсутствіе всякаго таланта; говорили, что людей—нѣтъ, теперь войска прибыли; это прямо какое-то мороченье; повѣрите ли, есть такіе, которые прямо уходятъ, не предвидя хорошаго исхода.

Но Куропаткинъ самъ вызвался на войну какъ говорятъ? сказала Марья Павловна.

Во-первыхъ, онъ былъ министромъ, сказалъ офицеръ, а потому зналъ всю подготовку, все передвиженіе, а можетъ-быть даже объ этой войнѣ были еще и тогда планы, когда объявленія никакого не существовало.

Все возможно.

Это—ново, что вы говорите, сказала Марья Павловна; выходитъ, пожалуй, такъ, что даже и отъ Куропаткина зависѣло еще до войны—начать ее или нѣтъ.

Это едва-ли такъ. Японцы выстроили громадный флотъ; цѣлый милліонъ жителей имѣетъ на флотѣ пристанище, но ѣсть имъ всетаки надо; не отвертишься; съ одной стороны—голодная смерть, а съ другихъ—прямая и быстрая. По ихъ ученію человѣкъ послѣ смерти получаетъ другое названіе, а не то, которое ему было присуще здѣсь на землѣ.

Марья Павловна перемѣнила разговоръ объ другихъ генералахъ, объ которыхъ она такъ или иначе слыхала и наконецъ опять вернулась къ Куропаткину:

Это правда, что онъ двоеженецъ, и первая жена ушла отъ него, а вторая?

У второй жены дача и его собственная, находятся рядомъ на берегу моря, какъ они живутъ рядомъ—непонятно, очень чистенькія и акуратныя; у него есть своя яхта «Тамара», и на ней онъ совершаетъ путешествія.

Относительно двухъ женъ я вамъ очень мало могу сказать, вся эта трагедія разыгралась на Кавказѣ, но мои отношенія по службѣ къ Куропаткину были таковы, что я ни на что не могъ жаловаться.

Вы видѣли его дачи?

Дачи сѣренькія, акуратныя, какъ у самаго заботливаго хозяина, двухэтажныя, деревянныя, съ видомъ на море.

Но почему же вы думаете, что исключительно его желаніе попасть на войну составило ему карьеру; онъ былъ въ штабѣ у «бѣлаго генерала» въ турецкую войну и имѣлъ нѣсколько ранъ.

И всетаки таланта не выдумаешь и не скроешь; у Куропаткина его нѣтъ; это общій голосъ.

Я не хочу съ вами спорить, потому что зналъ его въ другія лучшія минуты моей жизни.

Тѣмъ временемъ въ обществѣ бесѣда шла по кружкамъ. Приглашеннымъ разносили чай и горничная, въ черномъ платьѣ, съ бѣлымъ передникомъ, и лакей.

Изысканные туалеты дамъ производили свое впечатлѣніе; дамы казались оживленными. Въ воздухѣ стоялъ запахъ духовъ, папиросъ, душистаго чая и печенья. Ольга Епифановна, какъ вѣжливая хозяйка, не уставала предлагать то того, то другого изъ угощеній, хотя и безъ того гости все имѣли.

Только въ двѣнадцатомъ часу начали разъѣзжаться. Первыми уѣхали Елена Ивановна съ сестрами; ихъ провожалъ нѣкоторое время Валеріанъ.

Марья Павловна уѣхала только въ первомъ часу и ее сопровождалъ тотъ самый офицеръ, который съ ней разговаривалъ вечеромъ, это былъ одинъ изъ братьевъ Андрея Ремесленникова.

Необходимо сказать, что нѣкоторые изъ сановниковъ уѣхали еще раньше, промелькнувъ на вечерѣ, какъ метеоръ. Другіе же наоборотъ оставались и послѣ часа ночи.

Нѣкоторые изъ приглашенныхъ играли въ карты и не хотѣли уходить не докончивъ начатаго.

За карточнымъ столомъ сидѣли флегматики, для которыхъ игра не представляла большаго интереса, и сангвиники, которые послѣ проведеннаго вечера за игрой вставали съ головной болью.

Уже былъ третій часъ ночи въ началѣ, когда гости только что сѣли за ужинъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Когда Евграфъ и Василій Зеленовъ очутились въ Индійскомъ океанѣ, послѣ того какъ эскадра Рождественскаго покинула Мадагаскаръ 3-го марта, то они оба совсѣмъ не походили на тѣхъ молодцовъ, которые плыли у береговъ Франціи и огибали всю Африку.

Правда, что лицо загорѣло и получило бронзовый оттѣнокъ, но щеки ввалились, и глаза имѣли тусклый взглядъ. На обоихъ офицерахъ лежала печать почти апатіи и полной индиферентности. Эта апатія была только призрачная; въ рѣдкія минуты, когда того требовала подходящая работа, Евграфъ проявлялъ ловкость и проворство дикой кошки. Но такія усиленныя напряженія вели за собой опять тотъ же однообразный и бездушный тонъ. Но ничто такъ не утомляло, какъ чтеніе иностранныхъ и притомъ недружелюбныхъ газетъ.

Всѣ слѣдили за эскадрой Рождественскаго. По уговору со всѣми странами, ни одинъ изъ матросовъ съ русскихъ судовъ не смѣлъ спускаться на берегъ.

Такимъ образомъ матросы оставались на своихъ корабляхъ два съ половиною мѣсяца. Изъ офицеровъ рѣдко и немногіе имѣли право отлучки; тѣ же, которые разрѣшали себѣ это право сами, отсылались обратно въ Россію.

Разгрузка угля совершалась съ большими неудобствами. Переговоры всякіе иногда затягивались.

Кто желалъ униженія Россіи или кто желалъ ея несчастія?

Послѣ отступленія отъ Ляона и Мукдена и другихъ якобы побѣдъ японцевъ, слава восточнаго народа выросла въ глазахъ европейскихъ народовъ. Никто не отрицалъ усилившейся государственности Японіи, хотя размѣры первыхъ ея побѣдъ были тоже что десяти человѣкъ надъ однимъ. Она готовилась къ войнѣ десятки лѣтъ, и когда она была объявлена, то тѣ, которые не попадали въ число шедшихъ на сраженіе солдатъ, лишали себя добровольно жизни; тѣ же, которые возвращались, хотя и раненые, имѣли менѣе славы, чѣмъ убитые. Таковы черты этого народа.

Чѣмъ же объясняется ненависть или хоть просто нерасположеніе европейскихъ державъ? Этотъ такъ называемый «русскій кошмаръ» происходитъ отъ отчужденности русской націи отъ европейскихъ, такъ что послѣднія находятся въ неизвѣстности, какихъ

рѣшеній и какихъ неожиданностей можетъ ожидать каждая держава. «Русскій кошмаръ» дѣйствуетъ, сказалъ Василій Зеленовъ.

И убиваетъ какъ электрическій токъ, сказалъ Евграфъ.

Подай имъ европейца, сказалъ Василій, а русскій для нихъ не европеецъ. Они кадятъ нашимъ врагамъ японцамъ и читаютъ русскую литературу. Нашъ «истуканъ» дремалъ сегодня два часа ночью, а то все сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ. Когда посмотришь на нашего адмирала, богдыханъ, да и только.

Ты не очень-то, а то того и у стѣнъ уши есть.

Это у офицеровъ—строго, а у матросовъ—ничего, всѣ разсмѣются на любую шутку и ничего изъ этого не выходитъ; даже и незамѣтно, кто придумалъ.

Но не только офицеры перемѣнились послѣ пребыванія на Мадагаскарѣ, также и матросы. Сколько жизни и въ то же время прощанія съ жизнью и сколько жизней оставили они на этомъ дикомъ островѣ.

На палубѣ корабля давались распоряженія; въ каютахъ дѣлались записи и распредѣленія. Слышалось отчетливо: разводить пары. Пары во всѣхъ котлахъ. Затѣмъ опять дѣлались замѣтки.

Это были особо торжественные дни, которые были замѣтны только тѣмъ, которыхъ теперь уже нѣтъ на свѣтѣ. Утверждаютъ, что духъ нашъ продолжаетъ жить и послѣ смерти, на что есть тысячи указаній, записанныхъ или переданныхъ легендой въ промежутокъ болѣе, чѣмъ пять тысячъ лѣтъ. Итакъ, жизнь погибшихъ продолжается, но все это ученіеноситъ общее названіе мистицизма. Тѣ же, которые остались на поверхности, тѣ испытали нравственную пытку и переломъ, мысли обратились въ хаосъ, который начался японскими судами и продолжался японской территоріей.

Погибшихъ подъ Цусимою считали не сотнями, а тысячими. Погибъ русскій флотъ.

Это было послѣ сдачи Портъ-Артура, на выручку котораго этотъ флотъ и шелъ, разница была въ четырехъ или пяти мѣсяцахъ.

Напрасно утверждали, что солнце свѣтило въ глаза русскимъ, а потому они не могли съ точностью направлять свои ядра; что недостатокъ угля не позволялъ всѣмъ судамъ двигаться равномѣрно, а разобщенность не допускалась по правилу; что раннее исчезновеніе адмирала Рождественскаго, какъ тяжело раненаго, и передача команды Небогатову произвели замѣшательство и неправильные сигналы; кромѣ этихъ обстоятельствъ, въ которыхъ дѣйствительно винить никто не можетъ, были тысячи другихъ.

Въ Сасебо, гдѣ помѣстили раненыхъ, былъ одинъ общій баракъ, гдѣ японцы дежурили и слѣдили не только каждый часъ, но и каждую минуту; больнымъ дѣлали допросы и разногласіе въ отвѣтахъ вело къ крупнымъ недоразумѣніямъ. Газеты долгое время не получались, но чтеніе ихъ доставляло много горькихъ минутъ.

Доктора японскіе, прошедшіе школу въ Парижѣ, оказывались смѣлыми и свѣдущими докторами; хирурги дѣлали прямо чудеса и говорили по-русски такъ же, какъ и сестры милосердія.

Адмиралу Рождественскому, который тоже былъ перевезенъ въ госпиталь, была сдѣлана операція: была вынута кость изъ проломаннаго черепа; все прошло благополучно.

Все, что писалось въ газетахъ, обсуждалось въ горячихъ спорахъ и приводило въ сильное волненіе, напримѣръ толки о мирѣ— только бы не заключать такого, который унизитъ Россію.

Шли разнорѣчивые толки, которые вмѣстѣ съ разными вѣстями изъ русскихъ газетъ производили недоразумѣнія и разстраивали здоровіе больныхъ. Матросы бранились на своемъ жаргонѣ, офицеры—на своемъ, въ результатѣ могъ ожидаться бунтъ, что дѣйствительно и оправдалось, и только мѣры принятыя не русскими, такъ какъ они были безоружны, оказали свое дѣйствіе.

Бунтъ всетаки произошелъ, но не среди моряковъ, а среди портартурцевъ, когда они прибыли во Владивостокъ; изъ бунтовщиковъ были такіе, которые именно такъ поняли дарованную «свободу»; офицеры же и власти по приказу начальства бездѣйствовали.

Время шло, былъ заключенъ миръ. Возвращавшіеся изъ Сасебо подвигались къ Мукдену и дальше. Адмиралъ, теперь больной и контуженный, возбуждалъ только симпатіи и сочувствіе. Были и большіе города, были и незначительные, гдѣ происходили ему оваціи и кричали «ура».

Если говорить обо всемъ, что привело «къ Цусимѣ», то сердце не выдержитъ картины такихъ ужасовъ. Читатель испытаетъ такое чувство, что скажетъ «сердце остановилось» или по простонародному «сердце захолонуло», во избѣжаніе чего не совѣтуютъ думать о томъ, что стоило столько крови и столько жизней.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Теплое апрѣльское солнце разогнало послѣдніе остатки снѣга, но еще дулъ холодокъ и притомъ постоянно. Въ одинъ изъ та-

кихъ дней Елена Ивановна бродила по гостинному двору; машинально она проходила мимо витринъ и также машинально заглядывала въ нихъ, даже больше: она смотрѣла на проходившихъ, предполагая узнать много ли несчастныхъ или же довольныхъ людей. Напрасный трудъ! Сама же Елена Ивановна была погружена въ невеселыя думы. Откуда онѣ взялись, она бы не сказала, но она съ отчаяніемъ взглянула мысленно на то далекое прошлое, которое она могла назвать беззаботнымъ. Какъ было тогда легко, опредѣленно и ясно! Оно улетѣло, какъ птица, скрывшаяся въ облакахъ, и никогда не увидитъ его больше. Было ли лучше тогда, Елена не могла отвѣтить, такъ какъ отказаться отъ теперешней жизни, полной разныхъ думъ, трудностей и непредвидѣнностей, то радостныхъ, то непріятныхъ, для нея была неосуществимая задача. Елена не ставила себѣ въ жизни какого либо спеціальнаго интереса, къ которому всѣ обстоятельства въ жизни были только средствомъ. Такъ же какъ Маша и эта героиня романа отзывалась на всю жизнь, которая кипѣла вокругъ и которая и её зацѣпляла; въ этомъ простомъ отношеніи и сердечныхъ взглядахъ разрѣшалась вся жизненная задача; она была незатѣйлива и скромна съ виду, но только съ виду, въ глубинѣ же это пониманіе служило началомъ для постоянной борьбы на пользу ближнихъ. Вотъ отчего и беззаботное и неуловимое дѣтство, давая горькія думы для сравненія, не сомнѣнно её, да и не могло сломить, развертывая только новыя картины для вѣчной работы ума. По своему сердечному отношенію Елена принадлежала даже къ обыденнымъ людямъ; такъ часто встрѣчаются сердечные люди, хотя и не столь постоянные. Но по пытливости ума и стремленіемъ разбираться во всѣхъ душевныхъ движеніяхъ она была изъ людей недюжинныхъ. Но часто губятъ людей ихъ достоинства, такъ и тутъ, погоня за отвлеченностью, за идейностью въ жизни губила, такъ сказать, молодые побѣги.

Какъ прямое послѣдствіе, рождалось неудовольствіе собой, за то сестры Елены были ей много чѣмъ обязаны, находя теплое и всегда радушное отношеніе.

Даже Маша въ этомъ опредѣленіи стояла ниже, такъ какъ сердце ея свѐрлило, какъ кипятокъ, но зато у ней былъ пылъ души съ ея порывами и увлеченіями, а Елена могла показаться ошибочно флегматичной.

Встрѣтившись съ Машей, онѣ вмѣстѣ выбирали весеннія кофточки и матерію на платье. Это заняло порядочно времени. Наконецъ, кофточки были выбраны, придерживаясь англійской моды,

относительно фасона и цвѣта; также этой моды нужно было слѣдовать и для платья.

Только при разставаніи Елена рѣшилась спросить Машу про Андрея, такъ какъ ея мать была съ нимъ въ перепискѣ, но Маша стала разсказывать такія подробности про войну, что Еленѣ не трудно было разстаться.

Елена любила Андрея только когда онъ забывалъ свою карьеру, свою службу и когда становился, такъ сказать, беззаботнымъ малымъ; когда же разговоръ становился на всякую другую почву, то-есть даже касалось чего-нибудь серьознаго относительно другихъ людей, то Елена начинала ненавидѣть и Андрея и даже все будущее. Она любила его за сердечность по отношенію къ очень многимъ, что составляло ея личный, небольшой опытъ, за его находчивость и остроуміе и оттого также, что въ ней самой была вложена несомнѣнно искра любви, какъ привязанности къ земному міру такъ какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ со своими восторгами и разочарованіемъ, радостями и горемъ, столкновеніями и бездѣйствіемъ, трудомъ и обидами. О какъ горько было перерабатывать Еленѣ въ своемъ мозгу все, что она думала объ Андреѣ, а главное его заносчивость и то превосходство, которое онъ всегда стремился показывать, съ кѣмъ бы ни говорилъ, старшими или младшими, кавалерами или дамами. Елена удивлялась, какимъ образомъ это вѣчное самодовольство никому не противно, а только ей одной. Ей хотѣлось бы кого спросить объ этомъ, какъ другіе не замѣчаютъ того, что замѣтно, но никого не спрашивала. Даже съ Машей Елена не могла бы поговорить въ такомъ тонѣ, а слѣдовательно и ни съ кѣмъ другимъ. Она даже запутывалась въ своихъ огорченіяхъ, такъ какъ могла бы запутаться въ складкахъ своего платья, если-бъ у нея былъ длинный шлейфъ и она бы вдругъ повернулась неожиданно для себя.

Даже къ матери своей Елена не могла подойти за облегченіемъ, потому что считала её настолько невозмутимо спокойной, что не хотѣлось мутить даже поверхностно своими горькими мыслями, которыя, какъ думала Елена, въ глазахъ другихъ покажутся призракомъ несуществующимъ. Такъ мучилась Елена одна и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. У нея не было большого запаса прочитанныхъ книгъ, какъ у Тони, и который служилъ или могъ служить руководителемъ въ запутанныхъ мысляхъ; не было также и Машиной опытности въ пониманіи и, главное, находчивости въ сортировкѣ людей.

Вотъ отчего Елена къ своему несчастію или вовсе игнориро-

вала людей, или привязывалась страстно какъ, теперь къ Андрею, который, какъ сказано раньше, ее и огорчалъ.

Сознаться въ своей любви Елена не стремилась; она считала, что вся ея душевная дѣятельность это только одинъ умъ и воображеніе. Особенно она напирала на послѣднее: стоитъ его перемѣнить, то-есть видѣть другихъ людей и другую обстановку, и тогда все совсѣмъ будетъ другое. Какъ жестоко Елена смѣялась сама надъ собой.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ апрѣлѣ, когда уѣхалъ на войну Андрей, стала собираться какъ сестра милосердія, сестра Елены, Катя. Сборы эти были несложные въ смыслѣ матеріальномъ; вся сила заключалась въ бодрости духа и въ согласіи.

Все въ этомъ отношеніи уладилось. Катю проводили до отхода поѣзда; плакали, говорили много полезнаго и горькаго и, наконецъ, разстались.

Во время своего путешествія Катя посылала длинныя письма; въ нихъ отражалось не только то, что она видѣла, а также и выводы, къ которымъ она приходила.

Наконецъ, послѣ многихъ дней пути, отрядъ доѣхалъ до самаго крайняго востока: съ одной стороны ближайшимъ пунктомъ былъ Владивостокъ, была близка корейская граница. Въ этой мѣстности, въ городѣ N., отрядъ и помѣстился, пользуясь тѣмъ офицерскимъ помѣщеніемъ и казармами, которые до нихъ были заняты ушедшими теперь войсками.

Прошло два мѣсяца, когда зданіе, приспособленное къ лазарету, и казармы, съ той же цѣлью, все вмѣстѣ были готовы съ амбулаторными, съ кроватями и всѣмъ остальнымъ, какъ-то столовой, кухней; при содѣйствіи «Краснаго Креста», все приспособлено для извѣстнаго количества людей. Больные ходили въ халатахъ; подъ впечатлѣніемъ всего перенесеннаго такъ недавно, раненые ночью вскакивали бредили тѣми картинами, которыя они постоянно переживали въ своемъ воображеніи. «Впередъ, за мной»! кричалъ одинъ, бросаясь съ безумными глазами къ дверямъ. Съ трудомъ удается санитару и сестрѣ его успокоить и уложить обратно въ кровать. Вотъ дальше лежитъ раненый, которому недавно отняли ступню, такъ какъ вся кость была раздроблена, съ наступленіемъ вечера

онъ умоляетъ о морфіѣ, или какъ онъ выражается «сестрица, иглу давай». Отдѣльно лежатъ совсѣмъ тяжело-больные: одному вырѣзали часть бедреной кости и сшили ее серебряной проволокой, затѣмъ шелкомъ сшили и близлежащіе мускулы; съ не менѣе тяжкими ранами былъ и тотъ больной, у котораго весь бокъ оказался какъ рѣшето сквозное отъ полученныхъ ранъ, и пролежалъ больной два съ половиной мѣсяца.

Мучительно или спокойно, различно для всѣхъ, проходитъ ночь и, подавъ больнымъ умыться, поутру дежурная уходитъ съ своего поста, а на ея мѣсто поступаетъ другая или другія сестры, которыя начинаютъ подавать чай, кому въ кружкахъ, кому въ особо приспособленныхъ чайникахъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Когда сдалась вторая эскадра Небогатова, и когда вѣсть объ этомъ возбудила всеобщій взрывъ негодованія въ очень значительной части петербургскаго всего населенія, въ то самое время самъ Небогатовъ предъ своею совѣстью считалъ себя чистымъ.

Эскадра эта, выступившая въ бой при Цусимѣ, уже болѣе не называлась по имени Рождественскаго, такъ какъ адмиралъ былъ раненъ и со своими перевязками, также какъ и другіе раненые, перебрасывался съ одного корабля на другой.

На японскихъ же судахъ плѣнные здоровые и раненые перевозились изъ одного порта въ другой, пока не достигли мѣста своей стоянки.

Тутъ раненые были помѣщены въ госпиталяхъ, гдѣ можно было видѣть насколько сильная радость господствовала во всемъ японскомъ народѣ изъ-за послѣднихъ побѣдъ. Раненые терпѣли не только физическую боль, но и нравственную пытку; однако время и уходъ дѣлали свое и многіе тяжело больные и другіе поправлялись.

Это было вродѣ арестантскихъ ротъ, гдѣ пронзительный глазъ надсмотрщика не оставлялъ ихъ ни на минуту.

Но вотъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, отошли въ прошлое и Мукденскія событія, стоившія опять громаднаго количества жертвъ. Былъ заключенъ миръ, если не вскорѣ по пріѣздѣ Линевича, то во всякомъ случаѣ переговоры и нерѣшительное состояніе, когда переговоры уже начаты, все это обозначилось въ самомъ скоромъ

времени. Въ ноябрѣ плѣнные вернулись не только въ Россію, но и въ Петербургъ, и тутъ начался судъ безъ свидѣтелей, безъ показаній и съ заранѣе положенными идеями во вниманіе. Новыя еще и неизвѣданныя мученія обрушились на мучениковъ—героевъ. Не только они заплатили за отечество своею кровью, но и своими душевными надъ ними истязаніями. Эти новыя слезы въ «захлопнувшемся сердцѣ» если и не были сильнѣе прежнихъ, то и не меньше. Явится Высшій Судья, который произнесетъ свой судъ, но въ ожиданіи его люди будутъ томиться тысячью мгновеній, которыя измѣряются не числомъ времени, а глубиною чувствъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Когда прибавлялось работы около раненыхъ, тогда письма Кати къ роднымъ становились рѣже. Да позволено будетъ заглянуть въ уголокъ ея душевнаго міра, который все росъ и росъ и наконецъ задернулъ собой все, что было пережито раньше. Какъ бываетъ въ сильныхъ радостяхъ, когда прошлое какъ-то вдругъ все съежится или закроется на замокъ, чтобъ дать на минуту пережить настоящее, такъ случается и въ сильной печали, если только сердце на неё можетъ найти отголосокъ. Много радостей прибавляютъ человѣку жизни; много печали изсушаетъ сердце, не то, чтобъ человѣкъ сталъ нечувствительнымъ или нечеловѣколюбивымъ, нѣтъ, но исчезаетъ вѣчное представленіе о той жаждѣ добра и всего лучезарнаго, съ которой человѣкъ родится на свѣтъ Божій и проходитъ первое золотое дѣтство; этой жажды въ торжествѣ добра остается только совсѣмъ маленькій запасъ.

Безусловно войны дѣйствуютъ на солдатъ деморализующимъ образомъ, говорилъ Валеріанъ Машѣ.

Я сужу по описаніямъ Гаршина, я сужу по отчетамъ и еще много по чему, и вижу, что то, что хорошо на бумагѣ и вся жизнь со своей безтолковщиной, это не одно и то же.

А что же по-твоему жизнь? Скажи, Валя, ты знаешь, какъ я люблю тебя слушать, когда ты излагаешь все въ системѣ; не надо и въ театръ ходить.

Жизнь—это великая наука, но безъ любви и въ этомъ ея роковое значеніе, ея вѣчный разладъ и несогласіе. Кто устраняется отъ пониманія великихъ задачъ, кто замкнулся въ своемъ эгоизмѣ, тотъ такъ или иначе урветъ отъ жизни нѣкоторую долю блаженства; только это самообманъ.

Итакъ любви въ человѣчествѣ къ людямъ ничтожнымъ или достойнымъ нѣтъ, а любовь одиночная—то же, что жизнь мотылька. Кто вспомнитъ о ней?

Но почему же у тебя такія грустныя мысли.

У меня грусть происходитъ изъ глубокаго убѣжденія. Прежде говорили, что мужъ съ женой сходятся оттого, что жить другъ безъ друга не могутъ, теперь же говорятъ, что вмѣстѣ легче переносить ту тяжесть, которая зовется жизнью, то-есть начинаютъ съ конца и желаютъ придти къ началу, именно быть другъ для друга всѣмъ, и никто въ этомъ не успѣваетъ, ловятъ любовь за хвостъ, а она ускользаетъ какъ угорь, потому что вертлява.

Это что-то дикое, что ты говоришь. Ты хочешь думать, что любовь пронизываетъ все человѣчество, а ужасающія преступленія выростаютъ, какъ яркія картины.

Развѣ воровство на войнѣ не позоръ? Развѣ масса обидъ, которыя люди выносятъ по службѣ, не есть характеристика времени?

Но вѣдь ты. Валя, не одинъ, отчего же тебя лично это такъ трогаетъ и такъ волнуетъ?

Только оттого, что сердце мое на самую маленькую долю бьется скорѣе, чѣмъ у другихъ, и больше ничего.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Въ салонѣ японскаго офицера убранство напоминало европейскія гостинныя. Прежняя крошечная мебель, ширмы, циновки и неразлучное сидѣніе на полу, на кортачкахъ—все это отошло только въ тѣ апартементы, гдѣ-какъ выражаются, помѣщалась прислуга. Въ костюмахъ послѣднихъ господъ виднѣлась та же самая разница: одѣтые по-европейски офицеръ и его жена только поражали новичка посѣтителя своимъ миніатюрнымъ видомъ, желтымъ цвѣтомъ лица и скошенными къ бокамъ глазами; если-бъ не это, то получилась-бы полная иллюзія европейскаго салона, по крайней мѣрѣ, съ виду.

Болѣе часу сидѣлъ Котцукэ въ своемъ салонѣ, выкуривая одну сигару за другой, мѣняя свое положеніе чуть не каждыя пять минутъ отъ сильнаго возбужденія или же постоянной привычки быть въ движеніи. Такая манера себя держать напоминала ни больше, ни меньше какъ дикаго и необузданнаго звѣря или же если-бъ это былъ европеецъ то человѣка, который только что

имѣлъ крупную домашнюю сцену. Но самъ Котцукэ считалъ себя западникомъ, такъ какъ учился въ Парижѣ и тамъ же провелъ нѣсколько лѣтъ со своей женой Тамураей. Свое пребываніе на Западѣ онъ цѣнилъ настолько высоко, что считалъ себя выше азіатовъ, то-есть русскихъ. Это были его собственныя слова.

Видъ изъ крошечнаго, хотя и европейскаго салона, былъ также, такъ сказать, крошечный. Тропинки, по которымъ можно было пройтись были для обыкновеннаго сада тоже небольшого размѣра. Деревья, которымъ считали за сорокъ лѣтъ и болѣе, были прямо карлики для своего возраста. Домики, которые виднѣлись изъ окна, были только потому малы, что находились очень далеко; рѣка и горы отдѣляли ихъ отъ только что названнаго сада.

Весь пейзажъ былъ какъ разъ тотъ самый, къ которому привыкъ японскій глазъ; недоставало только цвѣта вишневыхъ деревьевъ, такъ какъ время весны уже прошло, а съ нимъ прошло и пораженіе «Макарова».

Свои пораженія людьми и военными судами Котцукэ считалъ ни во что ради цѣли, къ которой стремились японцы болѣе чѣмъ цѣльныхъ десятокъ лѣтъ. Съ какимъ рвеніемъ разжигали этотъ воинственный духъ англичане, безъ всякаго сопротивленія послѣ того овладѣвая волей японцевъ.

Свои побѣды, своего народа ему казались именно то, что должно возвысить японцевъ въ глазахъ европейцевъ.

Итакъ, не домашнія сцены наполняли все воображеніе Котцукэ. а разныя военныя соображенія. Маленькіе глазки бѣгали, не останавливаясь ни на какомъ предметѣ, а если-бъ и остановились, то безъ всякой мысли о немъ. Но даже и на людяхъ Котцукэ не могъ свой взоръ остановить надолго, такъ какъ въ этомъ не видѣлъ надобности; онъ привыкъ повелѣвать, а для повелѣній не спрашиваютъ чужихъ желаній и даже не угадываютъ. По этой же самой причинѣ и объясняется, почему домашнія сцены не могли разстроить японца. Его жена была также исполнительница его повелѣній и если-бъ она подумала только быть неласковой или идти на перекоръ, то ея мѣсто въ домѣ замѣнила-бы другая, что иногда случалось и помимо всякихъ обстоятельствъ. Изъ всѣхъ сложившихся подобныхъ обычаевъ жизнь ея походила отчасти на жизнь рабыни, отчасти актрисы. Все вмѣстѣ взятое дѣлало всетаки жалкой не ее, а того самаго супруга, съ которымъ раздѣлялась ея жизнь. Лишенный искренности, что является неизмѣннымъ спутникомъ грубаго и высокомѣрнаго обращенія, онъ походилъ на загнаннаго вѣря, который ищетъ то, что самъ добровольно потерялъ.

Но Котцукэ немного надоѣло приводить себя все время въ состояніе расшатавшагося маятника; вспомнивъ слова своего друга, англичанина, который только что усердно распространялся о побѣдахъ японцевъ и въ то же время не скрывалъ ядовитой насмѣшки, Котцукэ перемѣнилъ свое неуровнавѣшенное состояніе на сосредоточенный интелектуальный трудъ, если только это названіе примѣнимо къ такой болѣе чѣмъ механической работѣ.

Всѣхъ исчисленій и отчетовъ приходилось—не мало, такъ какъ русская эскадра проходила Сингапуръ.

Уже давно вычисленія математическія о движеніи военныхъ судовъ и объ употребленіи боевыхъ снарядовъ сидѣли въ головахъ японскихъ вождей тверже, чѣмъ ихъ пять пальцевъ, но всетаки казалось многимъ, что этого мало, и что будь англичане на ихъ мѣстѣ, было бы иначе.

Только на одну минуту зашла въ салонъ жена Тамурая и, не смѣя первая заговорить, удалилась совершенно незамѣтно.

Вечеромъ Котцукэ шелъ въ кафе, гдѣ для особо знакомыхъ была цѣлая группа танцовщицъ и онѣ же играли на разныхъ инструментахъ. Одѣтыя въ пестрыя кимано [1]), онѣ сидѣли на корточкахъ и въ сотый разъ играли одну и ту же мелодію, которую онъ слышалъ безчисленное число разъ, но это самое однообразіе и успокаивало расходившіеся нервы.

Котцукэ отдавался вполнѣ болѣе чѣмъ отдыху и зная, что увидитъ двухъ своихъ англійскихъ друзей, которые ему были нужны, терпѣливо ждалъ, не считая минутъ. По его морщинистому и вялому лицу можно было думать, что озабоченность не лежитъ въ его характерѣ, но то съуживавшіеся, то расширявшіеся зрачки глазъ указывали болѣе чѣмъ на напряженную работу мысли.

А, вотъ, наконецъ я поймалъ васъ, сказалъ мистеръ Уайтъ, теперь вы отъ меня не уйдете.

Котцукэ былъ польщенъ любезностью своего друга и вмѣсто улыбки скорчилъ одну изъ своихъ гримасъ. Впрочемъ, морщинъ на его лицѣ было столько, что оно и въ другія минуты принимало одно изъ выработанныхъ выраженій.

Еще немного и вы станете европейскимъ народомъ, говорилъ мистеръ Уайтъ.

Но теперь, неужели мы не европейскій народъ? говорилъ Котцукэ. Какъ золото выше серебра, такъ наша желтая раса выше блѣдно лицыхъ [2]).

[1]) Кимано—національный костюмъ.

[2]) Подлинныя слова, взятыя изъ жизни.

Губы мистера Уайта перекосились въ улыбку, понятную только для европейца.

И кромѣ того вы заставите дикихъ варваровъ, русскихъ, признать наше совершенство—насъ, которые вышли изъ вашей школы и французовъ.

Васъ признавать только можемъ мы, сказалъ мистеръ Уайтъ съ загадочной улыбкой,—я могу отвѣчать только за свою націю, но за другихъ—это меня не касается. Котцукэ на минуту почувствовалъ, что онъ находится во власти этого съ виду флегматичнаго человѣка и отъ его желѣзной воли онъ не уйдетъ даже и въ могилу, но отступать было поздно, да и не зачѣмъ, когда лавры сыпались со словъ союзника, какъ вишневый цвѣтъ весной. Чего не смогутъ льстивыя слова? Если онѣ покоряли сердца женщинъ, отчего же имъ не покорять народы?

Военная слава, это не то, къ чему вы стремитесь? сказалъ мистеръ Уайтъ.

Если вы насъ не поддержите, кто намъ дастъ ее? сказалъ Котцукэ.—Мы искали союза съ Россіей, для усиленія Японіи, искали дружбы у Франціи и нашли только у васъ.

И вамъ этого мало?

Сегодня намъ довольно, но кто можетъ поручиться за завтра? Наконецъ наши потери—настолько большія, что только страхъ передъ Микадо заставляетъ молчать самыхъ сильныхъ, менѣе же сильные и всегда молчатъ, сказалъ расхохотавшись порывистымъ смѣхомъ Котцукэ.

Мистеръ Уайтъ сохранялъ полную серьозность, точно весь этотъ разговоръ касался совсѣмъ какого-то другого третьяго лица.

На расписанной занавѣскѣ, которая составляла фонъ эстрады, выдѣлялись крупные цвѣты и безперспективныя фигуры. Съ потолка спускались фіолетовые фонари на мѣста для танцующихъ и громадный расписанный яркими цвѣтами зонтикъ надъ зрителями. По бокамъ отъ расписанной занавѣски съ одной стороны виднѣлся драконъ, а съ другой—кусты неопредѣленной формы цвѣтовъ.

Всѣ играющія на эстрадѣ были одѣты въ кимоно различныхъ цвѣтовъ. Котцукэ сохранялъ свое безстрастное съ гримасой выраженіе лица; онъ зналъ, что каждая улыбка будетъ понята по своему и въ тотъ вечеръ онъ не отвяжется отъ услужливой танцовщицы, а онъ былъ офицеръ; каждый день можно было ожидать большого сраженія съ русскими и масса вычисленій сидѣла въ головѣ.

Завтра съ палубы военнаго броненосца, построеннаго въ Англіи

на который ходилъ съ любовью мистеръ Уайтъ, будутъ слышны его распоряженія относительно пуль, посылаемыхъ на едва видный простымъ глазомъ русскій флотъ; только легкій дымокъ на горизонтѣ укажетъ на присутствіе русскихъ; а затѣмъ начнется упорная и жестокая борьба.

Вы завтра не уйдете отъ насъ, говорилъ Котцукэ, смотря на англичанина и не замѣчая, что всѣ мысли послѣдняго прикованы къ раскрашенной блондинкой.

Да, да, отвѣчалъ тотъ разсѣянно,—познакомьте меня съ той, которая въ кимоно съ ярко желтыми большими цвѣтами.

Японецъ не скоро сообразилъ о чемъ его просятъ, но все же по принятой давно вѣжливости исполнилъ то, о чемъ его только что просили.

Въ томъ же самомъ кафе находился и художникъ французъ Lebourdier, писавшій портретъ съ жены японскаго офицера.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Въ томъ же самомъ салонѣ на мягкой сравнительно съ европейской маленькой мебели пили послѣобѣденный кофе художникъ Лебурдье и японка Тамурая. Прислуга, поставивъ чашку и сдѣлавъ обычный поклонъ, удалилась безшумно и незамѣтно, точно провалилась сквозь землю.

Тамурая говорила довольно мало, стараясь восхвалять въ художникѣ все, начиная съ цвѣта его волосъ и кончая манерами и одеждой.

На Лебурдье такія слова дѣйствовали какъ вино на пьяницу; хорошее расположеніе духа стало еще веселѣе. Портретъ былъ уже значительно подвинутъ, когда Тамурая выражалась, что хотѣла бы, чтобъ художникъ взялъ ее съ собой на броненосецъ во время сраженія.

Задорное лицо съ глазами какъ вишня выглядывало съ полотна какъ живая. Но художникъ былъ недоволенъ своей работой: это лицо по его выраженію было показное; то выраженіе, которое принимала Тамурая, чтобъ казаться веселой и привѣтливой для мужа и для знакомыхъ.

Лебурдье зналъ не только эту показную сторону, но зналъ также и сколько печали и недовѣрія къ себѣ и къ жизни, сколько

загадочности читалось въ этихъ женскихъ обыкновенно юркихъ глазахъ въ тѣ минуты, когда не нужно было играть роли.

Бывали для художника такія минуты, когда весь японскій міръ, съ его военными торгашами, танцовщицами, и женами всѣхъ знакомыхъ японцевъ и важными и буржуазными, весь этотъ міръ производилъ впечатлѣніе неестественнаго и за разъясненіемъ своихъ недоумѣній Лебурдье обращался къ тѣмъ мудрецамъ, къ которымъ проникаютъ только послѣ многихъ знакомствъ. Здѣсь напитывался новой мудрости художникъ и получалъ успокоеніе тамъ, гдѣ раньше мучили тревога и безпокойство.

Всѣ новыя и въ то же время старыя ученія, которыя мудрецы предлагали Лебурдье, проникали въ мозгъ безпрепятственно и все воображеніе художника напитывалось какъ губка безконечными по числу отвлеченными понятіями.

Ключъ къ пониманію вещей и жизни, котораго искалъ художникъ, когда останавливался предъ загадочнымъ, исчезалъ, но мозгъ работалъ и только отъ этого разсѣивалъ сомнѣнія, а остальное доканчивалось всѣмъ окружающимъ.

Въ концѣ концовъ Лебурдье былъ какъ въ плѣну въ духовномъ отношеніи въ той японской средѣ, въ которую онъ попалъ. Многія европейскія понятія для него отодвинулись, такъ какъбудто ихъ не было, и давали дорогу совершенно новой жизни.

Ваши волосы мнѣ напоминаютъ цвѣтъ ствола вишневаго дерева, въ десятый разъ говорила Тамурая,—а вашъ зеленый галстукъ—листья камеліи. Я жила нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ и видѣла много французовъ, но такого, какъ вы, я встрѣчаю первый разъ.

Вы довольны вашей жизнью? сказалъ Лебурдье.

Если я не только скажу, но и покажу только въ своихъ глазахъ или на моемъ лицѣ, что мнѣ грустно и не буду забавлять своего господина, то меня отошлютъ къ моимъ родителямъ, а такъ какъ послѣдніе меня отдадутъ кому-либо другому, то мнѣ и остается быть только веселой.

А тамъ, въ вашемъ родительскомъ домѣ, когда вы были совсѣмъ молоды, васъ любили?

Со мной обращались сурово, сказала Тамурая,—а любили меня или нѣтъ, этого я не знаю.

И вы рады были, когда васъ отдали замужъ?

И не радовалась я и не плакала, мнѣ было только жаль разставаться съ тѣмъ инструментомъ (koto) кото, на которомъ я играла, жалко было тѣхъ самыхъ ширмъ, которыя отодвигались

днемъ и сдвигались вечеромъ и также тѣхъ кимоно, которыя я уже не могла больше надѣвать.

Это и все?

Нѣтъ, не все. Мнѣ еще жалко было разставаться съ той яркой полосой неба, которая всегда была видна при закатѣ изъ моей комнаты, но людей мнѣ не было жаль.

У меня была очень старая и очень некрасивая няня, но когда замѣтили, что я охотно остаюсь съ ней и что она мнѣ разсказываетъ разные разсказы, то тотчасъ удалили ее. Послѣ того я уже не привязывалась ни къ одной изъ тѣхъ, кто былъ приставленъ слѣдить за мной и обо всемъ передавать родителямъ. Когда я выходила замужъ, я говорила себѣ: если я умру мнѣ не будетъ ни лучше, ни хуже и я осталась жить.

Бѣдная Тамурая, сказалъ Лебурдье и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Тамурая ничего не отвѣтила, но двѣ крупныя слезы наполнили ея глаза и тотчасъ скрылись.

Въ эту самую минуту вошла служанка и поставила на крохотный столикъ миніатюрное блюдечко съ засахаренными фруктами.

Выйдя отъ Тамураи на свѣжій воздухъ, когда было уже совсѣмъ темно, Лебурдье подозвалъ курумаіа (повозку съ двумя колесами, которую везетъ человѣкъ) и поѣхалъ въ одинъ изъ кафе; это были единственныя освѣщенныя окна изъ тѣхъ домовъ которые выходили на улицу; все остальное было повидимому погружено въ глубокій сонъ. Войдя въ кафе Лебурдье былъ почти ослѣпненъ отъ рѣзкаго контраста тѣмъ освѣщеніемъ, которое онъ тамъ встрѣтилъ; но привычка взяла свое, Лебурдье живо чувствовалъ себя такъ, какъ будто это его постоянное мѣстопребываніе; также шутилъ онъ со знакомыми дамами (только японками) и со знакомыми иностранцами.

Встрѣтивъ мистера Уайта, художникъ ушелъ съ нимъ въ одну опредѣленную залу, гдѣ было все лиловое, начиная съ обоевъ и кончая лиловыми кимоно тѣхъ японокъ, которыя какъ тѣни входили и выходили. Ихъ было, впрочемъ, немного; такъ какъ кромѣ нихъ прислуживали въ этомъ залѣ мальчики, которые тоже двигались безшумно и храня полное молчаніе.

Тутъ отъ куренія опіума у художника закружилась голова, но не успѣлъ онъ и подумать, какъ самъ очутился на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ.

Вдохнувъ два раза онъ какъ бы раскисъ, всѣ члены стали какъ бы одурманены. Лебурдье взглянулъ на мистера Уайта; его безстрастное лицо потеряло теперь всякое выраженіе. Художникъ сомнѣ-

вался въ томъ, думаетъ ли онъ о чемъ-либо или это нѣчто похожее на дремоту и полусонное состояніе.

На всѣ вопросы художника англичанинъ отвѣчалъ съ такой ясностью мысли, что больше и не надо было.

Въ чемъ разница? подумалъ французъ, но вотъ прошло еще нѣсколько времени Лебурдье, перемѣнилъ нѣсколько трубокъ, черепаховую, бамбуковую и янтарную и теперь самъ почувствовалъ, какъ глаза его теряютъ всякую жизненность, а мозгъ и нервы работаютъ такъ, какъ имъ пришло на умъ работать. Художникъ сталъ говорить о томъ, о чемъ даже и не желалъ говорить и это выходило совсѣмъ естественно.

Англичанинъ только улыбался, глядя на него и дѣлая какіе-то особые значки стоявшему японцу.

Послѣ чего опять подходили мальчики и мѣняли трубки.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

На одномъ изъ собраній у Ольги Епифановны было нѣсколько иностранныхъ дипломатовъ и нѣсколько очень важныхъ сановниковъ. Двое изъ дипломатовъ провели нѣсколько лѣтъ въ Японіи заинтересовались ея культурой и увлеклись ею, въ томъ смыслѣ, что находили много граціи и тонкости въ нѣкоторыхъ ея обычаяхъ и условіяхъ.

Но теперь утонченность манеръ и изысканность воспитанія заставляла дипломатовъ не вспоминать всей какъ они выражались поэзіи этого народа. Если-бъ это было другое время, а не время войны, о тогда совсѣмъ другое дѣло! Эти иностранцы и въ Японіи принадлежали къ своей національности, а не къ русской, слѣдовательно не только имъ не было надобности ждать недружелюбнаго къ себѣ отношенія, но наоборотъ. Выдвинутая и взлелеяная иностранными державами, Японія исполняла все, что ей тѣ приказывали, и результаты были поистиннѣ ослѣпительные.

Всѣ дипломаты указывали на культурность Японіи. Поступали они такъ сознательно или же хотѣли преувеличить свойства этого полудикаго, языческаго народа?

Вотъ загадка, которая останется на всѣ времена.

Одинъ дипломатъ говорилъ о томъ, какъ опрометчиво поступилъ Гриппенбергъ, оставляя армію въ такой рѣшительный моментъ и какъ много это прибавитъ силы нашимъ врагамъ.

«Куропаткинъ находитъ, что онъ упустилъ время для нападенія и теперь, когда японцы придвинули армію въ 400,000 человѣкъ и развернули ее кольцами, время сраженія окажется неудачнымъ, сообщеніе между дѣйствующими отрядами окажется прерваннымъ, а потому самое лучшее—оставить Мукденъ», говорилъ одинъ сановникъ.

Это величайшее зло, сказалъ другой сановникъ, когда позволяютъ женамъ сопровождать мужей на войнѣ.

Но какимъ же образомъ вы можете имъ запретить? говорилъ дипломатъ. Мнѣ даже разсказывали одинъ случай, какъ жена, послѣ многочисленныхъ разспросовъ, убѣдилась, что ея мужъ убитъ и пошла на поле сраженія его отъискивать. Наконецъ нашла своего мужа сидящимъ съ опущенной головой, на которой была небольшая рана съ запекшейся кровью. Съ женой сдѣлался истеричный припадокъ и она дико захохотала, она трясла мужа и, упавъ на трупъ, лежала такъ долго, что ее тоже сочли за мертвую. Затѣмъ эта сердолюбивая женщина привезла трупъ своего мужа на родину. И это былъ, говорятъ, не одинъ случай.

Что же вы хотите—война, сказалъ сановникъ, могутъ быть раненые, могутъ быть и убитые.

Какъ изволите видѣть, война совсѣмъ не гуманное дѣло, а при существующихъ данныхъ, со всѣми шимозами — совсѣмъ адское твореніе.

Прежде погибали отъ ранъ, теперь погибаютъ отъ одного воздуха.

Вы слышали, что мѣсто Куропаткина замѣняетъ Линевичъ. Этотъ приказъ подписанъ, и новый главнокомандующій выѣзжаетъ въ самомъ скоромъ времени,—такъ говорилъ одинъ изъ сановниковъ.

Но вѣдь онъ старикъ, отвѣчалъ другой, который по своей службѣ хорошо зналъ Западную Европу, Грецію, Турцію, а потому съ Востокомъ былъ менѣе знакомъ.

Популярность — это весьма важное обстоятельство на войнѣ, сказалъ первый сановникъ.

И Куропаткинъ тоже пользовался популярностью.

Въ такомъ случаѣ у него нѣтъ таланта, а Линевичъ «съ искрой Божьей».

Дай-то Богъ, дай-то Богъ.

Вы не можете представить себѣ до чего оригинальная страна— эта Японія, съ городами, построенными на вулканахъ и съ постоянными землетрясеніями. Когда же бываетъ въ городѣ тайфунъ

и вы окажетесь тутъ же, то крыши домовъ и стѣны, кажется вамъ, валятся на васъ, то-есть принимаютъ косое направленіе, но совсѣмъ свалиться не могутъ, потому что въ балкахъ и скрѣпахъ насыплена дробь. Дома же недостроенные въ это время разрушаются совсѣмъ.

Вы, кажется, разсказываете что то очень интересное, сказалъ одинъ изъ подошедшихъ моряковъ, заслуженныхъ и въ орденахъ.

Не то, чтобъ очень интересное. Вамъ, можетъ быть, и въ дѣйствительности пришлось пережить такія бури на сушѣ, о которыхъ мы говоримъ по наслышкѣ.

Тайфунъ? вы говорите. Да безъ сомнѣнія мы испытали. Послѣ того мы два дня хохотали, какъ помѣшанные.

Сановники удивленно посмотрѣли, но тема для разговора уже перемѣнилась, заговорили опять про Гриппенберга, который выставилъ въ такомъ непривлекательномъ видѣ и въ такихъ темныхъ краскахъ всю безталанность Куропаткина.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Вотъ начался обходъ докторомъ больныхъ въ госпиталѣ, въ городѣ N.; кому прописывались новыя лѣкарства, кого отправляли въ операціонный пунктъ для перевязокъ, а кому только мѣрили температуру.

Раненые, которыхъ теперь доставляли, были моряки съ «Россіи» и «Громобоя», судовъ первой эскадры. Какъ волна больные нахлынули и заняли весь лазаретъ.

«Они всѣ герои, писала Катя своимъ,—мое сердце обливается кровью, но то, что изображаю, это слабо въ сравненіи съ тѣмъ, что находится предъ глазами. Отрываютъ мужичка отъ сохи, привезутъ за нѣсколько тысячъ верстъ, говорятъ: лѣзь на смерть—и онъ лѣзетъ, иногда встрѣчаетъ ее, а иногда же уносятъ другіе. И на такого человѣка, который самъ лѣзетъ въ жерло смерти, кричатъ какъ на лодыря, на лѣнтяя. Но объ этомъ послѣ. Я слишкомъ взволнована, чтобъ писать въ одно и то же время о болѣзняхъ и о трагическихъ сценахъ. Что же еще разскажу Вамъ? Больной у котораго весь бокъ сверху до пятъ въ ранахъ, какъ рѣшето, лежитъ, но поправляется; страдаетъ неимовѣрно, но не ропщетъ, подниматься онъ не можетъ, подойдешь, спросишь его:

что, каково тебѣ?—Благодарю, сестрица, мнѣ ничего—и больше ни слова.

Вотъ еще разскажу вамъ, какъ умиралъ солдатикъ на моихъ рукахъ; это было ночью; уже нѣсколько дней, какъ онъ былъ безъ сознанія; но тутъ почему то вижу, что онъ смотритъ на меня совсѣмъ пристально и какъ замѣтилъ, что я смотрю на него, сильнымъ голосомъ, потому что я была не совсѣмъ близко, подозвалъ меня: «иди» и еще разъ «иди». Я пришла; онъ обнялъ меня рукой сильно, сильно, остался такъ минуту, затѣмъ поцѣловалъ меня, сказалъ: а мать-то моя какъ убиваться обо мнѣ будетъ,—послѣ впалъ опять въ безсознательное положеніе, такъ и умеръ. Но я этого не забуду. У него была контужена голова, и температура какъ стояла высокая, такъ и не опускалась. Я не хочу безпокоить васъ, мои милыя дорогія сестры, и мою дорогую маму. Я не пишу и десятой доли того, что заставляетъ ныть мое сердце, да и это малое только урывками. Какъ я вамъ уже писала, мы также близко къ Владивостоку, какъ и къ корейской границѣ. Больныхъ и съ поля сраженія намъ присылаютъ заразъ много, и затѣмъ постепенно лазаретъ пустѣетъ и пустѣетъ, и начинается затишье. Тогда мы попадаемъ не только въ самый городъ, но можемъ посмотрѣть окрестности, видимъ растительность, лѣса, горы, видимъ всѣхъ, которые живутъ и двигаются, но больше еще живемъ той жизнью, которая съ сердечной болью кипѣла у насъ».

На это письмо Катя получила отъ Вѣры такое письмо:

Дорогая сестра Катя.

Мы все еще по прежнему думаемъ и говоримъ о тебѣ, но мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ и о нашей мамѣ, которая съ твоимъ отъѣздомъ сильно перемѣнилась. Ты знаешь, какъ она всегда безпокоилась объ отсутствующихъ. И хотя въ этотъ разъ она была тверда душой, но въ самомъ скоромъ времени отъ моихъ глазъ не укрылось, что буквально каждый день и всегда въ одинъ и тотъ же часъ вечеромъ она роняетъ нѣсколько слезинокъ на свою вязальную работу, это шлемы для отсылки на востокъ для здоровыхъ или для больныхъ; а затѣмъ старается быть спокойной, это все ради насъ. Я даже остаюсь молчаливой, когда наша мама работаетъ, такъ какъ мнѣ кажется, что тогда ея мысли не такъ страшны, какъ въ иное время. И не то чтобъ за тебя одну болитъ ея сердце, тебя, которой нѣтъ съ нами, но и за многихъ, почти что за всѣхъ. Развѣ только люди корыстолюбивые и пропойцы, только они никогда не добьются отъ нея пощады. Въ этомъ отношеніи она строже другихъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось тебѣ

многое передать, чтобы ты вообразила себя опять среди насъ, но я этого не въ силахъ.

Не забывай

твоей Вѣры.

Черезъ нѣсколько времени Вѣра получила такое письмо отъ Кати:

«Какъ хорошо было бы, еслибъ кто-нибудь изъ васъ, или даже нашихъ знакомыхъ прислалъ что-либо для тѣхъ, которые томятся на востокѣ раненые и измученные. Вотъ на-дняхъ къ намъ пришелъ офицеръ, съ загрязненной и запыленной повязкой на головѣ; отнимаю, не только раны всѣ засохли, но и нагноились. Сколько времени онъ оставался—я тебѣ не могу сказать, знаю, что даже ухо было повреждено. И вотъ послѣ усерднаго леченія и большаго терпѣнія съ его стороны онъ выписывается и опять идетъ въ бой, не проронивъ ни одной жалобы и даже словъ отъ него рѣдко можно было добиться. И вотъ герои. А говорятъ, что ихъ нѣтъ. Вѣрнѣе, что говорить легче, чѣмъ думать. Но самое тяжелое, когда поступаютъ въ лазаретъ изъ запасныхъ. Боже! сколько съ ними возни, сколько душевной муки примешь и что переживешь, слушая ихъ и днемъ и ночью! Изъ нихъ многіе и прямо выглядятъ помѣшанными. Спросишь: что болитъ? отвѣчаетъ: можжитъ.—Что же грудь болитъ? можжитъ, или голова болитъ?—И въ головѣ можжитъ. Такъ и не узнаешь сразу; а дальше бредъ начинается и не знаешь: во снѣ ли онъ говоритъ или такъ просто свои мысли вслухъ: «и ничего-то вамъ дѣточки я не привезъ! никакого гостинца!» а другой разъ: «а дома-то что! корову продали! лошадь продали! жена убивается! И на что мнѣ жизнь Богъ далъ, чтобъ изъ-за меня еще и другіе мучились! И еще хорошо, если-бъ я одинъ! а жена-то чѣмъ виновата! Видно, Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ». Охъ тяжело бываетъ, Вѣра, другъ мой! Иной разъ придешь къ себѣ и такъ три платка всѣ мокрые, хоть выжимай изъ нихъ, отъ слезъ. Лучше не показывай моего письма мамѣ, а прочти ей съ пропусками, чтобъ она не подумала что-либо болѣе горькое, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Только ужъ что можетъ быть тяжелѣе!

Твоя Катя».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Вотъ приближается праздникъ Рождества Христова и въ лазаретѣ каждый день оживленіе. Оно происходитъ не только своими собственными силами, но принимаютъ въ немъ участіе многія лица и правительственныя, служащія и частныя самаго города, и далекія, далекія, съ самой родины. Сколько перемѣны, обмѣна мыслей и чувствъ вносятъ присланныя письма и посылки трудно представить себѣ, такъ какъ въ нихъ участвуютъ не только взрослые, но и дѣти. Вотъ письмо одного мальчика, вложенное въ пакетикъ вмѣстѣ съ сахаромъ, бѣльемъ и тому подобнымъ: «Милый солдатикъ, бей ты, пожалуйста, этихъ противныхъ японцевъ побольше. Обнимаю тебя. Твой Володя».

Все, что находилось въ посылкахъ, было больше практическаго характера. Какъ относились сами солдаты, можно видѣть и знать изъ тѣхъ многочисленныхъ писемъ, которыя отъ нихъ получались разными лицами и даже обществами. Вотъ нѣкоторыя изъ писемъ, которыя могутъ затеряться, какъ капля въ морѣ: (съ сохраненіемъ ихъ орѳографіи):

1905 г. Сентября 1.

Милостивейшая Государыня. Спешу васъ увѣдомить, что мы посылочки ваши получили только сичасъ и зачто васъ премного благодаримъ и кланяемся вамъ и желаю всево хорошаго.

Остаюсь спочтеніемъ къ вамъ П—ъ.

Е. В.

N. N.

Мы нижніе чины А. артилерійской бригады В. батареи 1-го взвода имѣли счастіе получить отъ Вашего Высокоб. Гостинецъ 31 августа. 1905 г. который намъ на военной службѣ очень стоитъ дорого, за что васъ благодарим. отъ всего сердца, и желаемъ отъ Господа Бога всего благополучія вамъ...

А. П.

Мы Нижніе Чины А. арти. Бриг. В. ба.
1-го взвода получили ваш. вещи 31-го Августа 1905 года.

За что Сердечно воздаемъ благода. и желаемъ отъ Г. Бога добраго здравія. Сочувствуимъ. Что у насъ Есть те люди за которыхъ и не обидно принят страданіе.

Матвей...

. . . . . 12/IX 1905 г.

Получивъ нѣкоторыя вещи, которыя посылаете намъ солдатамъ на Дал. Вост. спѣшу поблагодарить. Я разстилаю эту мелочь чтобы она производила еще большее впечатлѣніе, и слѣдуя за своимъ вѣрнымъ конемъ, подъ шелестью гаоляна любуюсь: что эта за рука, которая съ такою разсудительностью уложила почти всѣ для солдата нужныя вещи.—Теперь имѣю бѣлую нитку—раньше зашивалъ рубашку черной; дальше: пуговки, перья, ручка, пара снѣжныхъ носковъ, полотенце, иголки и пара конвертовъ... А гдѣ же еще кусковъ 15 сахару, да чай!—Каждый разъ, когда поднесу жестянку съ Вашимъ чаемъ къ губамъ своимъ, вспомню неизвѣстную благодарную руку, и выпью на ея здоровье... А когда мыломъ же Вашимъ сотру съ себя Манджурскую глину и уменьшу число зарубашечныхъ обитателей, то это для меня составитъ прекрасное удовольствіе.—Простите за выраженіе: не хочу ловить вкусъ и пріобрѣтать симпатіи того лица кому пишу, и если станемъ писать серьезно, то скажутъ, что армія упала духомъ,—а гдѣ же тогда наша дерзновенная храбрость?—Мы, хотя стѣсненно могли-бъ безъ этого и обойтись, но главное: понимаемъ, что намъ сочувствуютъ и этимъ цѣль достигнута, открывшая затворенный уголокъ забытыхъ чувствъ... Хотя не люблю сантиментальность и благотвореніе, но здѣсь вижу, что начинаютъ смотрѣть на солдата тоже какъ на человѣка, а не какъ на perpetum mobile.—Поэтому еще разъ сердечною благодарностію! Нижній чинъ дѣйств.

служб. П...

А бат. В. Арт. бригады.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Насколько Валеріанъ былъ жестокъ въ своихъ выраженіяхъ наединѣ съ Машей, на сколько онъ не стѣснялся во всемъ, начиная съ чувствъ и кончая мыслями, настолько онъ былъ сдерженъ въ обществѣ. Маша его не узнавала или не хотѣла узнавать, но это былъ не тотъ характеръ, которымъ обладала Елена. Маша не сверлила въ мозгу до тѣхъ поръ, пока не навяжется цѣлый рой непрошенныхъ и мучительныхъ мыслей. Маша какъ бы обладала парой вѣсовъ или цѣлымъ листомъ съ рубриками, гдѣ все незамѣтно для нея взвѣшивалось безошибочно, безъ обидъ и распредѣлялось ровно!

Я дивлюсь твоей невозмутимости, говорилъ Валеріанъ Машѣ. Если-бъ ты помѣнялась со мной? Мнѣ кажется, что мы оба замѣтно бы выиграли.

Мнѣ и такъ хорошо, я не чувствую необходимости мѣняться. Ты побурлишь, покритикуешь, а потомъ все получитъ такое видоизмѣненіе, что критика окажется неумѣстной. Да, Валя, не сердись на меня за мою самостоятельность, но я многое думаю иначе, чѣмъ ты.

Сдѣлай одолженіе, я весьма радъ.

То-есть, чему ты радъ?

Тому, что ты будешь заниматься сама твоими мыслями.

Безъ тебя?

Безъ меня.

Это прямо—какой-то волшебный кругъ, изъ котораго не ты, ни я не можемъ выйти.

Вотъ также самое и я говорю.

Несчастные дѣти мои! сказала вошедшая Наталья Ивановна. Сколько печальныхъ новостей я вамъ приношу. Но сообщать объ нихъ такъ и не пришлось такъ какъ вошла Ольга Епифановна.

Я васъ отлично знаю, говорила она обращаясь къ Валеріану. Побольше бы намъ такихъ людей и Россія была бы спасена.

Вы меня не знаете, сказалъ Валеріанъ, вы меня навѣрное смѣшиваете съ Андреемъ Прохоровичемъ. Что я значу въ сравненіи съ нимъ; прямо тряпка и ничего больше.

Нѣтъ, нѣтъ, не скромничайте, продолжала она, я васъ изучила вдоль и поперекъ. У меня существуетъ мое личное мнѣніе, и другого суда мнѣ не нужно.

Но какія же вы нашли во мнѣ достоинства? сказалъ Валеріанъ.

Первымъ дѣломъ вы человѣкъ правдивый.

Но также точно и мой другъ Андрей.

Нѣтъ, нѣтъ оставьте Андрея въ сторонѣ. Вы человѣкъ дѣла, а не личнаго счастья.

Но этимъ я нравлюсь своей женѣ.

Валя, я этого тебѣ никогда не говорила, сказала Маша.

Да, да, сказалъ Валеріанъ, меня упрекаютъ чуть не въ холодности, что я не расплываюсь въ общихъ фразахъ, чтобъ люди обо мнѣ говорили то, что должны говорить. Я все это знаю.

Валя, теперь ты удаляешься въ другую крайность. Не все ли равно тебѣ мнѣніе чужихъ?

Не все равно, такъ какъ я нахожусь въ обществѣ, я живу его интересами, я чувствую, что если я упущу что-либо, я не буду подходить къ общему механизму.

Вы себя обезцѣниваете, сказала Ольга Епифановна, вамъ нужно больше храбрости, чтобъ не закиснуть.

Это громко сказано «храбрости», сказалъ Валеріанъ, а для посторонняго зрителя все покажется вяло и апатично.

Вѣрьте въ людей, сказала Ольга Епифановна. Это нехорошо будетъ, если съ первыхъ шаговъ вы станете флегматичнымъ. Васъ затрутъ, а потомъ пеняйте на себя.

Вотъ Андрей Прохоровичъ другое дѣло. У меня нѣтъ его настойчивости. Я слишкомъ колеблющійся характеръ или увлекающійся идеей.

Вотъ именно это-то и нужно, сказала Ольга Епифановна.

И какъ разъ то, что не нравится моей женѣ.

Валя, я тебѣ этого не говорила.

Я сужу по опыту, сказалъ Валеріанъ, пронизывая Машу глубокимъ взглядомъ.

Въ мірѣ не тѣсно, сказала Наталья Ивановна, а вамъ кажется, что если вы займете мѣста немного больше, вы отнимете отъ другихъ.

Это какой-то убѣгающій муравей, сказала Ольга Епифановна, который пропадаетъ для дѣла, когда его именно нужно.

Я не вѣрю въ свой трудъ и пользу отъ него, сказалъ Валеріанъ; вотъ Андрей—другое дѣло.

Если вы не вѣрите, то кто же тогда безкорыстно будетъ бороться за облегченіе язвъ народныхъ. Нѣтъ! на это охотниковъ порядочно найдется только говорить и говорить.

Чистосердечно сказать, я недостоинъ вашего вниманія. Я глубоко убѣжденъ, что такъ допытываться до тайниковъ душевныхъ могутъ рѣдкіе люди, какъ это вы дѣлаете, но я не лѣзу на показъ людямъ, я не стремлюсь, чтобы мнѣ ставили что-бы то ни было за заслугу; мои мысли для меня то же, что пѣніе для птицы небесной; жизнь есть жестокое наказаніе.

Вы неудовлетворены, вы огорчены? сказала Ольга Епифановна и я хочу помочь вамъ.

Напрасный трудъ, сказалъ Валеріанъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Когда Ольга Епифановна удалилась, такъ продолжалъ Валеріанъ:

Удивительная женщина! понимаетъ въ душѣ человѣческой больше Чехова.

Еще бы ей не понимать! сказала Наталья Ивановна.

Но почему-же? настаивалъ Валеріанъ.

А потому, что какъ медики анатомируютъ члены мертваго человѣка, такъ въ ихъ кругу анатомируютъ душу человѣка, а затѣмъ спрыснутъ живой водой и человѣкъ живетъ.

Вы бы мнѣ проще объяснили; я такихъ мудростей не понимаю.

Проще не умѣю, а то, что другой человѣкъ пожалуй бы и удалился послѣ всякой строгой критики, а въ ихъ кругу—остается. Вотъ оно что: это еще мудренѣе прежняго, того, что я только, что сказала.

Въ первомъ случаѣ только одно чувство непосредственно всплываетъ, а тутъ все пониманіе.

Этакъ вы меня пугаете, сказалъ Валеріанъ.

Пугаться ровно нечего; не вы—первый, не вы послѣдній.

Другой разъ я буду осторожнѣе.

Осторожность вамъ мало поможетъ.

Вы такъ думаете? сказалъ Валеріанъ.

Именно не въ осторожности суть, сказала Наталья Ивановна, а въ умѣніи знать, что нужно въ данную минуту.

Это положимъ я и самъ зналъ, сказалъ Валеріанъ.

Хорошо разсуждать въ томъ случаѣ, когда смотрятъ на все съ высоты птичьяго полета, а для насъ это отстоитъ очень далеко.

Ни Валеріану, ни мнѣ такъ далеко заглядывать не приходится, сказала Маша.

Другъ мой, Маша, сказала Наталья Ивановна, узнай не пригоритъ ли сегодня пирогъ или вѣрнѣе сказать будетъ ли обѣдъ, какъ ему полагается быть.

Сейчасъ, маменька, сказала Маша и улетѣла, какъ вихорь.

Валеріанъ сталъ расхаживась по комнатѣ и куря папиросу зачѣмъ-то дѣлалъ жестъ правой рукой.

Наталья Ивановна молча за нимъ слѣдила.

Гдѣ-то теперь Андрей, сказалъ Валеріанъ, видимо совсѣмъ не отвѣчая на свои мысли и наоборотъ убѣгая отъ нихъ.

Зачѣмъ же онъ вамъ опять понадобился? Неужели Маша не въ состояніи понять все ваше глубокомысліе?

Съ Машей я не тотъ; я не откровененъ.

Вотъ какъ! сказала Наталья Ивановна. Поздравляю васъ! утѣшили! Нечего сказать! Слышишь, мать моя говорила Наталья Ивановна вошедшей Машѣ, твой мужъ съ тобой не откровененъ. Утѣшили! И вставъ, какъ бы не ожидая отвѣта, Наталья Ивановна покачала головой и пересѣла съ кресла на диванъ.

Не откровененъ? сказала Марья Павловна, на минуту измѣнившись въ лицѣ,—но я и такъ его насквозь вижу. Это его пустое воображеніе, что нужно имѣть какой-то особенный умъ или особенное пониманіе, чтобъ судить о нѣкоторыхъ вещахъ. Всегда я смотрю просто и до сихъ поръ никогда не ошибалась.

Если-бъ жизнь была такъ проста, то и я бы смотрѣлъ просто, сказалъ Валеріанъ, но жизнь такъ сложна, что чѣмъ больше ее запутаешь, тѣмъ она кажется ближе къ разгадкѣ.

И въ чемъ же эта разгадка? сказала Наталья Ивановна.

Это философскій вопросъ, на который я сразу отвѣтить не могу. Лучше оставьте меня, маменька, въ покоѣ.

Сдѣлайте одолженіе, благодушествуйте. И къ чему это люди создали философію, только мѣшаютъ жить. Задумывайся надъ жизненными вопросами—умрешь, и не думай—точно такъ же.

Все равно, какъ пить будешь умрешь и не будешь пить—тоже умрешь.

Такъ же какъ перевернешься въ солдатскомъ быту—будешь битъ и не довернешься, тоже будешь битъ. Желаете, я вамъ скажу, въ чемъ ваша разгадка?

Хочу, сказалъ озадаченно Валеріанъ.

И вы сознаетесь, если я скажу вѣрно?

Сознаюсь.

Въ забвеніи себя: это то надъ чѣмъ вы прилагаете всѣ ваши старанія.

Вы отгадали.

И многое я умѣю угадывать, даже и то, что еще только возможно.

Напримѣръ?

Ахъ, примѣровъ такъ много, что не знаешь, который выбрать. Знаю, напримѣръ, куда повлечетъ юношу, котораго съѣдаетъ червь честолюбія. Знаю кѣмъ будетъ тотъ, который отъ лѣни ничему не учится, если онъ изъ купцовъ и если онъ изъ благороднаго класса.

Это прежде было такъ, маменька, сказалъ Валеріанъ, все шло по извѣстной рубрикѣ и колеѣ. А теперь нельзя заранѣе предвидѣть: дѣльный человѣкъ можетъ оказаться непригоднымъ, а ничего не стоющій «выйти въ люди».

А мнѣ такъ кажется, сказала Наталья Ивановна, что изъ ничего и выйдетъ ничего, для положительнаго результата необходима положительная сторона, запасъ знаній, какъ говорили и продолжаютъ говорить.

Все это прекрасно, но именно эти знанія и не цѣнятъ; работать—работай, сколько въ душу влѣзетъ, но работай для другихъ. Развѣ не въ этомъ кризисъ такъ называемаго «рабочаго класса». А если въ этомъ также кризисъ и другихъ сословій? Но только они не составляютъ въ этомъ отношеніи одного цѣлаго. Это—голоса, которые слышны въ одиночку. Вы ихъ не слышите, но это не значитъ, что такъ же точно и я ихъ не слышу.

Очень многаго хотятъ, вотъ что, сказала Наталья Ивановна, оттуда и вся неудовлетворенность.

Для однихъ многое есть много, для другихъ многое есть мало.

И опять я вамъ скажу, оставьте Ольгу Епифановну васъ заставлять работать такъ, какъ нужно.

Отчего-же, я ничего не имѣю противъ, я всей душой радъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Въ одинъ изъ вечеровъ Марья Павловна и Катя Тормашева сидѣли въ уютной гостиной при свѣтѣ керосиновой лампы. Всѣ новости дня, которыя только можно было пересказать, всѣ были перебраны, наступила та рѣдкая тишина, на подобіе той, которая бываетъ въ природѣ въ лѣтніе вечера на берегу моря: солнца не

видно, море совершенно спокойно; только вдали мелькаютъ почти незамѣтно бѣлыя точки паруса, пароходовъ нѣтъ, дневной трудъ оконченъ,—одно слово—тишина. Такое же точно впечатлѣніе производилъ и данный вечеръ. Маша сидѣла за работой, которая отъ постоянныхъ перерывовъ подвигалась медленно.

Скоро-ли пріѣдетъ твой мужъ, сказала Катя Тормашева.

Я его ждала къ семи часамъ, сказала Маша,—вѣроятно онъ остался у Ольги Епифановны.

Если-бъ я была на твоемъ мѣстѣ, сказала Катя Тормашева,—я бы не отпускала мужа отъ себя никуда, кромѣ службы.

А я на моемъ мѣстѣ, сказала весело Маша,—это иное дѣло.

Я удивляюсь тебѣ, ты всегда спокойна, сказала Катя.

Не то, чтобъ безусловно я не волновалась никогда, но сейчасъ изъ-за чего же я буду безпокоиться?

А если кто влюбится въ твоего мужа? сказала Катя.

Это не такъ-то скоро, сказала Маша,—и съ какой цѣлью?

Многое дѣлается и совсѣмъ безъ цѣли, сказала Катя.

Маша молчала, сдвинувъ сердито брови, но голосъ ея попрежнему оставался мягкимъ и ласковымъ.

Ты, Катя, говоришь, имѣя что-либо въ виду или же вообще?

Это я говорю вообще, сказала Катя, отчеканивая каждое слово, это наука жизни или свѣта, гдѣ такъ много соблазна.

Мнѣ до соблазновъ нѣтъ ни малѣйшей заботы, сказала Маша повеселѣвъ.

Бодрое состояніе духа пришлось какъ разъ кстати, такъ какъ пришли Валеріанъ и съ нимъ Елена Ивановна.

Представь себѣ, сказалъ Валеріанъ Машѣ еще на порогѣ комнаты и не замѣчая Кати Тормашевой, мнѣ опять предлагали билетъ въ театръ и я отказался только ради тебя, чтобъ ты не оставалась въ недоумѣніи,—гдѣ я могу пропадать такъ долго.

Напрасно, я тебя благословляю, другой разъ можешь идти.

Спасибо за позволеніе, сказалъ Валеріанъ и отправился въ свой кабинетъ за папиросами.

Елена Ивановна по прежнему была очень молчалива, хотя незамѣтно стала интересоватся идеей о равноправіи женщинъ.

Я только что вернулся изъ общества, сказалъ Валеріанъ, пуская дымъ своей папиросы, гдѣ страшно бранили женщинъ вообще и тѣхъ, которыя занимаются политикой.

Напрасно, и совсѣмъ излишне ихъ бранить, сказала Катя Тормашева,—потому что онѣ и такъ обижены по всѣмъ пунктамъ.

Онѣ мужчинъ въ бараній рогъ сгибаютъ и онѣ же обижены? Это мнѣ нравится, сказалъ Валеріанъ.

Вы имѣете въ виду только нѣкоторыхъ, сказала Катя Тормашева,—и старательно закрываете глаза на всѣхъ остальныхъ—это величайшее зло.

И такъ зла больше на свѣтѣ, чѣмъ добра, сказалъ Валеріанъ, и къ этому злу и я себя причисляю. Вы довольны?

Я довольна, но въ смыслѣ ироніи этими вашими словами, какъ и всѣми другими.

Вы болѣе строги, чѣмъ Юлій Цезарь, сказалъ Валеріанъ.

Я съ римской исторіей не настолько знакома, чтобъ понять именно такую шутку, сказала Катя Тормашева.

Не хочется объяснить, сказалъ Валеріанъ, но такъ и быть скажу вамъ: Юлій Цезарь былъ хотя къ своимъ подданнымъ милостивъ, а вы даже и для нихъ не дѣлаете исключенія.

Отлично, вы мнѣ даете право и вамъ отвѣтить загадкой: я вамъ твердо могу сказать, что я не поклонница ученія Льва Толстого о непротивленіи злу.

То-есть почему же это касается меня? сказалъ Валеріанъ.

Въ томъ отношеніи, что вы признаете за норму то самое, что не заслуживаетъ даже одобренія или же вы должны отказаться отъ вашихъ словъ.

Это—такая строгость, которой подчиняться не намѣренъ.

Въ итогѣ получается то, что вы вполнѣ неисправимы: вы думаете и говорите однимъ манеромъ, дѣйствуете иначе, и результаты всѣхъ поступковъ служатъ путемъ для совершенно новой дѣятельности.

Вы мнѣ даете полную отставку въ моихъ собственныхъ глазахъ, если-бъ только я могъ увлекаться чужими идеями. Но я такой большой ошибки не сдѣлаю, сказалъ Валеріанъ.

Охота тебѣ убѣждать, сказала Елена Ивановна, ты всегда потерпишь только одно пораженіе.

Если кто не захочетъ быть убѣжденнымъ, сказала Маша, тотъ никогда таковымъ и не будетъ.

Да, убѣжденіе приходитъ какими-то неизвѣстными путями, сказалъ Валеріанъ.—Стоитъ нѣкоторымъ обстоятельствамъ сложиться иначе и уже все законченное строеніе разрушается; начинается ломка, затѣмъ увлеченіе идеей, потомъ нѣсколькими идеями. Потомъ появляется новое лицо и опять все мѣняетъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Было ясное апрѣльское утро; косые лучи солнца, падая, освѣщали всю болѣе чѣмъ скромную комнату гостинницы города N. Никакой радости не прибавляло свѣтлое солнышко, и такихъ же грустно настроенныхъ комнатъ во всѣхъ гостинницахъ было много. Всѣ онѣ были заняты пріѣзжими офицерами, врачами и другими лицами, которыя такъ или иначе имѣли отношеніе къ мобилизаціи арміи. Шло передвиженіе среди сформированныхъ и еще составляемыхъ войскъ. Двигались не только новобранцы, но двигались и запасные, и вотъ они-то представляли массу хлопотъ себѣ, другимъ, начальству и служащимъ.

Въ комнатѣ, которую я только что начала описывать, висѣлъ на стѣнѣ новый военный мундиръ, пуговицы и погоны котораго блестѣли даже и тогда, когда лучи солнечные вовсе и не думали попадать на него. Этотъ мундиръ сильно приковывалъ вниманіе самаго владѣльца комнаты, врача Растеряева, который наканунѣ представлялся по начальству.

Оставаясь въ городѣ N. всѣ врачи, пользуясь временемъ, посѣщали больницы, перебирали собранные инструменты и также взятыя съ собой книги.

Никто не называлъ японскую войну популярной въ смыслѣ всеобщаго воодушевленія и приподнятаго настроенія. Никто не одобрялъ распоряженіе Куропаткина о передвиженіи запасныхъ войскъ, но тѣмъ не менѣе оно было во всей силѣ; ихъ даже посылали въ бой, неподготовленныхъ, унылыхъ и больныхъ, когда другіе, которыхъ дома не держала своя семья, рвались въ бой сами и были отодвинуты по особому, имъ непонятному плану.

Служащіе люди смотрѣли, какъ на исполненіе своихъ обязанностей, какъ на долгъ предъ царемъ и отечествомъ, при чемъ были и такіе, которые хотѣли отличиться, чтобъ составить карьеру и подвинуться по службѣ. Рыцарскаго духа или борьбы ради самой борьбы какъ-будто не было, отъ такихъ мыслей вѣяло чѣмъ-то очень отдаленнымъ; вѣкъ оказывался слишкомъ матеріальнымъ на видъ и практичнымъ. Критики на порядки были неистощимы; это составляло половину всѣхъ переговоровъ. Особенно были недовольны

врачи, когда на остановочныхъ пунктахъ не находили сразу многаго, что было нужно при госпиталяхъ.

Когда Василій Михайловичъ Растеряевъ оставался по вечерамъ въ своемъ скромномъ и прокисломъ уголку гостинницы, то иногда заходили товарищи по службѣ; тутъ узнавались нѣкоторыя подробности передвиженія, кто съ кѣмъ ѣдетъ, то-есть къ какому причисляется эшелону и какія и отъ кого происходятъ перемѣны.

И дернуло меня спѣшить въ этотъ прокислый городъ, говорилъ Василій Михайловичъ, съ родными не простился, летѣлъ на всѣхъ парахъ, какъ на любовное свиданіе, и теперь жди и сиди безъ дѣла.

Дождетесь и пороху, отвѣчалъ Михаилъ Кирилловичъ Невзоровъ, съ которымъ врачъ познакомился не очень давно,—а мнѣ сдается, что я не вернусь домой, туда и дорога.

Да что вы, Михаилъ Кирилловичъ, вамъ жить бы, да жить, да еще одерживать побѣды и на полѣ битвы и въ далекомъ салонѣ. Ваши глаза вамъ всюду откроютъ доступъ.

Вы знаете, сердце женское непроходимый лѣсъ, отвѣчалъ Михаилъ Кирилловичъ.

Это вы шутите, отвѣчалъ врачъ,—все очень просто, только мудрить не полагается, и все очень сносно пойдетъ, это на счетъ женской души добавляю.

А война — это проблема, которую призваны рѣшить мы участвующіе, сказалъ Михаилъ Кирилловичъ.

Былъ августъ мѣсяцъ и эшелонъ, въ которомъ участвовалъ врачъ Растеряевъ, двигался въ путь.

Прежде рѣшали войну главнокомандующіе, говорилъ врачъ,—а теперь что же! Довѣріе къ нимъ пропало. Нѣтъ между вождями согласія. Одинъ въ Портъ-Артурѣ говоритъ одно, другой въ Мукденѣ—другое. Не забудьте, что мы ѣдемъ послѣ отступленія, передъ которымъ былъ кровопролитный бой. Кто негодуетъ на Куропаткина?

Слишкомъ наболѣло человѣческое сердце за всѣхъ, кто вытерпѣлъ и кто долженъ терпѣть, чтобъ оставалось времени на критику и размышленія.

Нѣмцы объ немъ довольно гуманно отзываются, называя его «den zurücktreter». Согласитесь, что это довольно умаслено и ему и тѣмъ, которые за него терпятъ.

До отступленія Лаоянскій бой считался блестящимъ. Воодушевленіе росло, а теперь! Да что и говорить. Нѣтъ таланта у Куропаткина, какъ его тамъ ни величай.

Съ солдатомъ онъ, говорятъ, хорошъ, отзывчивъ, заботливъ, а

съ нимъ, съ вооруженной силой, всюду дойдешь; былъ бы духъ въ войскѣ.

Смотрите, какъ бы этотъ духъ не улетѣлъ сквозь подошвы дырявыхъ сапогъ, сказалъ Василій Михайловичъ, и зазвенѣлъ его, какъ мелкая дробь, смѣхъ. А то и такіе сапожища попадутся, что ихъ словно лопату потянешь. Японцы со своей легкой обувью карабкаются, какъ кошки, по горамъ; а привяжите къ сапогамъ что-нибудь потяжелѣе, такъ оно выходитъ не такъ-то легко.

Пойдите, укоряйте мать—природу, зачѣмъ она не выучила лазать по сопкамъ. Горы, да грязь, которая размыла дороги, вотъ еще два капитальныхъ врага, которые сгубили не одинъ десятокъ людей. Когда орудія нельзя было двинуть ни въ одну сторону, ни въ другую, то тутъ и охранный постъ ничего не помогалъ, и люди гибли, какъ мухи. Нѣтъ, что бы вы ни говорили, война не популярна, и «куропатка съ сахаромъ» невкусна.

Зачѣмъ же вы летѣли съ такой поспѣшностью, сказалъ Михаилъ Кирилловичъ, и блестящіе глаза его, какъ двѣ вишни, потеряли свой таинственный колоритъ; казалось, говоритъ уже не прежній вдохновенный юноша, а прожившій на своемъ вѣку охладѣвшій старикъ.

Зачѣмъ я летѣлъ? Чтобъ не получить выговора за опозданіе—это прежде всего; но какъ показало время, я могъ пріѣхать и позже и было бы то же самое.

Въ такомъ случаѣ зачѣмъ вы въ принципѣ пошли на войну, такъ какъ врачей безъ ихъ личнаго согласія не посылаютъ?

Въ эту войну берутъ врачей тоже изъ запаса, которые числятся на военной службѣ. Такъ на моихъ глазахъ былъ назначенъ пожилой подъ шестьдесятъ лѣтъ врачъ, оттого, что онъ забылъ выписаться изъ запаса, когда для этого полагался срокъ. Что меня влекло? Жажда науки въ смыслѣ помочь страждущему; это—такъ въѣлось въ плоть и кровь, такъ что не даешь себѣ отчета; уже не разбираешь больше и дѣйствуешь, какъ разъ заведенная машина. Развѣ вы не знаете, что между нами, врачами, есть цѣлый кодексъ понятій, отъ которыхъ кто отступилъ, тотъ вычеркивается изъ нашего товарищества.

Я знаю и хорошія и дурныя стороны вашихъ коллегъ.

Позвольте полюбопытствовать: какія же дурныя? Только то, что нѣкоторые доктора сколачиваютъ состояніе—это васъ коробитъ?

О, нѣтъ, я матеріальную сторону не берусь судить, потому что въ ней не разберешься. Я думаю, что вы сами догадываетесь, какой и когда вамъ ставятъ упрекъ.

Что же вы хотите сказать, что мы—атеисты?

Вы вѣрно угадали мои мысли.

Это все пустячки: думать о душѣ и о безсмертіи души;—это не наша область. Мозгъ,—вотъ это я понимаю: всѣ движенія мозговыхъ и нервныхъ центровъ. А душа! упаси меня Создатель пускаться въ необъятное.

Итакъ, вы душу устраняете вовсе?

Устраняю вовсе.

Это вѣрнѣе только на словахъ.

Мнѣ не приходится васъ убѣждать, потому что твердость моихъ возрѣній не требуетъ самозащиты.

Кѣмъ же вы будете тогда?

Мы, только мы, — передовые люди, которые разрабатываютъ науку во всѣхъ ея формахъ.

По-моему, въ звенѣ человѣческомъ вы—пляска скелетовъ.

Несмотря на очевидную пользу отъ познаній?

Несмотря на пользу.

Вы шутите, Михаилъ Кирилловичъ.

Если-бъ я шутилъ, то я бы не страдалъ, потому что все заканчивалось бы смѣхомъ, но я глубоко страдаю и за себя и за тѣхъ, кто одного со мной мнѣнія.

Въ чемъ же суть вашего мнѣнія? Вы меня назвали скелетомъ. Вы страдаете—что совсѣмъ напрасно. Вы меня назвали атеистомъ, на что я не обижаюсь.

Мое мнѣніе въ томъ, что душа—душой и не прилагайте къ матеріи неподходящей мѣрки.

Вы не вѣрите въ свѣтила науки и не признаете столькихъ побѣдъ надъ этой же самой матеріей!

И чтобъ остаться побѣдителемъ на этомъ ристалищѣ, врачъ поспѣшилъ удалиться.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Давно степи остались позади, промелькнули лѣса, то густые, то порѣдѣвшіе, горы, покрытыя сплошными лѣсными массами и голыя, какъ людской черепъ, то пологія, то отвѣсныя, какъ выстроенное зданіе; промелькнули скалы, какъ бы обрубленныя гигантской рукой, въ которыхъ виднѣлись различные слои неизвѣстной формаціи почвы а можетъ--быть мѣстами и извѣстной, былъ ли

то графитъ или магнитъ или другой какой благодѣтель незримый человѣчества; прошумѣли рѣчки отъ быстротекущей воды; улыбнулись тихія воды глубокихъ рѣкъ. Показался Енисей, а за нимъ и Красноярскъ; какъ георгинъ по своей высотѣ предъ другими цвѣтами, такъ высился соборъ со своими своеобразными куполами.

Оставили Красноярскъ, Иркутскъ и много другихъ городовъ и поселеній, собирая вездѣ слухи съ театра войны.

Вѣсти эти были о Лаоянскомъ боѣ и объ исходѣ столь ожесточенной осады, что она, какъ гвоздь, засѣла у всѣхъ, такъ что Портъ-Артуръ не былъ единственнымъ пунктомъ, приковывающимъ вниманіе всѣхъ. Онъ былъ давно отрѣзанъ отъ другой главной арміи, которая была въ главныхъ силахъ сосредоточена при Лаоянѣ. Сколько затрачено труда и мысли! Сколько произведено работъ для укрѣпленій! Наконецъ, Лаоянъ укрѣпился; это было извѣстнымъ далеко, куда только доходятъ газетные слухи. Настроеніе всѣхъ было самое напряженное. Но вотъ начался и самый бой, длился онъ три дня съ большими потерями, но ни одна позиція не сдавалась. И вотъ среди вѣстей стали доходить такія, что Лаоянъ сданъ; русскіе ушли ночью, и семнадцать часовъ крѣпость оставалась незанятой русскими, потому что они ушли, а непріятелемъ, потому что тотъ не вѣрилъ въ отступленіе, а наоборотъ самъ готовился къ тому же. Таковы были по крайней мѣрѣ слухи, при чемъ всѣ потери японцевъ считались вчетверо бо́льшими, чѣмъ у русскихъ; а такъ таковыя доходили до 10 и 20 тысячъ, то цифра раненыхъ и больныхъ въ непріятельскомъ лагерѣ, по слухамъ, выростала въ очень большую; кромѣ того, въ непріятельскомъ лагерѣ открылись эпидемическія болѣзни.

Отступленіе нашихъ совершалось, какъ говорили, «въ полномъ порядкѣ». Трудно двигались пушки по размытой дорогѣ и подстрѣливались находившіеся при нихъ офицеры и солдаты. Тоже гибли въ одиночку посланные на развѣдки, а иногда невинныхъ жителей, китайцевъ, принимали за шпіоновъ только оттого, что находили ихъ на крышѣ или въ погонѣ яко бы за людьми; на самомъ дѣлѣ на крышѣ сидѣли геліографы, а погоня оказывалась за убѣжавшей свиньей. Многія понятія совсѣмъ мѣнялись въ этой новой обстановкѣ, и мѣнялись сами люди.

Только не мѣнялось отношеніе начальниковъ санитарной части, которые были генералы и полковники, но не спеціально врачи. Попрежнему раненые имѣли перевѣсъ въ глазахъ начальства; только изуродованные считались жертвой войны, а остальные притворщиками.

Къ больнымъ относились съ недовѣріемъ, смѣшивая одну болѣзнь съ другой и эвакуировали тѣхъ, которые вставали послѣ тяжелаго тифа.

Каковъ былъ, какъ человѣкъ, Куропаткинъ, объ которомъ теперь всѣ заговорили?

Еще до начала войны обнаруживались именно тѣ самыя свойства его, которыя въ полной силѣ высказались въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій: полная нерѣшительность въ дѣйствіяхъ и быстрая смѣна однихъ приказаній другими — вотъ что составляло альфу и омегу всего. Окружающихъ подкупала гуманность бывшаго военнаго министра и отсутствіе того заносчиваго тона, который не перевариваетъ служебный персоналъ двадцатаго вѣка; но сказалось по поговоркѣ «мягко стелешь, жестко спать».

Не было идеи въ самомъ войскѣ; не было идеи и у самаго Куропаткина. Гдѣ и когда и въ какихъ словахъ онъ ее выразилъ, такъ, чтобъ она прошла красной нитью въ столь великомъ дѣлѣ? Отъ Куропаткина посылались въ войска и краткія и многорѣчивыя обращенія, которыя такъ или иначе, но поднимали духъ въ войскѣ: въ нихъ говорилось про всѣ уже сдѣланныя всѣмъ народомъ жертвы, нѣсколько разъ говорилось про Державную Волю Государя Императора, про братьевъ, сидѣвшихъ въ Портъ-Артурѣ и геройски сносившихъ осаду семь мѣсяцевъ.

Въ такомъ тонѣ велись переговоры въ вагонахъ, на станціяхъ, на стоянкахъ.

Смотрите на японца, говорилъ одинъ офицеръ съ фляжкой черезъ плечо, онъ знаетъ для чего идетъ, ему нужно земли, для того, чтобъ пропитать себя; онъ готовился для войны цѣлые десятки лѣтъ, собирая всѣ свѣдѣнія отъ стоявшихъ военныхъ судовъ, посылая къ морякамъ своихъ гейшъ. Въ военныхъ приготовленіяхъ японцамъ помогали всѣ европейскія націи; въ Англіи строились суда, нѣкоторые изъ англичанъ простирали ухаживанія свои до того, что совершались браки между англичанами и японками. А нѣмцы снабжая японцевъ военнымъ матеріаломъ обучали ихъ военному строю. Эта «желтая опасность», которой пугалъ германскій императоръ, тщательно развивалась подъ крылышкомъ нѣмецкихъ офицеровъ.

Одни русскіе думали о мирѣ, въ сладкомъ невѣдѣніи своихъ сухопутныхъ силъ того, что дѣлается вокругъ. Сладко дремали тѣ, кто не былъ въ Японіи. Тѣ же, которые тамъ были и ни на минуту не забыли своего долга передъ отечествомъ, тѣ знали о же-

стокой ненависти японскаго народа къ русскимъ, знали и сознавали такъ же ясно, какъ все, что не требуетъ подтвержденія.

Несмотря на то, что Михаилъ Кирилловичъ и Василій Михайловичъ Растеряевъ не сходились во взглядахъ на безсмертіе души, во многомъ другомъ они взаимно поддерживали другъ друга и были, какъ говорится, на короткой ногѣ. Потому бесѣды ихъ велись безъ принужденія и были часто продолжительны.

У Куропаткина одна идея, говорилъ Растеряевъ, чтобъ возсталъ Китай.

Зачѣмъ онъ ему понадобился? возразилъ Невзоровъ.

Вотъ тогда-то *идея будетъ*, а теперь ея нѣтъ. За что дерутся солдаты? Вы слышали, какъ они объясняютъ войну? Они говорятъ, что ихъ заставляютъ биться за арендованную землю. Добро бы еще за свою, которая кормитъ и поитъ, а то и земля-то не своя. Влѣзли въ Манжурію, которая не наша, неизвѣстно зачѣмъ, а теперь идетъ все криво да мимо. Вотъ какъ англичане возьмутся обдѣлывать землю, такъ все подъ ними затрепещитъ: и князья и народъ.

* * *

Поѣздъ летѣлъ съ порядочной быстротой, оставляя за собой густые непроходимые лѣса, которые то сходились странные своей новизной, то, лѣпясь по скаламъ, удалялись неразрѣшенной загадкой; въ нихъ водились медвѣди; попадались въ Сибири также и тигры.

Были также такіе разсказчики, которые послѣднихъ считали менѣе опасными изъ-за странной особенности, свойственной только этимъ животнымъ: подобно кошкѣ, тигръ размѣряетъ свой прыжокъ прежде чѣмъ напасть на жертву и затѣмъ въ случаѣ промаха всегда удаляется прочь; борьба съ медвѣдемъ считалась всегда опасной.

Зачѣмъ нужна идея? гремѣлъ Беребенчиковъ.—Безъ нея нѣтъ одушевленія, нѣтъ и побѣды. Идеи нѣтъ, есть только чувство долга, да и то оно нарушается возникшимъ ропотомъ и отвиливаніемъ отъ дѣла. И въ сущности, что такое политика? Въ ней нѣтъ ни добра, ни зла. Возьмите такъ: вы думаете, что нѣмцамъ дорогъ русскій? Нѣтъ. Японецъ? Нѣтъ. Что же имъ дорого? Побѣда воинственнаго народа? Самое искусство вести войну? и они смотрятъ, какъ на интересный спектакль? Вотъ если-бы Куропаткинъ объявилъ себя диктаторомъ, тогда иное дѣло, тогда всѣ бы зашевелились, и мнѣнія полетѣли такъ, какъ почтовые голуби.

Когда Беребенчиковъ вышелъ, всѣ долго молчали.

Интересно, должно быть храбрый, сказалъ Иванъ Ремесленниковъ, прослужившій два года на Кавказѣ.

Боже мой, сказалъ другой офицеръ,—половина всего, что онъ говорилъ, чистая выдумка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мукденскій бой.

Когда русскія войска подъ предводительствомъ Куропаткина отошли къ Мукдену, то за ними потянулись и японцы. Русскіе отодвинулись и сомкнулись раньше и понятно перевѣсъ въ численности былъ на ихъ сторонѣ; всѣ генералы, которые стояли при отрядахъ, понимая, что теперь, когда не подоспѣли всѣ дальнѣйшія непріятельскія войска — весь перевѣсъ и выгоды были въ нашу пользу, всѣ стремились и рвались въ бой. Только одинъ Куропаткинъ былъ другого мнѣнія, только онъ медлилъ, чтобъ дать время всѣмъ непріятельскимъ войскамъ подоспѣть къ данному пункту.

Въ началѣ русскихъ было 80 тыс., а японцевъ 40 тыс.

Но постепенно подошли всѣ остальные, полуголодные, усталые, едва державшіеся на ногахъ; непріятеля было 300 тыс.—расположеннаго кольцомъ вокругъ всѣхъ русскихъ войскъ.

Куропаткину оставалась маленькая лазейка для выхода; онъ предпочелъ безъ боя отойти черезъ нее, со всѣми войсками, не давъ рѣшительнаго боя, но отправивъ 10.000 солдатъ не для битвы, а на полную погибель, они всѣ легли до единаго, съ вѣдома всѣхъ генераловъ, которые ясно сознавали то, что дѣлается на ихъ глазахъ, съ обязательствомъ повиноваться.

Полное согласіе въ войскѣ и среди начальствующихъ больше чѣмъ пошатнулось; произошелъ полный разладъ.

Правая рука Куропаткина или тотъ, кто долженъ былъ занимать это мѣсто, самовольно отлучился отъ командованія и полетѣлъ въ Петербургъ.

Тутъ, представивъ дѣло самому Государю, Гриппенбергъ выразилъ всю ту обиду, которую испытываютъ войска отъ правила веденія войны.

Слова Гриппенберга подѣйствовали, хотя самъ онъ много пострадалъ при подобной миссіи.

Куропаткину послѣдовалъ приказъ сдать свою должность главнокомандующаго и удалиться съ театра войны. Первое приведено было въ исполненіе; второе же—нѣтъ, по слезному письму самаго Куропаткина.

Главнокомандующимъ былъ назначенъ Линевичъ, который принималъ участіе въ китайской войнѣ, бывшей пять лѣтъ тому назадъ и стяжалъ себѣ славу героя.

Пріѣздъ Линевича произвелъ полный переворотъ въ войнѣ, не потому, что онъ далъ генеральное сраженіе; онъ также, какъ Куропаткинъ, отъ таковаго отказывался, но по той или другой причинѣ обѣ стороны заговорили о мирѣ, и въ ожиданіи рѣшенія этихъ переговоровъ обѣ стороны естественно отъ сраженія отказывались. Ходили слухи, что причина мирныхъ переговоровъ была опять та же Манджурія, изъ-за которой воевали два народа.

Въ Манджуріи оказались крупные землевладѣльцы или же арендаторы американцы; они повліяли на свое правительство, а то въ свою очередь выдвинуло Рузевельта съ предложеніеми о мирѣ обѣимъ воюющимъ странамъ.

Мелкіе поводы и частныя причины прошли безслѣдно недоказанные никѣмъ. Но съѣздъ представителей обоихъ народовъ состоялся въ Америкѣ въ Портсмутѣ съ подписаніемъ мирнаго договора.

Говорили, что когда война перешла на материкъ, то какъ всегда неизбѣжно при войнѣ, могли раззориться находившіеся по пути крупные землевладѣльцы—американцы.

Ничтожное обстоятельство само-по-себѣ повліяло на крупныя событія народовъ.

Мукденскій бой не былъ однимъ капитальнымъ и рѣшительнымъ сраженіемъ, это былъ цѣлый рядъ мелкихъ, но многочисленныхъ стычекъ, которыя только въ началѣ велись съ перемѣннымъ успѣхомъ; такъ еще въ концѣ сентября отбивались атаки русскими войсками съ переходомъ въ наступленіе. Но это продолжалось недолго и на незначительныхъ районахъ, такъ какъ распоряженія издавались и смѣнялись разнорѣчивыя.

Когда всѣ войска закончили свой переходъ отъ Лаояна къ Мукдену, то послѣдовалъ отъ главнокомандующаго приказъ, въ которомъ послѣ перечисленія всѣхъ заслугъ и доблестей, выказанныхъ русскими войсками подъ Лаояномъ, выражалась полная вѣра въ удачу на новыхъ позиціяхъ. Этотъ приказъ былъ многословный, но не произвелъ ни воодушевленія, ни новой увѣренности въ командующаго.

Эта вѣра среди начальниковъ давно исчезла, а можетъ она и никогда не существовала въ виду двусмысленнаго отношенія обоихъ стоящихъ во главѣ армій Алексѣева и Куропаткина.

Еще только среди солдатъ оставалась полная покорность ко всѣмъ даже и противорѣчивымъ Куропаткинскимъ распоряженіямъ, но и это самое послѣднее довѣріе было на волоскѣ отъ полнаго исчезновенія.

Послѣ боя при Шахѣ, въ окрестностяхъ Мукдена и другихъ сосѣднихъ, и какъ уже сказано, многочисленныхъ боевъ, слѣдуютъ отъ командующаго одинъ за другимъ приказы объ отступленіяхъ и очисткѣ занятыхъ позицій.

Отъ Лаояна до Мукдена 61 верста.

Когда весь полкъ, въ которомъ находился Иванъ Ремесленниковъ и также Михаилъ Кирилловичъ, отошелъ къ Мукдену, то первое время и офицеры и солдаты были даже довольны. Съ одной стороны, отдыхъ послѣ утомительнаго перехода, съ другой, — близость большого города.

Правда, что этотъ городъ, послѣ прежнихъ стоянокъ въ немъ войска, не представлялъ много привлекательнаго, но все же это былъ большой городъ, гдѣ двигались пестрыя толпы всѣхъ націй; слышался говоръ всѣхъ языковъ и при покупкахъ въ магазинахъ и у китайскихъ торгашей шли въ ходъ монеты со всего свѣта, когда же недоставало послѣднихъ, то за монету шли отколотые или цѣльные брусочки серебра.

Самъ Мукденъ имѣетъ видъ стариннаго китайскаго города, съ дворцами, башнями, построенными такъ, какъ строятся китайскія вычурныя постройки, съ пестрыми, чешуйчатыми крышами, съ фанзами, имѣющими окна только во дворъ, причемъ послѣдній выложенъ плитами и составляетъ мѣсто частаго пребыванія всего семейства,

Такія жилища фанзы занимались войсками, когда онѣ двигались на востокъ; теперь же тамъ были лазареты для цѣлой тысячной арміи раненыхъ.

Тѣ шрапнели и шимозы, которыми сыпали японцы на русскихъ подъ Мукденомъ, уносили и тутъ много жертвъ ранеными и убитыми; на одинъ только полкъ за нѣсколько дней число этихъ жертвъ выражалось въ такихъ цифрахъ: 23 среди офицеровъ и 1000 среди нижнихъ чиновъ.

Случайно Иванъ Ремесленниковъ и Беребенчиковъ оказались въ томъ полку, который былъ расположенъ на самомъ краю города;

тутъ было чище и просторнѣе, но зато имъ пришлось быть въ сосѣдствѣ китайскихъ кумиренъ.

Неудобство это состояло въ томъ, что солдаты вовсе не слушаясь офицеровъ, обращались съ этими кумирнями такъ, какъ хотѣли: разбивали носы и усы идоламъ и сравнивали съ землей находящіяся рядомъ китайскія могилы.

И, съ своей стороны, нерѣдко мелкіе отряды русскіе чувствительно страдали отъ китайскихъ разбойниковъ, которымъ названіе было хунгузъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ случаевъ, находились такіе начальники, которые проявляли жестокость, не разбирая праваго отъ виноватаго, а иногда и прямо попадали въ ошибку, принимая бѣгущихъ китайцевъ за совершившихъ какое-либо предосудительное дѣло.

Такіе начальники возбуждали всеобщую ненависть.

Долго бесѣдовали между собой Иванъ Прохоровичъ и Беребенчиковъ.

3000 паръ сапогъ прислали и 1000 тулуповъ, говорилъ первый, а ихъ понадобится 27 тыс.

Надѣли китайскія кофты, говорилъ Беребенчиковъ, и китайскія шаровары, говорилъ мнѣ Михаилъ Кирилловичъ, въ ихъ полку и ничего, если одна кофта не грѣетъ, надѣваютъ вторую; у китайцевъ и морозъ опредѣляется въ столько-то ватныхъ кофтъ.

Я думаю, русскій солдатъ второй кофты не надѣнетъ, говорилъ Иванъ Никифоровичъ.

Надѣнетъ или нѣтъ, это мнѣ все равно, говорилъ Иванъ Прохоровичъ.

Позвольте, какимъ образомъ, все равно? говорилъ Беребенчиковъ. Что солдатъ будетъ мерзнуть, если ему въ сентябрѣ согрѣться негдѣ? Если на топливо не достаетъ дровъ? Если вся жизнь проходитъ въ землянкахъ?

Не придирайтесь къ словамъ, сказалъ Иванъ Прохоровичъ. Да, мнѣ все равно, потому что я не о томъ думаю. Главное — сущность, ищите духъ въ войскѣ? Ищите душу среди васъ, среди всѣхъ, вы встрѣтите разсчетливость — да, или же апатію. Не съ такими мыслями я ѣхалъ, а съ такими, какъ теперь, полными апатіи, я ѣду во-свояси. Развѣ вы не видите, что офицеры бѣгутъ съ мѣста войны — бѣгутъ тѣ, которые шли для славы.

Дайте вы имъ хоть двухъ Куропаткиныхъ вмѣсто одного, тоже ничего не будетъ, сказалъ Беребенчиковъ.

Отчего, ничего не будетъ? сказалъ Иванъ Прохоровичъ, заинтересованный загадачностью тона.

Оттого... да вы многаго хотите... оттого... что... да вотъ посмотрите на эту удаляющуюся фигуру въ плащѣ, у которой половина фуражки закрываетъ часть лица, а другую усы. О такихъ лицахъ не говорятъ! Вы не знаете: кто онъ? и я не знаю, а тѣмъ, кому онъ нуженъ, для тѣхъ онъ и работаетъ. Вы его видѣли только сегодня, а завтра и послѣдующіе дни его мѣсто займутъ другія лица, такъ вы и не узнаете ровно ничего, а они зато, наоборотъ, прежде васъ узнаютъ.

Да вы-то сами какъ знаете? сказалъ Иванъ Прохоровичъ.

Какимъ образомъ? сказалъ Беребенчиковъ, мнѣ бы пришлось тогда раскрывать такія тайны, что самая чистая правда показалась бы ложью, а потому эта правда старательно скрывается, оставляя мыльные пузыри.

Что же я долженъ думать подъ мыльными пузырями.

Это — то, что на нѣкоторое время займетъ вниманіе публики, а затѣмъ исчезнетъ какъ-будто само собой. Это все, какъ паръ, который разсѣется въ воздухѣ. Для того, чтобъ его собрать, нуженъ холодъ, а для холода—гигантскія силы; такихъ вы не имѣете; ихъ имѣютъ только народныя массы, онѣ-то и руководятъ всей войной, онѣ руководятъ идеей, онѣ же, народныя массы, даютъ слово исторіи. Предположимъ, что на вашей сторонѣ одна народная масса, а на сторонѣ вашего противника — пять народныхъ массъ. Такъ причемъ тутъ Куропаткинъ? Это — орхидей, котораго посадили, чтобъ онъ процвѣлъ. Мы живемъ въ какомъ вѣкѣ? Въ двадцатомъ? Къ этому времени вся Европа, исключая Россіи, составляетъ одно нерушимое цѣлое, одну душу. Вы спросите меня, на какой бумагѣ это написано? Это написано не на бумагѣ, а на томъ, что крѣпче всякой письменности. Вы спросите: что нужно Европѣ? Просвѣтить русскихъ, дать имъ больше свѣта: Наполеонъ I шелъ въ Россію и думалъ освободить русскихъ рабовъ, Наполеонъ III велъ войну, чтобъ облегчить участь русскихъ рабовъ. А революція? Это лакомое блюдо для тѣхъ проповѣдниковъ, которые исчезли, какъ только видѣли, что каша заварена, а расхлебывать будутъ другіе.

По обѣ стороны рѣки Шахэ были произведены тщательныя укрѣпленія русскихъ. Японцы приближаясь, производили окопы и раскидывали свою сѣть дугообразно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Когда непріятели подошли къ дер. Ламантунь, гдѣ къ концу сентября находились русскія позиціи, то начались частыя перестрѣлки съ болѣе или менѣе сильнымъ боевымъ огнемъ.

Тутъ же въ полку находились и Иванъ Ремесленниковъ и Беребенчиковъ. Находясь въ близкихъ отношеніяхъ къ командующему Д., возбуждавшему общее отвращеніе полковыхъ товарищей, оба они могли знать какіе посылаются указы, которые изъ нихъ исполняются, которые—нѣтъ.

Такъ послѣ утомительнаго перехода въ нѣсколько дней получается приказъ, не спать всю ночь и быть готовымъ къ атакѣ. Задача эта оказывается совершенно невыполнимой. Затѣмъ идетъ дробленіе войскъ, послѣ чего получается на позиціяхъ полное смѣшеніе отъ разныхъ полковъ.

Въ такомъ видѣ приходится отбивать сильную атаку японцевъ на Ламантунь. Днемъ это смѣшеніе полковъ сильно стѣсняло, но за ночь возстановлялось новое распредѣльніе. Со стороны японцевъ предводителемъ атаки на Ламантунь былъ прославившійся Оку, и пущено было въ ходъ по запискамъ германскаго генеральнаго штаба 12 батарей.

Обстрѣливаніе мѣстности, окружавшей Ламантунь, происходило съ цѣлью помѣшать походу новыхъ войскъ.

Дробленіе нѣкоторыхъ войскъ или полковъ на части происходило отъ разныхъ причинъ по распоряженію начальниковъ, напримѣръ былъ раздѣленъ Зарайскій полкъ для того, чтобъ поднять духъ войска, такъ какъ за Зарайцами числилось два блестящихъ наступленія Ляндянсань и Ендоніулу.

Деревня Ендоніулу взята приступомъ, какъ одни утверждали Зарайцами подъ руководствомъ полковника Мартынова и какъ утверждали другіе Маршанцами съ подполковникомъ Богдановымъ во главѣ; наконецъ, третьи говорятъ, что оба полка ворвались одновременно. Послѣдствіемъ разногласія было то, что никто изъ представленныхъ отъ одного полка Георгіевскаго креста не получилъ.

Въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда уже нѣсколько времени не было перестрѣлки съ японцами, Иванъ Прохоровичъ и Беребенчиковъ отправились въ одинъ изъ китайскихъ ресторановъ въ Мукденѣ. Тутъ, имъ подали обѣдъ, состоявшій изъ двѣнадцати блюдъ,

съ точки зрѣнія европейца и съѣдобное и не съѣдобное. На закуску подали: зеленый чай, зеленые, то-есть сдѣлавшіеся отъ времени зелеными, яйца, нарѣзанные ломтиками древесные грибы, похожіе на кусочки кожи, салатъ изъ чеснока, огурцы и засахаренные орѣхи. Изъ капитальныхъ блюдъ, составлявшихъ обѣдъ, были: креветы, разнаго рода рыба стружками, разнаго сорта холодное мясо, морскіе черви (трепанчи), невылупившіеся цыплята. Затѣмъ шли еще болѣе мягкія блюда: яйца съ сухарями, поджаренныя въ бобовомъ маслѣ, ростки отъ бамбука, земляныя груши въ патокѣ, рисъ. Весь этотъ обѣдъ заканчивался вторично чаемъ.

Нѣкоторыя блюда остались нетронутыми, а отъ остальныхъ взятыхъ вмѣстѣ стошнило обоихъ.

Какъ ты полагаешь, дастъ Куропаткинъ генеральное сраженіе' котораго всѣ ждутъ, сказалъ Иванъ Прохоровичъ.

По войскамъ отдано приказаніе держаться «до послѣдняго человѣка», говорилъ Беребенчиковъ, «но я знаю эту куропатку, она скорѣй въ поле побѣжитъ». Что же касается до продовольствія войскъ и до ихъ обмундированія, то тутъ Куропаткинъ—сила и я ему отдаю полную справедливость: такая задача мало кому подъ силу. Но онъ же и былъ военнымъ министромъ, такъ что всѣ эти двигающіяся пружины для него хорошо извѣстны.

Когда Беребенчиковъ и Иванъ Ремесленниковъ возвращались къ своему полку, то встрѣтили раненаго Михаила Кирилловича; хриплымъ голосомъ онъ ихъ подозвалъ къ себѣ.

Отвезите на родину мой прощальный привѣтъ, сказалъ онъ, а я уже не вернусь къ роднымъ больше.

Богъ милостивъ, сказали заразъ оба и Беребенчиковъ и его спутникъ.

Не горюйте обо мнѣ и скажите роднымъ обо мнѣ не плакать, такъ лучше.

Оба товарища помогли донести больного и тутъ видя его безнадежное состояніе, оставили его на докторскій уходъ, а сами поспѣшили къ своему полку.

Видъ Невзорова былъ ужасный: съ надломленнымъ черепомъ и раздробленной рукой, скоро онъ впалъ въ безсознательное состояніе и затѣмъ до самой смерти не пришелъ въ себя.

Невзоровъ былъ сотый больной, который умиралъ въ промежутокъ пяти дней на глазахъ врача Растеряева, того самаго, который когда-то ѣхалъ съ нимъ въ одномъ вагонѣ.

Теперь врачъ Растеряевъ совсѣмъ перемѣнился; его печальное съ землистымъ оттѣнкомъ лицо стало, какъ каменное, круглые,

казавшіеся неподвижными при взглядѣ глаза ничего не выражали, ни въ какое время нельзя было прочесть хоть что-нибудь и только слетавшія съ тонкихъ губъ слова приказаній высказывали, что это живой человѣкъ, а не мертвецъ. Молча двигались санитары, шепотомъ передавая приказанія дальше. Только слышны были стукъ посуды объ полъ, переливаніе воды и шорохъ развертываемой перевязочной матеріи. Скоро и эти передвиженія прекратились, такъ какъ для больного онѣ оказывались лишними, онъ перешелъ въ другой міръ.

Въ скоромъ времени тишина опять исчезла. Раненыхъ приносили все больше и больше. Стукъ отъ посуды сталъ сильнѣе; приказанія передавались уже совсѣмъ громко такъ какъ изъ-за стона раненыхъ ихъ было мало слышно.

Такъ продолжалось до часу ночи, когда врачъ Растеряевъ со сжатыми губами и совсѣмъ блѣдный все еще ходилъ между кроватей. Кромѣ него, было еще три доктора и нѣсколько помощниковъ.

Самое худшее положеніе было больныхъ, потому что къ нимъ никто не подходилъ изъ докторовъ, не опредѣляли болѣзни и не давали лекарствъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Жизнь въ Петербургѣ продолжала кипѣть повышеннымъ размѣромъ. Можно было съ увѣренностью сказать, что не только всѣ чувствовали тяжесть, угнетеніе и огорченіе, но и всѣ были выбиты изъ колеи; служебные и правительственные классы терзались и умственно и матеріально.

Такія событія, какъ сдача Портъ-Артура и 9-ое января были отодвинуты на второй планъ послѣ Мукденской катастрофы.

Валеріанъ ходилъ все время сосредоточенный и унылый и оживлялся только тогда, когда вмѣстѣ съ Машей перечитывалъ всѣ телеграммы съ войны и также то, что писалось съ войны.

Письма Андрея Прохоровича были цѣлымъ, важнымъ событіемъ.

Но зачѣмъ Куропаткинъ отказывается отъ генеральнаго сраженія, вотъ это непонятно, сказала Маша.

Валеріанъ ей привелъ цифровыя данныя войскъ непріятельскихъ и нашихъ, что слабо убѣдило Машу.

Ты самъ видѣлъ, Валя, сколько разъ наши храбро отстаивали позиціи и все это впустую?

Что-жъ ты можешь сдѣлать, если приказъ отступать не только что не исполнить нѣтъ возможности, но и промедленіе можетъ быть поставлено въ вину.

Такъ, сказала Маша, какъ бы дважды чувствуя себя побѣжденной. А генералъ Мищенко? вотъ нашъ герой, неужели мы его, Валя, съ тобой забудемъ.

Упаси Богъ! сказалъ Валеріанъ.

Онъ и Кондратенко, Романъ Исидоровичъ, вотъ двѣ яркія звѣзды, изъ которыхъ одна померкла, а другая свѣтитъ.

Палъ Кондратенко и исчезла душа гарнизона, сказалъ Валеріанъ, покачавъ выразительно головой.

Валя, не раскисай, сказала Маша, когда оживленіе—то ты его не поддерживаешь, а когда уныніе— ты хватаешь черезъ край.

Если такъ разсудить: всѣ родятся, чтобъ умереть. Днемъ раньше, годомъ раньше и т. д.—вотъ только различныя степени, сказалъ Валеріанъ.

А теперь мы можемъ жить такъ, какъ сами себѣ назначимъ, сказала Маша, цѣлуя Валеріана въ голову, но послѣдній старался освободиться отъ этихъ объятій.

Ты знаешь, что депутаты отъ рабочихъ съ фабрикъ и заводовъ представлялись государю во дворцѣ.

Совсѣмъ ничего не читала, сказала Маша.

Что же ты дѣлаешь цѣлый день, что у тебя не найдется даже часокъ, чтобъ прочесть газеты?

Цѣлый день уходитъ на шитье, сказала Маша такая печальная, какой её Валеріанъ никогда не зналъ.

Я тебя чѣмъ обидѣлъ? сказалъ Валеріанъ,—скажи, не мучь меня, я готовъ все для тебя, я готовъ въ огонь и воду.

Я вѣрю, сказала Маша. Ея ласковые, синеватые глаза стали еще свѣтлѣе и наполнились тѣмъ оттѣнкомъ, который принято называть глубиной взора.

Повтори, Маша, скажи, что за мной нѣтъ передъ тобой никакой вины.

Нѣтъ, отвѣтила Маша,—ты видишь, что въ данную минуту у меня нѣтъ другихъ мыслей, какъ твоихъ. Но скажи, отчего ты мнѣ большею частью не вѣришь и каждое мое слово провѣряешь какъ часовой, который ударяетъ мѣрно по доскѣ?

Гмъ, я этого не замѣчалъ, сказалъ Валеріанъ и сталъ нервно

ходить по комнатѣ, подергивая свой усъ, то подергивая плечомъ. Это привычка, сказалъ онъ, наконецъ, хладнокровно.

И для меня ты не откажешься отъ своихъ привычекъ? сказала Маша.

Развѣ я не говорилъ тебѣ, моя незабвенная тысячу разъ, что я тебя люблю и безумно люблю.

И даже такихъ маленькихъ жертвъ для меня принести не можешь?

Но я не совсѣмъ понимаю тебя.

Это и неудивительно, когда всѣ твои мысли далеки отъ меня, какъ ты можешь меня понять?

Ты хочешь, чтобъ дважды два было пять, но я не въ силахъ перемѣнить у Бога то, что Онъ Самъ устроилъ; я могу только добровольно выйти изъ этого заколдованнаго круга, какъ многіе, которые пускаютъ пулю въ лобъ и это зовется неудовлетворенностью въ жизни, но перемѣниться только для тебя—это немыслимо, это я нахожу лишнимъ.

Но вернемся, Валя, къ войнѣ, сказала Маша. Неужели это правда, что ведутся переговоры о мирѣ?

Утверждаютъ, что наступилъ военный и сухопутный кризисъ, сказалъ онъ.

Это Куропаткинъ безъ сомнѣнія такъ устанавливаетъ?

Да онъ самый и если у него есть приверженцы, то и они. Еще не произошло столкновеніе нашей эскадры и непріятельской, но оно обязательно произойдетъ. Теперь же пережитыя потери настолько велики, что мира ждутъ, какъ облегченія. Вотъ только приблизительный подсчетъ всѣхъ боевъ: десять дней сраженья подъ Лаояномъ, восемь дней на рѣкѣ Шахэ, между Лаояномъ и Мукденомъ, пять дней у Сандепу, затѣмъ битвы на Ялу, у Цинь-Чжоу и т. д. у разныхъ переваловъ и наконецъ морскіе бои со всѣми еще болѣе безчеловѣчными жертвами. Кромѣ того, изъ арміи выбываютъ больные и увѣчные. Если въ противовѣсъ всего выставить причину войны споръ изъ за Кореи, которую мы не занимали, и Манжуріи, которую обѣщались оставить еще до начала военныхъ дѣйствій, нельзя, не сознаться, что весь вопросъ о войнѣ становится всецѣло желательнымъ со стороны нащихъ враговъ. Что же касается до того, какія условія будетъ ставить Японія при заключеніи мира, то объ этомъ съ ея стороны не приходило никакихъ заявленій. Переговоры о мирѣ велись еще въ 1904 г. въ Берлинѣ съ Витте.

Какія же притязанія выказываетъ Японія?

Вотъ къ какимъ результатамъ привели всѣ вздутыя побѣды Японіи, такъ какъ нельзя же въ строгомъ смыслѣ побѣды назвать битву подъ Тюренченомъ, это тоже что борьба двадцати человѣкъ съ однимъ или подъ Лаояномъ, когда всѣ позиціи были оставлены русскими послѣ жестокаго отпора и наконецъ пятнадцатидневный бой у Мукдена. Но японцы хотятъ слѣдующаго: для предупрежденія впредь возможныхъ со стороны Россіи нападеній, послѣдняя не имѣетъ права держать на востокѣ флотъ, должны быть уничтожены всѣ крѣпости у моря, отданъ ей, Японіи Сахалинъ. Японія желаетъ, чтобъ къ ней относились съ уваженіемъ, она даетъ открытыя двери англійской политикѣ и торговлѣ, и чтобъ въ международныхъ задачахъ спрашивали ея, Японіи, голосъ, и главнымъ образомъ, въ вопросахъ Азіи. Если взять всѣ успѣхи Оямы подъ Мукденомъ, то теперь проходитъ два мѣсяца, чтобъ собирать новыя силы, вотъ какой цѣной покупается этотъ одержанный верхъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

9-ое января въ Петербургѣ.

Какъ подготовлялось рабочее движеніе? Несогласіе интересовъ фабричныхъ съ ихъ хозяевами существовало во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Нерѣдко принимало оно настолько острый характеръ, что грозило большою опасностью и вызывало вмѣшательство правительства и военной силы. Такъ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, во Франціи, среди всевозможныхъ забастовокъ разныхъ профессій, была также стачка пекарей, такъ что весь Парижъ былъ въ опасности остаться безъ хлѣба, но правительство во время успѣло придти на помощь, и всѣ возможныя послѣдствія забастовки не состоялись.

Несогласіе интересовъ всѣхъ работающихъ на фабрикѣ и мужчинъ, и женщинъ со всѣми существующими условіями жизни вызвало то броженіе, которое соединило цѣлыя массы въ одно, причемъ руководителемъ явился неизвѣстный ни въ публикѣ, ни въ обществѣ священникъ Гапонъ.

Уроженецъ Полтавской губерніи, мѣстечка Бѣлики, Георгій Гапонъ учился въ духовной семинаріи, откуда былъ исключенъ, а потомъ опять принятъ. За краткій промежутокъ увольненія Гапонъ занимался въ статистическимъ бюро. Окончивъ семинарію и ставши

священникомъ, онъ получилъ мѣсто въ кладбищенской церкви, предварительно женившись, но скоро потерялъ свою жену, что его озлобило и измѣнило кореннымъ образомъ характеръ. Въ виду сложившихся обстоятельствъ, которыя приняли трагическій характеръ, съ именемъ Гапона соединяется имя крамольника и злодѣя.

Итакъ Гапонъ явился руководителемъ рабочаго движенія, самъ отголосокъ этой неудовлетворенной толпы, готовой на сопротивленіе, и самъ еще больше увлеченный ею.

Всѣмъ извѣстно, что на Западѣ перерабатывался рабочій вопросъ нѣсколько разъ, съ уступками то въ одну, то въ другую сторону.

Когда Маша вернулась къ себѣ около пяти часовъ дня, она не хотѣла говорить своей матери о томъ, что она перечувствовала и видѣла, и заказала прислугѣ своей чаю:

Аннушка, приготовь мнѣ чаю, сказала Маша, какъ она думала, совсѣмъ просто и обыкновенно. Но Аннушка изъ за словъ взглянула на барышню и видя какъ та взволнована, убѣдилась, что что-то очень сильно встревожило ея милую барышню.

Что же ты не идешь за чаемъ, повторила Маша.

Да барышня, что съ вами?

Лучше и не спрашивай, сказала Маша,—это что-то ужасное, я не хочу говорить мамѣ, потому что она встревожится и еще заболѣетъ.

А что-же такъ, ужъ скажите мнѣ, сказала Аннушка.

Да на Невскомъ и пройти нельзя, сказала Маша.

Да что они дѣлаютъ?

Ничего не дѣлаютъ, стоитъ толпа и никого не пропускаетъ, густо, густо, отъ Литейной вплоть до Адмиралтейства.

Да что имъ надо?

Говорятъ рабочее движеніе и войска вызваны.

Когда Аннушка услышала слово «войска», то пошла приготовлять чай; какъ будто она предвидѣла или маленькое или даже большое успокоеніе.

Въ это время вошла Наталья Ивановна.

Что ты такъ поздно? сказала она Машѣ.—Ты сказала, что скоро пріѣдешь, и вдругъ четыре часа тебя нѣтъ. Что же случилось.

Ахъ, мамочка, даже не охота разсказывать, цѣлыя толпы стоятъ, и не возможно пройти ни въ одну, ни въ другую сторону.

Что же въ дѣйствительности такое? Плачутъ, не плачутъ, зачѣмъ же они стоятъ?

Говорятъ—революція.

Ахъ такъ? Давно бы сказала. Гдѣ ея не было! Да, революція. И чего надо тѣмъ, которые подняли возстаніе?

Мнѣ ничего неизвѣстно. Говорятъ, что рабочіе и что ихъ ведетъ священникъ Гапонъ, что они хотѣли подать просьбу на Высочайшее имя.

Къ этому времени подошелъ Валеріанъ Михайловичъ. Онъ старался быть спокойнымъ, но перенесенное волненіе заставляло его временами забывать о томъ, что на него смотрятъ дамы и переживая еще то, что онъ только что видѣлъ.

Вы говорите, что толпа невооруженная? сказала Наталья Ивановна.—Теперь она постепенно вооружается, какъ только пришла въ соприкосновеніе съ войсками.

Откуда же берутъ оружіе?

Отъ городовыхъ, изъ ружейныхъ лавокъ, стекла которыхъ разбиты.

Чего же они требуютъ? продолжала Наталья съ видимымъ спокойствіемъ, которое очень удивляло Машу.

Чего требуютъ? сказалъ Валеріанъ съ такимъ вздохомъ и такимъ тономъ, какъ будто онъ долженъ былъ свалить съ плечъ одну ношу, чтобъ поднять другую. Но всетаки онъ совладалъ съ собой! Уменьшенія рабочаго дня, прибавки заработной платы, возвращенія прежнихъ уволенныхъ рабочихъ.

Такъ, сказала Наталья Ивановна, и вы говорите всѣ рабочіе соединились? всѣхъ заводовъ?

Всѣхъ.

Какъ же они достигли этого?

Распространялись брошюры и передавались постепенно.

И правительство не знало объ этомъ?

Знало наканунѣ, что въ такой-то день они соберутся сообща, и были приняты мѣры! на извѣстныхъ пунктахъ разставлены войска.

Я думаю, войска помѣшаютъ только, сказала Маша.

Душенька моя, какъ же безъ нихъ? сказала Наталья Ивановна,—вѣдь правительство отвѣчаетъ за безопасность женщинъ и дѣтей, а толпа, хоть и невооруженная, всетаки есть сила. Неизвѣстно, что придетъ ей въ голову. А теперь раненые и убитые. Вы не знаете сколько? сказала Маша, обращаясь къ Валеріану.

Если-бъ я могъ хоть приблизительно сказать, то вы назвали бы меня всевѣдущимъ. Я ничего не знаю.

Такъ узнайте, пожалуйста.

И ничего не узнаю, потому что это до вашего свѣдѣнія никогда не дойдетъ.

Хорошо, сказала Маша, но проводите меня завтра, когда я пойду отъ Ольги Епифановны; мнѣ теперь начинаетъ дѣлаться страшно.

Отчего же нѣтъ? Я съ удовольствіемъ, къ вашимъ услугамъ, сказалъ Валеріанъ.

Онъ не проникъ, что Маша, чтобъ избавить свою мать отъ безпокойства о себѣ, обратилась съ такой просьбой.

Въ эту самую минуту вошелъ Андрей Прохоровичъ. Онъ ничего еще не зналъ изъ подробностей и только смутно могъ догадываться, не желая опережать воображеніемъ.

Вы слышали что разбиваютъ лавки? сказала Маша, обращаясь къ Андрею и уже втянувшаяся въ разговоръ.

Объ этомъ я не слыхалъ, сказалъ Андрей. Но еще раньше ни о какомъ вооруженіи не было слышно. Наоборотъ, слышно было, что народныя массы стремились легальнымъ путемъ переговоровъ достигнуть уступокъ. Объ нихъ говорилось давно. А теперь!.. Эта начатая феерія обращается въ трагедію. Казавшіеся прямыми пути обращаются кривыми. Невооруженная толпа становится при вмѣшательствѣ войскъ вооруженной, отбирая шашки отъ городовыхъ, оружіе изъ лавокъ и пуская въ ходъ камни и т. д. Это все имѣетъ прикрышку мирныхъ переговоровъ.

Но чего же они требуютъ? сказала Наталья Ивановна.

Съ увѣренностью, что стоитъ только нѣсколькимъ высочайшимъ лицамъ заступиться за нихъ, толпа рабочихъ ждетъ отъ законодательства всѣхъ благъ, какія ей нужны.

Слѣдовательно требованія политическаго характера? сказала Наталья Ивановна.

Да и политическаго, сказалъ Андрей.

Рабочіе требовали чуть ли не того, чтобъ они выбирали управляющаго и имѣли бы право контроля. Вѣдь дойдутъ же до такого абсурда.

Наталья Ивановна уже больше не разспрашивала, и этимъ былъ исчерпанъ весь вопросъ касательно злобы дня. Весь остальной вечеръ не имѣлъ къ этимъ событіямъ прямого отношенія; слишкомъ много жизни было и помимо трагедіи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Когда былъ вечеръ у Ольги Епифановны, всѣ разговоры были объ жгучихъ вопросахъ съ войны и безпорядкахъ; первые, то-есть о войнѣ были болѣзненно-тихіе и настроенные о той посильной помощи, которая посылалась на Востокъ, вторые — были бурно-оживленные, какъ всегда, когда что-либо поражаетъ своей яркостью. Тутъ были и Марья Павловна и Елена, Валеріанъ и Андрей: всѣ дамы занимались шитьемъ, мужчины нѣкоторые курили.

И вы видѣли ихъ? спросила Маша, обращаясь къ Андрею; это было продолженіе начатаго раньше разговора объ двухъ студентахъ.

То-есть, я вамъ говорю, если въ нихъ еще осталась жизнь, то это какимъ-то чудомъ; потому голова была проломлена, все лицо въ крови и не приди частные люди, такъ тутъ сейчасъ же и конецъ.

Да причемъ же студенты? сказала Маша.

Потому, видите—тутъ мундиръ—внѣшній видъ много значитъ, сказалъ Валеріанъ.

Но почему же тогда не набрасываются на военныхъ и т. д.? сказала Елена.

Тутъ есть вотъ какое обстоятельство, сказалъ Валеріанъ но довольно тихо, такъ что не всѣ даже могли его слышать, всѣ тѣ прокламаціи, которыя распространялись въ народѣ, проходили до нѣкоторой степени и черезъ студентовъ. Теперь—когда толпа осталась безъ хлѣба, оттого что заводы закрылись, первыхъ виновниковъ въ своемъ бѣдствіи она и видитъ въ этихъ же самыхъ студентахъ.

Что же дальше было? сказала Елена.

Что же дальше? сказалъ Андрей,—что обыкновенно бываетъ: подана была медицинская помощь.

Вы говорите, что стекла магазиновъ разбиты? сказала Елена.

Это и теперь видно, сказала Маша, громадныя зеркальныя стекла и съ расходящимися трещинами, какъ отъ брошеннаго камня, и это почти вездѣ по Невскому. Говорятъ, что пострадали даже дѣти, сказала Маша,—у Александровскаго сада.

Дѣти? сказалъ Валеріанъ, туда имъ имъ и дорога; ихъ не такъ жалко.

Какъ вы можете говорить такіе абсурды, такую завѣдомую ложь? сказала Ольга Епифановна.

Дѣти не переводятся, сказалъ Андрей, за одними слѣдуютъ другіе и такъ дальше.

20-го декабря былъ сданъ Портъ-Артуръ, сказала Ольга Епифановна, а теперь и объ этомъ забыли. Слезы, самыя горькія слезы наполняютъ всю душу. Сколько народу пошло въ плѣнъ и тѣхъ самыхъ, которые отбили одиннадцать штурмовъ. Никто не былъ за сдачу. Только одинъ Стессель и нѣсколько его приверженцевъ.

Кондратенко былъ убитъ, вотъ отчего сразу упалъ духъ въ гарнизонѣ, сказалъ Валеріанъ.

Утверждали, что всѣ средства истощены, сказала Ольга Епифановна, а сдавали оружіе, снаряды, казенное имущество, крупу, консервы и т. д. Это—позоръ. Стесселя—мало повѣсить! Это—измѣнникъ.

Но онъ боялся, сказалъ Андрей, что въ случаѣ вторженія непріятеля, начнется рѣзня и пострадаютъ женщины.

Всего боятся, сказала Ольга Епифановна, боятся словъ и своихъ поступковъ.

Во всякомъ случаѣ, надъ ними будетъ судъ, сказалъ Валеріанъ.

Такъ написано въ «Новомъ Времени» отъ 23-го декабря 1904 года:

«Вмѣстѣ съ генераломъ Стесселемъ, вмѣстѣ съ остальными защитниками Портъ-Артура вся Россія горячо желаетъ этого суда. Только одинъ судъ можетъ привести къ тому, что кромѣ ст. 64 положенія объ управленіи крѣпостями, найдутся, быть-можетъ, и другія статьи, по которымъ полагается привлекать къ суду и тѣхъ, кто строитъ и не достраиваетъ крѣпостей, портовъ и доковъ, кто строитъ крѣпости, но не вооружаетъ ихъ, кто назначаетъ къ крѣпости защитниковъ, но не обезпечиваетъ ихъ для исполненія ихъ долга ни достаточнымъ числомъ орудій, ни достаточнымъ числомъ снарядовъ. «Люди стали тѣнями», но и эти тѣни на 200 выстрѣловъ могли отвѣчать непріятелю лишь однимъ выстрѣломъ. Можетъ-быть найдутся статьи въ положеніи объ управленіи крѣпостями, которыя объяснятъ, что крѣпости должны всегда быть снабжены достаточнымъ запасомъ провіанта, одежды, медикаментовъ, наконецъ, достаточнымъ для района крѣпостныхъ сооруженій числомъ защитниковъ.

«Только одинъ судъ надъ защитниками Портъ-Артура можетъ

выяснить истинныя причины того рокового явленія, что на разстояніи полувѣка Россіи пришлось повторить въ Портъ-Артурѣ второй Севастополь, съ тою разницей, что 50 лѣтъ назадъ въ жертву былъ принесенъ въ Севастополѣ парусный, устарѣлый флотъ, а въ Портъ-Артурѣ потоплена и взорвана эскадра, насчитывавшая въ своихъ рядахъ 6 броненосцевъ новѣйшаго типа, на нѣкоторыя изъ которыхъ съ завистью смотрѣли въ иностранныхъ флотахъ.

«Только одинъ судъ можетъ показать во что обошелся Россіи пагубный, роковой законъ о морскомъ цензѣ.

«Нѣтъ, пусть будетъ судъ, но не обращенный въ пустую формальность, а судъ строгій, правый и милостивый. Такой судъ только истинныхъ виновниковъ бѣдствія и позора, разразившагося надъ Россіей, можетъ повергнуть въ тревогу.

«Защитники Портъ-Артура не боятся строгаго суда; всѣ русскіе люди его желаютъ, потому что только такой судъ поможетъ Россіи освободиться отъ тайныхъ, темныхъ враговъ, болѣе опасныхъ, чѣмъ явные».

Такъ думали въ началѣ сдачи, а затѣмъ мнѣнія стали мѣняться и стало рости негодованіе противъ Стесселя.

Такъ сообщается изъ Харбина:

«Харбинъ. 11-ое февраля. Прибывшіе изъ Портъ-Артура сообщаютъ, что сдача крѣпости для всѣхъ была неожиданностью. На военномъ совѣтѣ 19 голосовъ было противъ сдачи и 4 за сдачу. Генералъ Смирновъ отказался присутствовать въ совѣтѣ и пошелъ въ плѣнъ. Душой обороны были Смирновъ и Кондратенко, котораго жители и солдаты боготворили,—его смерть ускорила сдачу крѣпости. Во все время осады всѣ мирные жители несли различную службу. Бѣдныя женщины и дѣти питались лишь съ помощью личныхъ знакомыхъ и страдали отъ голода. За послѣднее время тяжело-больнымъ выдавали по полъ-галеты и горячую пищу. *Японцамъ сдали много консервовъ*, галетъ, крупчатки, продуктовъ и снарядовъ, которыхъ хватило бы на два, на три страшныхъ штурма.

«Бѣднымъ частнымъ жителямъ при отъѣздѣ изъ Портъ-Артура никто помощи не оказывалъ. Въ Дальній мирные жители отправлены были въ неотапливаемыхъ вагонахъ и не товарныхъ, открытыхъ платформахъ. Въ дорогѣ замерзли двое дѣтей, многіе обморожены. Въ Дальнемъ ихъ помѣстили въ недостроенномъ зданіи женской гимназіи съ временными, плохими печами. Всѣ угорѣли, одна женщина умерла отъ угара. Подъ конвоемъ, всѣхъ посадили

на японскій пароходъ «Сингамару» въ трюмъ и отправили въ Чифу, гдѣ стояли цѣлыя сутки на рейдѣ. Гражданскій комисаръ Портъ-Артура Вершининъ далъ въ Чифу парадный прощальный обѣдъ купечеству. При выѣздѣ изъ Портъ-Артура жители сами оказывали другъ другу помощь! Ночь на 19-ое декабря была самая страшная: взрывали суда, изъ которыхъ цѣлыхъ нѣтъ. Во время штурмовъ женщины и дѣти прятались въ водосточной трубѣ, около Маріинской общины. 75-ти миллиметровые снаряды летали безпрерывно. Много большихъ снарядовъ не разрывалось. Ужасъ осады и страданія не поддаются описанію. Егермейстеръ Балашевъ—герой сильно заботился о раненыхъ и объяснялся съ японцами. Занятіемъ Высокой горы, которая три раза переходила изъ рукъ въ руки, дана была японцамъ возможность точно и правильно обстрѣливать городъ. Разрушены Саперная и Стрѣлковая улицы и близь-лежащій русско-китайскій банкъ, много большихъ домовъ въ Новомъ городѣ и церковь. Не пострадали: китайскій Новый городъ, реальное училище, Перепелиная и Золотая горы и много частныхъ домовъ въ Новомъ городѣ. По Ляотешану не стрѣляли. Узнавъ о сдачѣ крѣпости, въ городѣ былъ произведенъ грабежъ: японскіе солдаты и офицеры, войдя въ городъ, съ большою вѣжливостью, какъ бы въ подарокъ, забирали повсюду нравившіяся имъ вещи.

«Японскія войска вошли торжественно съ музыкой. Одѣтый блестяще генералъ Ноги посѣтилъ 10-ый госпиталь и осматривалъ аптеку и больныхъ. По входѣ японцы ввели въ Портъ-Артурѣ свои административныя управленія.

«Вновь организованная японская полиція энергично возстановила образцовый порядокъ. Русско-китайскій банкъ сдалъ японцамъ наличную кассу въ суммѣ одного рубля 80 коп.

«За время осады мирныхъ жителей убито: мужчинъ около 200, женщинъ—10, дѣтей—3. Японцы разрѣшили не плѣннымъ увозить все свое имущество».

Когда Валеріанъ окончилъ чтеніе своихъ приведенныхъ выписокъ, то нѣкоторое время господствовало молчаніе. Ольга Епифановна громко рыдала. Маша и Елена имѣли опухшіе красные глаза и носы, но Андрей и Валеріанъ были свѣжи и спокойны; все что они чувствовали оставалось въ ихъ собственной душѣ, и они жили умомъ по преимуществу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

10-го февраля былъ изданъ глубокопрочувствованный Высочайшій манифестъ, призывающій народъ къ работѣ и труду и къ вѣрѣ въ Провидѣніе.

Затѣмъ послѣдовали два рескрипта: на имя Сената и министра Внутреннихъ дѣлъ, гдѣ поручалось тѣмъ и другимъ разработать даруемое народу выборное начало.

Съ самаго начала войны германскій императоръ Вильгельмъ зорко слѣдилъ за всѣмъ ходомъ «желтой опасности», о которой онъ писалъ еще до начала военныхъ дѣйствій и живописно изобразилъ на картинѣ собственнаго вымысла.

Изъ словъ германскаго императора выходило, что русскіе терпятъ неудачу за то, что они плохіе христіане; кромѣ того, офицеры русскіе привыкли къ роскоши.

3-го марта эскадра Рождественскаго покидаетъ Мадагаскаръ, идетъ въ Индійскій океанъ. 24-го Марта проходитъ черезъ Малакскій проливъ и 26-го мимо Сингапура, гдѣ ее ждетъ японскій адмиралъ Того.

Если русскія суда будутъ идти также быстро и Того не заградитъ имъ пути, то 6-го апрѣля они появятся у береговъ японской Формозы. Но ничего въ этомъ родѣ не случилось.

Рождественскій зашелъ въ Камранскую бухту, въ французскихъ индо-китайскихъ владѣніяхъ, чтобъ тамъ выждать прибытія эскадры контръ адмирала Небогатова.

Послѣдній же еще 25-го Марта былъ у береговъ Африки и могъ появиться въ индо-китайскихъ водахъ только 20-го апрѣля.

Вотъ сколько приходилось ждать Рождественскому и чего не допустили не только Японія, угрожавшая войной Франціи, но и Англія.

Рождественскій отошелъ въ китайскій портъ Хонькоэ, тоже на Индо-Китайскомъ берегу.

Дальше вопросъ становится еще сложнѣе вслѣдствіе заявленнаго протеста почти всѣхъ государствъ.

Страхъ усиленія Россіи и новыхъ побѣдъ былъ такъ великъ, что державы указывали Франціи на нарушеніе нейтралитета за доставку угля.

Эти протесты сыплятся пригоршнями и въ англійскихъ и во французскихъ газетахъ.

Если адмиралъ Рождественскій не могъ оставаться въ одной французской бухтѣ, то ему только и оставалось, что переходить изъ одной бухты въ другую, что опять вызывало еще большіе протесты

Итакъ, побывавъ въ Индо-Китайскихъ водахъ и соединившись съ эскадрой Небогатова, военныя суда второй эскадры пошли на сѣверо-востокъ.

Вниманіе всѣхъ стало еще тревожнѣе.

Между тѣмъ японскій флотъ былъ ослабленъ прежними потерями, которыя доходили до порядочныхъ размѣровъ, а потому ошибочно было думать, что увѣренность японцевъ въ побѣдѣ была полная.

Эти потери сводились приблизительно къ слѣдующимъ даннымъ, были повреждены броненосецъ «Яшима» отъ русской мины, адмиральское судно «Микасъ» отъ собственной мины; повреждены броненосцы: «Шикишима» и «Феджи». Затѣмъ погибли совсѣмъ броненосные крейсера «Азума» и «Кассуга», канонерки «Ошима» и «Атаго», броненосецъ «Гацусе», броненосн. крейсера «Уошино»: «Міако», крейсеръ III ранга «Каймонъ», броненосецъ береговой обороны «Сей-Уенъ», канонерка Гей-іенъ и десятка два минныхъ судовъ.

При такихъ потеряхъ и при пребываніи русской флотиліи изъ 45 судовъ на лицо «не считая транспортныхъ и минныхъ лодокъ», русскій флотъ оказывался всетаки слабѣе. Это можетъ показаться преувеличеннымъ, но въ дѣйствительности оно было такъ, за что лица взявшіяся за задачу указать именно это отношеніе подверглись наказанію.

Пятнадцати-дневный бой у Мукдена былъ тѣмъ событіемъ, которое повлекло за собой перемѣну въ отношеніи между собой воюющихъ странъ.

Этотъ печальный фактъ можетъ имѣть разныя освѣщенія, но по подсчитаннымъ даннымъ онъ имѣлъ слѣдующіе итоги, въ смыслѣ принесенныхъ жертвъ, расходовъ и т. д.

Выставлена была 400,000 армія и затрачено 700 милліоновъ рублей.

Если исключить всѣ потери убитыми и ранеными, то еще остается представить себѣ то тяжелое положеніе въ климатическомъ и національномъ положеніи, въ которое была поставлена дѣйствующая армія за зиму 1904 и 1905 годовъ.

Послѣ 11-ти-мѣсячной небывалой въ исторіи осады былъ сданъ Портъ-Артуръ и тогда мирные переговоры, начатые послѣ Мукденскаго боя, приняли болѣе рѣшительное направленіе.

Изъ другихъ сраженій были: десять дней подъ Лаояномъ, восемь дней на р. Шахэ, пять дней у Сандепу. Затѣмъ битвы на Ялу, у Цзинь-Чжоу, Вафангоу, Сюньчена, Гаитина, Дашичао,—на перевалахъ Далинскомъ, Модулинскомъ и Фыйшулинскомъ, вокругъ Портъ-Артура. Если взять всю развѣдочную часть, всѣ морскіе бои, съ пострадавшими и потопленными судами, то цифра пострадавшихъ доходитъ до ужасающихъ размѣровъ, отъ которыхъ можетъ содрогнуться умъ не однихъ трудящихся надъ прошлымъ исторіи. Если же взять во вниманіе, что война велась изъ-за Кореи и изъ-за Манджуріи и Россіи ставились такія условія, на которыя она прежде не соглашалась, но согласилась до объявленія военныхъ дѣйствій, можно по-истиннѣ думать, что всѣ пережитыя страданія—это и была та цѣль, которая намѣчена затянувшейся войной.

Слухи о мирѣ и дѣйствительные переговоры о мирѣ мѣнялись и пріобрѣтали разныя версіи.

Начиналось сѣтованіе объ исчезновеніи русскаго генія, объ отсутствіи нужныхъ героевъ, талантахъ, о безталанности вождей, начиная съ Алексѣева и кончая Куропаткинымъ. Побѣда—было слово, которое могло бы измѣнить начавшееся унылое настроеніе.

Но если Куропаткинъ не далъ славы русскому оружію, а русское войско выказало беззавѣтную храбрость, то является вопросъ, была ли бы пріятна эта побѣда, если-бъ она предстала въ настоящемъ, непосредственномъ своемъ видѣ? Кромѣ психологическаго вопроса государственной важности, тутъ еще есть цѣлая серія другихъ вопросовъ, которые удовлетворятъ, не прибѣгая къ натяжкамъ, не такъ-то легко... Это вопросы: моральный, чисто физическій, то-есть отвращеніе, пластическій и эстетическій. Вотъ задачи, которыя падали на Куропаткина. Изъ нихъ всѣхъ онъ выбралъ одинъ: культъ русскаго солдата въ своей идеѣ, скорѣй отвлеченной формѣ (въ этомъ его политическая ошибка) и въ то же время непосредственно человѣколюбивой.

Вѣдь эта гуманность въ обращеніи выдвинула его, создала ему карьеру и славу, которая и погубила его.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Давно устроилось хозяйство у Марьи Павловны и Валеріана Михайловича въ ихъ небольшой квартирѣ.

Свадьба ихъ прошла не то чтобъ особенно шумно и весело, но и не печально. На нѣкоторое время всѣ печальныя мысли были отложены.

Все начинало входить въ свою колею, интересы дня принимать обыденный характеръ.

Личные интересы на-время были затемнены въ виду сложныхъ политическихъ событій: войны извнѣ и революціи внутри, во всѣхъ губерніяхъ и столицѣ.

Даже визиты къ знакомымъ всегда приносили съ собой цѣлую пригоршню печальныхъ новостей, но Марья Павловна крѣпилась и не давала нервамъ своимъ настраиваться на минорный тонъ. Валеріанъ былъ очень деликатенъ въ этомъ отношеніи и тоже сдерживался во всѣхъ разговорахъ съ политическимъ содержаніемъ.

Чтобъ избѣжать такого удручающаго впечатлѣнія салонныхъ разговоровъ, Маша и Валеріанъ спасались по вечерамъ въ театръ. но тутъ ихъ ждала новая непріятность только не въ самомъ театрѣ, а по выходѣ изъ него. Въ городѣ было неспокойно, и начиная съ сумерекъ бродили безработные, а ночью хулиганы. Тѣ и другіе приставали къ прохожимъ, первые прося со слезами на хлѣбъ, а вторые приставали съ ножомъ и ругательствомъ.

Самое слово хулиганъ стало настолько въ ходу, что даже употреблялось дѣтьми.

Охъ, дай отдышаться, вотъ устала, говорила Марья Павловна, стоя на площадкѣ предъ дверью своей квартиры. Не попадись намъ извозчикъ... ой, нѣтъ, не могу.—Марья Павловна не то закашлялась, не то какъ-то глубоко вздохнула.

Успокойся, мой милый другъ, говорилъ Валеріанъ снаружи только спокойнымъ голосомъ.—Теперь больше не пойдешь въ такое смутное время или...

Нѣтъ, подожди, что же собственно было?

Да ничего не случилось, не стоитъ и подымать изъ-за этого исторію. Мы цѣлы и невредимы и все тутъ, говорилъ Валеріанъ уже входя въ переднюю.

Что же было? какъ-бы въ раздумьи говорила Маша. Ихъ было два человѣка, они бросились въ нашу сторону, но мы бѣжали скорѣе ихъ и, успѣвъ сѣсть въ экипажъ, стали удаляться.

Хорошо, что все такъ кончилось, сказалъ Валеріанъ,—но ты замѣть, что мы уже десятый разъ выѣзжаемъ по вечерамъ и это первый разъ, что случилась такая непріятность.

Но лучше, если-бъ ничего этого не было, а то со мной сдѣлается истерика.

Вотъ тебѣ стаканъ воды, сказалъ Валеріанъ, подавая самымъ деликатнымъ образомъ. Маша смилостивилась и выпила стаканъ воды.

Вотъ, ты мнѣ, Маша, все не вѣрила, сколько я тебя предупреждалъ. Съ нами ничего не случится, былъ всегдашній твой отвѣтъ.

Вотъ и прекрасно, что все такъ обошлось и другой разъ поѣду, чтобъ пріучить свои нервы. Валя, другъ мой безцѣнный, развѣ ты меня не знаешь. Скорѣй я буду ухаживать за тобой.

И Маша покрывала все лицо Валеріана горячими поцѣлуями.

Черезъ двѣ минуты Валеріанъ лежалъ блѣдный на диванѣ, а Маша прикладывала компрессы къ головѣ. Наконецъ, слѣдуя нити своихъ мыслей, Маша сказала:

Только пожалуйста, завтра не говори.

Что я долженъ не говорить? сказалъ Валеріанъ.

Не говори Ольгѣ Епифановнѣ, что на насъ было нападеніе хулигановъ.

Собственно нападенія и не было.

Но оно могло бы быть, если-бъ мы не удрали, какъ бѣлки. А потому исполни мою просьбу, не говори. Ты мнѣ обѣщаешь? Мой безцѣнный Валя? сказала Маша.

Мое обѣщаніе безполезно, сухо сказалъ Валеріанъ, да и къ чему ты сверлишь свой мозгъ на такую тему.

Не горячись, Валя, совсѣмъ излишне, а въ моей головѣ будетъ все до тѣхъ поръ сверлить, пока не добьюсь до чего-нибудь путнаго.

Но что же вы можете въ политикѣ? вы, женщины, безсильны, когда и мы съ нашей головой дѣлаемъ массу промаховъ.

Пока въ одиночку мы безсильны, но вмѣстѣ мы составляемъ нѣкоторую силу.

И чего вы добиваетесь вашей силой?

То-есть не я лично? а тѣ, которыя составляютъ союзъ женщинъ: права на трудъ.

Женщины и такъ трудятся почти на всѣхъ поприщахъ, завоевывая себѣ все новыя и новыя.

И это совершенно вѣрно, хотя нѣкоторыя еще остаются недоступными, напримѣръ адвокатура, право голоса на судѣ. Но не въ этомъ вопросъ. Сейчасъ я понимаю право на трудъ въ смыслѣ равенства въ вознагражденіи, котораго нѣтъ ни на одномъ изъ поприщъ.

Превосходно, и дальше на что?

Дальше, на защиту женщинъ фабричныхъ и чернорабочихъ.

Отъ чего вы ихъ будете защищать?

Вѣрнѣе сказать: отъ кого? То-есть отъ тѣхъ, которые ставятъ работающихъ въ слишкомъ тяжелыя для нихъ условія.

Подымайтесь, я стою за всѣхъ женщинъ, трудящихся женщинъ, сказалъ Валеріанъ.

Валя, мой безцѣнный другъ, сказала Маша и покрыла лицо его поцѣлуями.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

На слѣдующій день вопросъ о женскихъ правахъ сталъ на твердую почву; казалось, что это какъ огонь; достаточно было искры чтобъ его зажечь, и теперь онъ не могъ потухнуть.

Къ Машѣ пришла въ гости Елена Ивановна, которая долго отмалчивалась отъ разговора на такую тему, но наконецъ не вытерпѣла:

Въ сущности почему же ты, Маша, отдѣляешь женскій вопросъ отъ мужской дѣятельности? То и другое, взаимная зависимость настолько тѣсно переплетены другъ съ другомъ, что, если старательно или искусственно закрыть глаза на многое и разсматривать ихъ дѣятельность отдѣльно, то и тогда придется остановиться на полъ-пути. Это немыслимо! Мужчина безъ любящей души около него ничего не достигнетъ, и вліяніе женщины болѣе чѣмъ громадное.

Нѣтъ, душа моя, ты еще не дозрѣла. Прости, мой другъ, что я выражаюсь рѣзко, но ты сама увидишь, тутъ идетъ вопросъ не о мужскихъ личностяхъ, но о личностяхъ женскихъ, о самосознаніи, которое живетъ въ душѣ каждой, какъ нѣчто неотъемлемое, индивидуальное и въ то же время эта самая индивидуальность составляетъ часть цѣлаго.

Маша, безподобная Маша, зачѣмъ искать невозможнаго! Не лучше ли смотрѣть на то, что уже есть налицо: есть уголокъ, гдѣ давно мужчина идетъ рука объ руку съ женщиной, гдѣ каждое слово ея уважается и стоитъ на счету! Подумать только: каждое!

Да, мой другъ, ты хочешь сказать про аристократическій или высшій кругъ. Но это—только горсточка, въ сравненіи съ милліонами, для которыхъ жизнь высшаго круга остается непонятной и даже больше того, презрѣнной, а своя убогая—это норма, а сами они—это первыя персоны; это фактъ, я не хочу говорить сильнѣе, потому что краски мои назовутъ только черными.

Итакъ, ты не за аристократію?

Я ни за тѣхъ, ни за другихъ. Я только безпристрастно рисую картину всѣхъ душевныхъ движеній. Теперь зашевелились всѣ классы вплоть до самаго нисшаго. Въ западной Европѣ это чернорабочее движеніе женщинъ не имѣло успѣха.

Но развѣ у насъ есть что-либо похожее? сказалъ Валеріанъ. Безработные разсѣялись во всѣ стороны какъ песокъ раздуваемый вѣтромъ; фабрики закрылись и кому же хуже, они же остались безъ заработка. Только обо всемъ этомъ думать, это не по женскимъ нервамъ.

И не по мужскимъ тоже,—уже мы знаемъ, сказала Маша.

Еще Ольга Епифановна не приходила а то только и разговора будетъ о послѣднихъ безпорядкахъ и изъ мухи слона сдѣлаютъ.

Что же именно, скажите мнѣ? сказала Елена.

Но Маша была настолько хладнокровна, что разсѣяла всякія подозрѣнія. Это было тѣмъ болѣе легко достигнуть, что Елена и всегда была не очень догадлива.

Итакъ опасенія Маши оказались напрасными, Елена вернулась къ прежнему вопросу: объясни мнѣ, Маша, все въ точности, въ чемъ же состоятъ женскія права? Когда въ семьѣ хозяйничаетъ жена и держитъ мужа въ почтеніи, вотъ это—наглядно; вотъ только это для меня и убѣдительно. Но чего это стоитъ! Сколько хитростей, уловокъ и тому подобныхъ махинацій. Ты мнѣ объяснишь?

Тутъ—Валеріанъ, сказала Маша, при немъ нельзя.

Отчего такъ? сказалъ Валеріанъ, я всегда отношусь къ твоимъ словамъ съ уваженіемъ.

Не всегда, сказала Маша, очень часто только поспѣютъ слова мои дойти до твоихъ ушей, какъ является готовая реплика и всегда одна и та же. Какая же мысль можетъ работать при такомъ ледяномъ отношеніи?

Я не всегда одинакій, иногда я слушаю, сказалъ Валеріанъ.

Ну вѣрь ему, сказала Маша Еленѣ; стоитъ только повѣрить и сейчасъ обратишься въ ледяную сосульку.

Какимъ это образомъ я ледяню мысль и обращаю въ ледяную сосульку, сказалъ Валеріанъ.

Маша молчала, но не такъ какъ Любовь Ивановна, которая уставила взглядъ свой неподвижно на одномъ предметѣ. Глаза Маши не теряли ни мягкости, ни бархатистости, не принимали ни серьезнаго черезчуръ, ни напряженнаго выраженія. Наоборотъ тому что происходило въ кропотливой мысли, они оставались по

прежнему свѣтлы и ясны. По ихъ кротости нельзя было и предположить что въ душѣ могла кипѣть цѣлая буря; слова съ устъ Машиныхъ слетали такъ же тихо, какъ лепестокъ отцвѣтающій розы, едва замѣчаемый кѣмъ-либо; эти слова, можетъ быть, оттого и не замѣчались Валеріаномъ, что были такъ тихо и просто сказаны.

Елена Ивановна тоже молчала, зная что всѣ ея мысли и слова будутъ подобны вѣтру который колышетъ степными травами, разнося свою едва слышную и едва уловимую пѣснь на далекое пространство и которая вмѣстѣ съ нимъ и замираетъ непризнанная и угнетенная.

Но Маша всетаки преодолѣла себя: и такъ ты самъ желаешь, чтобъ я сказала правду въ глаза, изволь; развѣ ты думаешь о моихъ мысляхъ? О моихъ словахъ—да, кому угодно ты будешь отвѣчать на мои же размышленія, то, чего я съ такимъ усердіемъ добиваюсь отъ тебя, но только не мнѣ. Отчего? Ты скользишь, какъ угорь, избѣгая всего, что я считаю главнымъ или вертишься какъ машина, которая зацѣпляетъ всѣ колеса, кромѣ одного, главнаго, и это главное бездѣйствуетъ.

Кто же ему мѣшаетъ дѣйствовать? сказалъ Валеріанъ.

Мое ледяное состояніе, сказала Маша и посмотрѣла на него такимъ взоромъ, какъ смотрятъ на пьяницу, съ котораго ничего не спросишь.

Отчего если всѣ, всѣ пользуются твоимъ внимательнымъ и участливымъ отношеніемъ, отчего я одна остаюсь какъ проткнутая и пришпиленная бабочка.

Елена то краснѣла, то блѣднѣла, мысленно пожелавъ себѣ быть далеко отъ такой тоски.

Вы всѣ психопатки, какъ одна, такъ и всѣ, сказалъ Валеріанъ, качая правой ногой и покручивая свой усъ съ такой силой, какъ будто имѣлъ дерзкое намѣреніе его оборвать.

Елена встала и стала ходить по комнатѣ, а Маша продолжала смотрѣть тѣмъ же безотраднымъ взглядомъ.

Еще два слова, сказала Елена, обращаясь къ Валеріану, вы сторонникъ женщинъ, вы за или противъ политическихъ правъ?

Права правамъ рознь; если вы хотите имѣть свое войско то я противъ, если вы хотите имѣть свой союзъ на пользу страждущему человѣчеству, то я за права.

Польза и благо, общественное благо... какъ это звучитъ громко и ничего этимъ не достигается.

Ну вотъ, видите, всякая работа вамъ покажется скучной, а по моему такъ выходитъ: поработай человѣкъ, докажи что онъ способенъ, вотъ тогда я повѣрю.

Это все слова, одни слова, сказала Елена.

Дайте намъ поработать, дайте намъ показать нашу жизненную силу, а потомъ выступайте вы, сказалъ Валеріанъ и ушелъ въ сосѣднюю комнату, свой кабинетъ, чтобъ набить папиросами свой новый портъ-сигаръ.

Маша преобразилась: отъ прежней усталости ничего не осталось, бывшая апатія смѣнилась быстро оживленіемъ и усталые глаза заблестѣли рѣшимостью и какимъ-то непонятнымъ для Елены внутреннимъ огнемъ.

Маша по прежнему оставалась сильно потрясенной всѣмъ непредвидѣннымъ для нея раскрытіемъ и по прежнему не находила словъ. Машѣ совсѣмъ не хотѣлось говорить, видя что отъ Елены ничего не добиться. Теперь ты представляешь себѣ ясно что такое: политическія права женщинъ? сказала она.

Все для меня темно, неимовѣрно темно, отвѣтила Елена.

Въ такомъ случаѣ голосъ женскаго общества, только женскаго, это, по крайней-мѣрѣ для тебя ясно?

Это ясно, отвѣтила Елена, дѣлая всѣ попытки, чтобъ уловить чужую мысль не Марьи Павловны, какъ уже представлялось мысленно, а того колективнаго лица, которое уже имѣло плоть и кровь.

Ну теперь собери всѣ твои мозги, сказала Маша, и вникни, что женщина одна единичными стараніями ничего не добьется, но не имѣетъ права разглагольствовать, въ семьѣ—ты это сама видишь, въ обществѣ—никто не допуститъ. И вотъ открывается пока маленькій, очень маленькій путь, но современемъ онъ станетъ шире, такъ по крайней мѣрѣ мыслятъ тѣ, въ комъ живетъ сознаніе своей личности. Въ комъ нѣтъ этого сознанія, тѣ руководятся идеей личнаго матеріальнаго блага, принимая его за цѣль. Ну, да Богъ съ ними, съ этими отверженными. И то, и другое составляетъ одну неразрывную картину.

И все-таки для меня остается не совсѣмъ яснымъ, почему же на этомъ фонѣ или при этой картинѣ выступаютъ враги—мужчины?

Но Валеріанъ уже возвращался изъ своего кабинета съ зажженной папироской рѣшительный и довольный, не подозрѣвая, что сидѣвшія предъ нимъ два друга обратились теперь въ двухъ враговъ.

Это была скрытая борьба, безъ словъ, какъ говорятъ люди,—антагонизмъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Прошло два, три дня, а настроеніе Маши не только не улучшилось, но наоборотъ. Все время недовольная собой она становилась нетерпѣливой, что самымъ пагубнымъ образомъ отзывалось на Валеріанѣ.

Онъ начиналъ чувствовать, что онъ точно сходитъ съ ума, о чемъ онъ даже выражался при Машѣ.

Это война тебя такъ разстраиваетъ, отвѣчала она. Все неудачи и только, а тутъ работа безъ отдыха, ничего нѣтъ мудренаго.

Мнѣ кажется, что у женщинъ нѣтъ сердца, говорилъ онъ. Маша молчала. А есть только нервы, которые привыкаютъ, чтобъ все и постоянно было новымъ. Если есть новыя шляпы, то шляпы, если нѣтъ шляпъ, то новыя платья играютъ такую же роль; если этого нѣтъ, то идутъ увлеченія модными разговорами, даже музыкой увлекаются изъ-за моды. Даже артистами въ театрѣ увлекаются какъ-то нехотя. Все кажется ходульнымъ, искусственнымъ или вымышленнымъ.

Это непостижимо, это убійственно, что ты говоришь.

Что-жъ! не любо, не слушай. Я по твоему увѣренію твоимъ словамъ не вѣрю, и ты мои точно также можешь обратить на вѣтеръ.

Ты раздраженъ, это совершенно ясно, что ты раздраженъ.

Я имъ и буду, но говорить мнѣ все же не запрещено.

Но какая цѣль у тебя?

У меня никакой нѣтъ цѣли; въ этомъ вся бѣда; если-бъ у меня была цѣль, то я её могъ бы достичь, и тогда у меня было бы достаточно терпѣнія. А такого у меня сейчасъ нѣтъ, и все это есть сама жизнь, какъ она есть, некрасивая и безцѣльная.

Валя, другъ мой, скажи чего тебѣ недостаетъ для цѣли: я готова переломать себя, если это только сколько-нибудь поможетъ.

Совсѣмъ не въ тебѣ дѣло. Всѣ честные люди должны видѣть безцѣльность жизни. И именно оттого, что я все имѣю, что могъ бы желать: службу, жену, домъ, оттого для меня это становится яснѣе; мнѣ кажется такъ, зачѣмъ для меня это все устроилось такимъ образомъ, а тысячи людей не могутъ удовлетворить даже и одного своего желанія.

Но въ какой же мѣрѣ это тебя касается?

Я и самъ этого уяснить не могу, но заранѣе строю разные

планы и изъ нихъ ни одинъ не подходитъ, оттого все и сводится къ безцѣльности.

Такъ какъ есть, всегда было и теперь не можетъ перемѣниться.

Не могутъ перемѣниться факты, событія, но могутъ измѣниться идеалы, такъ называемыя руководящія нити, и къ нимъ-то сознаніе безцѣльности и есть подготовкой.

Когда ничего нѣтъ положительнаго, то за чѣмъ же можно идти?

Сейчасъ—нѣтъ, но это положительное общество можетъ создать. Его—нѣтъ въ настоящую минуту, но оно можетъ возникнуть, сначала—въ туманѣ, а потомъ все яснѣе и яснѣе.

Значитъ моей любви для тебя, Валя, недостаточно. Ахъ! зачѣмъ я за тебя вышла замужъ. И Маша горько зарыдала, такъ что слезы ея обратились въ истерику.

Ахъ! зачѣмъ это я такъ говорилъ, сказалъ Валеріанъ, растерявшись, и горькія ноты собственной обиды послышались въ его голосѣ.

Тебѣ не жаль меня, Валя?

Мнѣ никого не жаль: что значишь ты передъ безконечностью или же я? Все движется, все смѣняется.

Боже, какая я несчастная, говорила Маша.

А ты думаешь, что Андрей Прохоровичъ лучше меня? У него и половины моего сердца нѣтъ.

Я уже не могу размѣрять у кого больше сердца, а у кого меньше. Я чувствую, что это переходитъ въ какую-то область, гдѣ всякая мѣрка исчезаетъ и гдѣ ключъ, какъ говорится, потерянъ.

Быть можетъ ключъ потерянъ, а быть можетъ вся дорога потеряна, которая считалась протертой.

Въ одномъ отношеніи есть что-то возвышенное въ твоихъ словахъ, а въ другомъ что-то совсѣмъ безотрадное.

Я это и самъ знаю; такова жизнь, не я ее выдумалъ; это не моя вина.

Нѣтъ, нѣтъ, такую, какъ ты описываешь, ты самъ выдумалъ. Это ты самъ вызвалъ несуществующіе призраки безотрадности. Ты самъ ихъ усилилъ и приписалъ другимъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Елена вышла замужъ за Андрея. Съ внѣшней стороны можно было предполагать ихъ счастливыми, настолько и тотъ и другой имѣли благообразный видъ.

Въ старину говорилось въ такихъ случаяхъ: парочка, хоть куда!

Также и всѣ родные были довольны, только сама парочка чувствовала, что её обошли; какъ говорилось въ сказкѣ, забыли пригласить какую-то волшебницу, и она непрошенная явилась, чтобъ наказать неблагодарныхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она пришла къ нимъ въ домъ, она поселила у нихъ какое-то непостижимое существо, которое только расправило свои щупальцы въ ожиданіи добычи, и все затрепетало и содрогнулось отъ какой-то духовной боли или обмиранія. Такъ говорится въ сказкѣ, но жизнь развѣ не сказка, гдѣ выходитъ не то, что думаешь, а какъ разъ наоборотъ? Такъ и это поселившееся по приказанію феи существо была простая злая волшебница, которая все портила: хорошее дѣлала худымъ, и что ужаснѣе, худое дѣлала хорошимъ. Взаимныя огорченія вели къ чужой чуждыхъ людей радости, а горе чужихъ было ихъ радостью. Развѣ это не было? Елена даже начинала чувствовать, что она не исключеніе, и чѣмъ она больше будетъ спрашивать съ жизни, тѣмъ больше будетъ раздражать эту самую злую волшебницу.

Увы! Еленѣ, какъ она выражалась, приходилось стоять между двухъ огней.

Съ одной стороны была злая волшебница, которая любила, чтобъ о ней вспоминали, то-есть думали, что изъ каждаго поступка выйдетъ зло. Съ другой стороны Андрей становился все болѣе и болѣе недовольнымъ и ничего нѣтъ удивительнаго, когда то же самое существо расправляло свои щупальцы, чтобъ питаться кровью или иначе сказать, дѣлать трудъ человѣка безполезнымъ.

Ни Елена, ни Андрей не старались освободиться отъ этихъ новыхъ оковъ и весь свѣтъ перемѣнился для такихъ зрителей: когда небо было покрыто желтыми полосами, они оба его находили черезчуръ яркимъ; когда багровыя полосы застилали горизонтъ, онѣ вкрадывались въ сердце, какъ щемящая боль, которая увѣряла обоихъ, что потерянное ими или вѣрнѣе даже не найденное счастіе никогда не придетъ. Они готовы были бѣжать отъ этой

боли на край свѣта, но знали, что это безполезно. Все, что они чувствовали, это составляло ихъ тайну, и для всѣхъ постороннихъ они были такіе же какъ тысячи другихъ. Когда же небо покрывалось сѣрыми, свинцовыми разорванными полосами, то оба супруга опускали головы въ уныніи, зная, что судьба неумолима и что ихъ ждетъ горе также вѣрно, какъ маятникъ, который возвращается на свое мѣсто.

Эти явленія чередовались одно съ другимъ до тѣхъ поръ, пока оба не устали подводить итогъ всему пережитому. Тогда окружающая жизнь взяла въ свои объятія Андрея и Елену. Къ ихъ удивленію пропала злая волшебница, но вмѣстѣ съ тѣмъ пропали и послѣдніе крохи личнаго счастія и всякая надежда на него.

Какъ все было ничтожно и велико, говорили они оба про свой медовый мѣсяцъ и какъ теперь все кажется водицей. И несмотря на то, что прежде злая волшебница непремѣнно бы сдѣлала какую-либо непріятность, теперь эти слова не были причиной наказанія. Существовала свобода. Какъ оба благодарили за нее небо, и какъ наслаждались ей! Также какъ воздухомъ въ лѣтній теплый вечеръ, когда житель столицы чувствуетъ и сознаетъ всю громадную разность между столичной духотой и свѣжестью среди зеленыхъ деревьевъ и душистой сирени или черемухи. Увы! эта свобода была только—одна иллюзія; для постороннихъ все было такъ же, какъ и раньше.

Но эта свобода была только иллюзія, прежде и Елена и Андрей думали, что кто то и что то мѣшаютъ ихъ счастью, теперь жизненный опытъ научилъ, что люди сами творцы и художники своей жизни, но и эти разсужденія ни къ чему утѣшительному не привели.

Повѣрь мнѣ, что это все пустое, говорилъ Андрей Еленѣ, на прежде начатый между ними разговоръ. Какая же мнѣ польза отъ этого? Почему я могу убѣдиться твоими словами? Ты хочешь, чтобы я тебѣ привелъ тысячи доказательствъ въ пользу своего мнѣнія? Но ты сама знаешь, что я этимъ не занимаюсь.

Но у насъ есть дѣти. Ради нихъ ты можешь сколько нибудь вникнуть въ мои слова, если мои убѣжденія другія, чѣмъ твои и мнѣ больно слышать когда ты говоришь такъ, а не по моему.

Чѣмъ ты меня хочешь удивить? Это даже странно! У тысячи людей есть дѣти, и изъ-за нихъ они не мѣняются.

Ты нарочно и незаслуженно меня заставляешь страдать.

Зачѣмъ же я долженъ перемѣниться изъ-за тебя?

Нѣсколько разъ я тебя убѣждала, что многое не тактично при дѣтяхъ.

Что же мнѣ за дѣло до этого? Не нравится—и на здоровье.

По моему это нельзя такъ оставить!

И по моему—тоже, прощай, сказалъ Андрей, уходя на службу.

Елена осталась одна дома съ грустными думами безъ малѣйшаго проблеска на лучшее будущее.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Прошло нѣсколько лѣтъ для Маши и Валеріана.

Перемѣна для нихъ была большая, несмотря на то, что съ внѣшней стороны все благопріятствовало имъ.

Видимо духовная жизнь шла своимъ чередомъ. Она расшатала всѣ иллюзіи Маши одну за другой; такъ что за что зацѣпиться въ жизни, за какую идею, которая давала бы право на жизнь, Маша не знала: терпѣть все ради дѣтей, для которыхъ она мать необходимо. Это требовалъ разсудокъ и этого требовало сердце, а жизнь смѣялась надъ тѣмъ, что есть такое средство, ради котораго стоитъ жить.

Не брюзжи, Маша, говорилъ Валеріанъ, неужели тебѣ не надоѣстъ: все только одно неудовольствіе. И что это за напасть такая обрушилась на меня! И какимъ образомъ это я, именно я могъ завидовать семейнымъ и даже хвалить свое существованіе, которое въ глазахъ моихъ было незаслуженное счастіе!

Скоро ты не услышишь больше моего голоса, такъ какъ я рѣшила разстаться. Я себя считаю слишкомъ взрослой, чтобъ учиться и какъ разъ у тебя.

Тебя никто не учитъ, опомнись, Маша, тебѣ же будетъ хуже.

Мнѣ будетъ хуже въ матеріальномъ отношеніи, но этой пытки мнѣ больше не вынести.

Съ моей точки зрѣнія пытка для меня; что же касается до тебя, то никто не стѣсняетъ. Ты даже пользуешься большей свободой, чѣмъ я. Между тѣмъ, кто больше недоволенъ,—рѣши сама.

Сѣрыя глаза Маши уже не смотрѣли больше на свѣтъ Божій съ радостью; а лобъ былъ въ глубокихъ морщинахъ. Для Валеріана она показалась непривлекательной; онъ вспомнилъ Андрея, который раскритиковалъ всѣ черты Маши и вдругъ самъ незамѣтно для себя перемѣнился. Онъ сознался самъ себѣ въ душѣ,

что если Маша уѣдетъ отъ него, то не онъ окажется въ смѣшномъ видѣ. Теперь онъ даже былъ спокоенъ; въ его умѣ возникали разнаго сорта перспективы, которыхъ разнообразіе все росло и принимало даже чудовищные размѣры и самыя фантастическія краски. Странно, что Валеріанъ только въ эту для него критическую минуту обратился къ своему воображенію; прежде оно ему не служило. Валеріанъ даже испугался самъ, не тому что его Маша оставитъ; онъ былъ слишкомъ гордъ въ этомъ отношеніи, а тому, что въ такой короткій срокъ онъ можетъ такъ перемѣниться и не по своей волѣ, а по волѣ другого лица. Онъ былъ настолько очарователенъ въ своемъ манфредовскомъ величіи, когда совсѣмъ не былъ занятъ своимъ лицомъ, что для Маши онъ показался неразгаданной загадкой именно въ эту минуту.

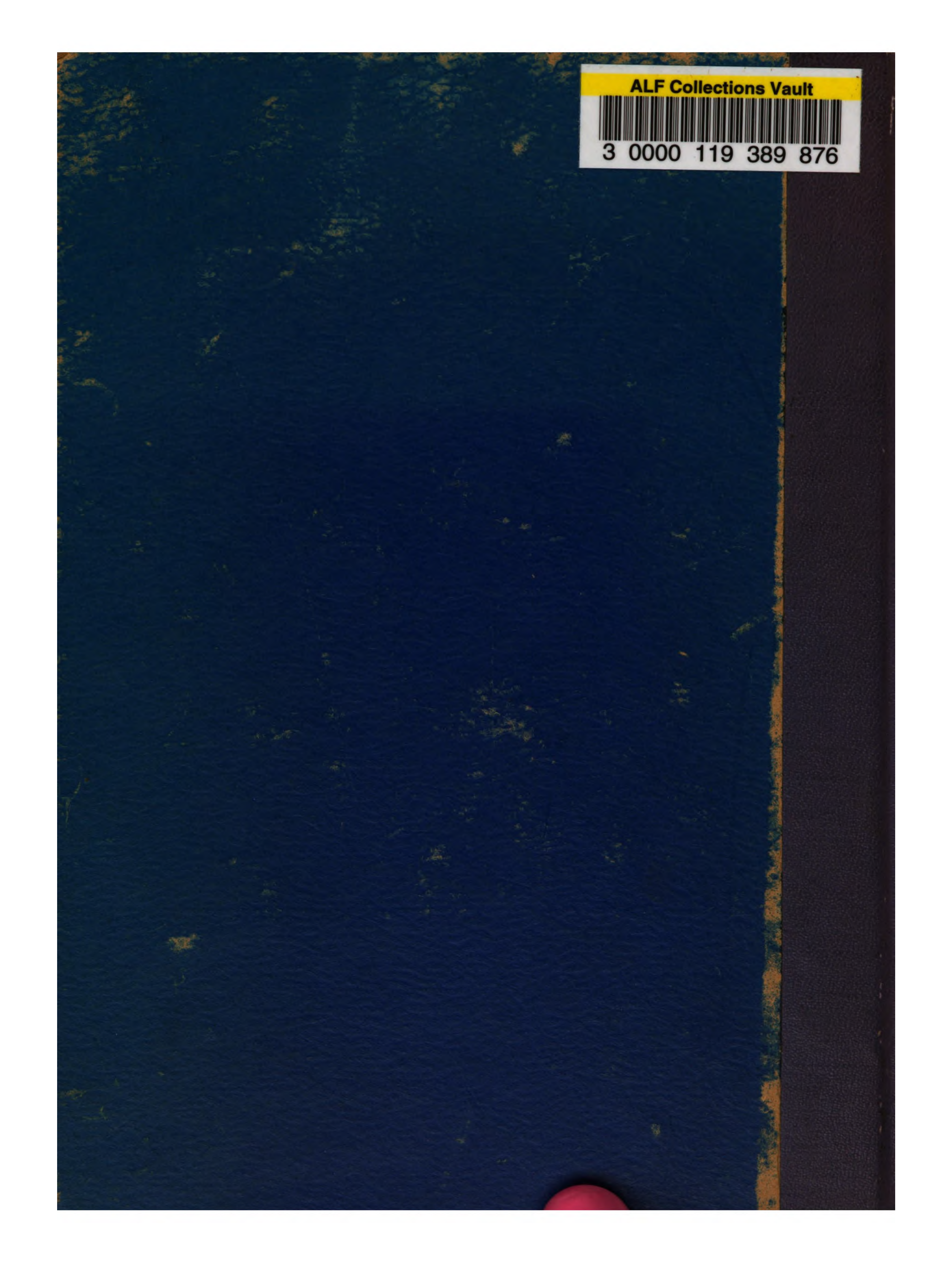
Но, какъ и прежде, Маша всегда владѣла своимъ выраженіемъ лица, такъ и теперь сѣрыя, тусклыя глаза ничего не отразили— ни радости, ни горя, ни добра, ни зла. Маша разсталась навсегда.

У Ремесленниковыхъ произошла большая перемѣна: умерла Анфиса Захаровна, проживъ только два года послѣ того какъ ея сынъ Евграфъ погибъ въ волнахъ Индѣйскаго моря. Какъ она не хотѣла писать сыну своего послѣдняго письма, которое такъ и не дошло! Безъ сомнѣнія это былъ перстъ Божій предъ готовящейся разлукой.

Только одни Антонина и Дмитрій остались тверды и непоколебимы; жизнь ихъ походила на дубъ, который чѣмъ дальше, тѣмъ становился все крѣпче и сильнѣе.

Вотъ хоть одни люди счастливые, говорили про нихъ Елена и Андрей, когда проходили мимо нихъ и тѣ ихъ не узнавали. Когда же они встрѣчались на вечерахъ или дома, или у себя, то они, Елена и Андрей, держали себя, какъ актеры. Въ публикѣ ихъ называли разочарованными.


[redacted]



ALF Collections Vault
3 0000 119 389 876